
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 4 (18)

2014

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Казань, Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор Габдулхаков В.Ф. (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор Безверхов А.Г. (Самара, СГУ)
д.с.н., профессор Балахонский В.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиулов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Корректоры О.Н. Хрусталева, Н.А. Климанова Дизайн, верстка Л.А. Ризванова Перевод Г.Г. Тазеев

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35

Подписано в печать 15.12.2014 г. Формат 60х84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	4
<u>ПРОШУ СЛОВА</u>	
Малков В.П. Наименования образовательной и медицинской организации расходятся с положениями о том же в Российской Конституции	6
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Комлев Ю.Ю. От протодевиантологических идей к классической школе: генезис, основные положения	11
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Набиев Р.Ф. Проблемы преподавания дисциплины «История государства и права»: «евразийский» взгляд	18
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО и КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Безверхов А.Г. К проблеме декриминализации экономических преступлений	24
Шалагин А.Е. Преступления в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ (уголовно-правовой и криминологический аспект)	36
Миронов С.Н., Абдулганеев Р.Р. Сущность и основные признаки религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности России	41
Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность)	50
Кашкаров А.А. Сравнительно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 368 Уголовного кодекса Украины	56
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Богаткина Р.Ш. Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы правового регулирования и правоприменения	62
Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф. Факторы, обуславливающие взаимодействие подразделений органов внутренних дел применительно к оперативно-служебной деятельности: принципы, формы	66
Хайруллин Ф.Р., Илidgeв А.А. Концептуальные вопросы выделения оснований ответственности за соучастие в преступлении по российскому уголовному законодательству	72
Казанцев С.Я., Красильников В.И. Судебно-психиатрическая экспертиза и исполнение принудительных мер медицинского характера	77
Казанцев С.Я., Амиров Р.Г. Роль судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи	82

Буранов Г.К.

Ограничение исключительного смягчения наказания (ст. 64 УК РФ): оправданно или нет?	85
---	----

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**Хуснетдинов Г. Р., Карпов Е.Н., Перов А.В.**

Модульно-рейтинговая система контроля знаний	89
--	----

Куликов Р.С.

Индивидуальный и дифференцированный подходы в подготовке офицеров к воспитательной работе с подчиненными	95
--	----

Хрусталева О.Н.

От «языковой личности» преподавателя к «языковой личности» курсанта вуза МВД России	99
---	----

Шевко Н.Р.

Трансформация сущностного подхода к содержанию основных факторов производства в условиях информационной экономики	105
---	-----

Насибуллина Н.Ш.

Жанровое многообразие творчества Р. Миннуллина: литературные традиции Востока и Запада	109
--	-----

Трибуна Молодым**Артюшина О.В., Толстая М.-В.Е.**

Проблемы обеспечения принципа справедливости в механизме освобождения виновного от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности	113
---	-----

Садыкова И.В.

Актуальные проблемы состязательности сторон на современном этапе развития уголовного судопроизводства в России	117
--	-----

Иванов В.А.

Межведомственное взаимодействие при обеспечении антикоррупционной безопасности деятельности органов государственной (публичной) власти (на примере Республики Татарстан)	120
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглый стол «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции»	126
---	-----

Перечень статей, опубликованных в 2014 году	127
---	-----

<u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	132
--------------------------------------	-----

<u>ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ</u>	136
------------------------------------	-----

<u>ДОГОВОР С АВТОРОМ</u>	138
--------------------------------	-----

<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	140
---------------------------------	-----

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>REQUEST TO SPEAK</u>	
Malkov V.P.	
The names of the education and health organizations contrast with the same provisions in the Russian Constitution	6
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT ACTIVITIES</u>	
Komlev Y.Y.	
From protodeviantologic ideas to classical school: genesis, general provisions	11
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Nabiev R.F.	
The problems of teaching of discipline «State and Law History»: «Eurasian» point of view ...	18
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Bezverkhov A.G.	
The problem of decriminalization of economic crimes	24
Shalagin A.E.	
Crimes in the sphere of legal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances (criminal law and criminological aspect)	36
Mironov S.N., Abdulganeev R.R.	
The essence and main features of religious extremism as a threat to Russia's national security	41
Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E.	
Features preventing professional and recidivism crime (history and modern times)	50
Kashkarov A.A.	
Comparative legal characteristics of crimes under Art.290 of the Criminal Code of the Russian federation and Art. 368 of the Criminal Code of the Ukraine	56
<u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Bogatkina R.S.	
Extradition in criminal proceedings: current problems of legal regulation and application of right	62
Aliullov R.R., Saetgaraev V.F.	
Factors that contribute to the interaction of departments of internal affairs in relation to operational performance: principles, forms.....	66
Khayrullin F.R., Ilidzhev A.A.	
Conceptual issues of allocation of basis of liability for complicity in a crime on the Russian criminal legislation	72
Kazantsev S.Y., Krasilnikov V.I.	
Forensic psychiatric expertise and implementation of compulsory medical measures	77
Kazantsev S.Y., Amirov R.G.	
Role of Forensic expertise in the investigations of offenses causing of a grievous bodily harm due to improper medical assistance	82
Buranov G.K.	
The limitation of exclusive mitigation of punishment (art. 64 of the Criminal Code): is justified or not?	85

HUMANITIES

Khusnetdinov G.R., Karpov Y.N., Perov A.V.

Module-rating system of control of knowledge 89

Kulikov R.S.

Individual and differentiated approaches in the training of officers for educational work with employees 95

Khrustaleva O.N.

From the «linguistic personality» of the teacher to «language personality» cadet college Russian Interior Ministry 99

Shevko N.R.

Transformation of the essential approach to the content basic factors of production in the information economy 105

Nasibullina N.Sh.

Variety of genres of creativity R. Minnullina: literary traditions of East and West 109

TRIBUNE for the YOUNG

Artushina O.V.; Tolstyа M.-V.E.

Problems of ensuring fairness in the mechanism of release of the perpetrator from criminal responsibility in connection with the expiration of the limitation period 113

Sadykova I.V.

Actual problems of the adversarial character of the parties at the present stage of development of criminal proceedings in Russia 117

Ivanov V.A.

Interdepartmental cooperation in providing anti-corruption security activities of the state (public) power on the example of the Republic of Tatarstan) 120

SCIENTIFIC LIFE

Round table «Improvement of law enforcement agencies to combat corruption» 126

List of articles published in 2014 127

ABSTRACTS AND KEY WORDS 132

INFORMATION FOR AUTHORS 136

CONTRACT WITH THE AUTHOR 138

NOTICE TO AUTHORS 140

Малков В.П.

НАИМЕНОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАСХОДЯТСЯ С ПОЛОЖЕНИЯМИ О ТОМ ЖЕ В РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

В статье подвергаются критике несогласованность предписаний законов о переименовании образовательных и медицинских учреждений на организации с Российской Конституцией и гражданским законодательством, а также законодательные требования о переименовании образовательных и медицинских учреждений на организации в учредительных документах, уставах и наименованиях учреждений на соответствующие организации. Ставится под сомнение целесообразность трат бюджетных и иных финансовых средств и людских сил на указанные переименования.

Ключевые слова: образовательные и медицинские учреждения, конституционные наименования и организационно-правовые формы юридических лиц некоммерческих организаций по гражданскому законодательству.

Изучение Федеральных законов № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. (далее – закон об образовании) и № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 25.11.2013 г. (далее – закон по вопросам охраны здоровья граждан) заставило задуматься, существуют ли в законотворческой деятельности компетентных на то федеральных органов государственной власти и должностных лиц какие-то положения (принципы), отступление от которых недопустимо без предварительного на то или одновременного с тем внесения соответствующих изменений в эти самые отправные законотворческие положения и принципы?

В сфере федерального законотворчества (а также субъектов федерации) отправными на то являются требования статьи 15 Конституции Российской Федерации, [1] согласно которой ее положения имеют высшую юридическую силу, прямое действие и применяются на всей территории страны,

а законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны противоречить Российской Конституции.

Федеральные законы, направленные на правовое регулирование реализации права каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, кроме направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, не должны противоречить Конституции и положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, [2] именуемого в правовой науке – экономической конституцией страны.

Судя по содержанию Федеральных законов № 273-ФЗ от 29.12.2012 г., № 317-ФЗ от 25.11.2013 г., депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания, их помощники и консультанты, а также сотрудники Главного государственного правового управления Администрации Президента РФ разучились вероятно заглядывать в Конституцию Российской Федерации, а также и в Российский Гражданский кодекс.

В Федеральных законах № 273-ФЗ об образовании и № 317-ФЗ по вопросам охраны

здоровья граждан [3] содержится много новых и весьма гуманных положений, направленных на совершенствование правового регулирования отношений, складывающихся в сфере образования и охраны здоровья российского населения.

В данной статье нами не ставилась задача исследования и научной оценки всего нового, содержащегося в этих законодательных документах: цель ее ограничивается показом и оценкой лишь положений, расходящихся с Конституцией России и положениями Гражданского кодекса РФ. Приходится сожалеть, что в условиях провозглашенного Конституцией идеологического многообразия в стране все чаще раздаются нападки на ее же положения, призывы переписать Конституцию. Поэтому я разделяю опубликованный в Российской газете от 8 апреля 2014 г. ответ Председателя Конституционного Суда РФ проф. Зорькина В.Д. тем, кто спешит переписать Конституцию России с чистого листа. [4]

В ч. 1 ст. 4 закона об образовании устанавливается, что отношения в сфере образования регулируются Конституцией Российской Федерации, настоящим федеральным законом, а также другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, содержащими нормы, регулирующие отношения в сфере образования. В ч. 1 ст. 22 этого же закона указывается на то, что образовательная организация создается в форме, установленной гражданским законодательством для некоммерческих организаций.

Эти положения разработчиками проекта закона об образовании (а также законодателями) включены в него либо без понимания содержания того, что это означает, либо сознательно по каким-то понятным лишь им мотивам.

В статье 43 Конституции РФ указано:

«1. Каждый имеет право на образование.

2. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных *учреждениях* и на предприятиях (здесь и да-

лее курсив мой - В.М.).

3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном *образовательном учреждении* и на предприятии.

4. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования.

5. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования».

В ст. 41 Конституции устанавливается:

«1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных *учреждениях здравоохранения* оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

3. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет ответственность в соответствии с федеральным законом».

Из сказанного выше видно, что в Конституции РФ организации, занимающиеся образовательной деятельностью и оказывающие медицинскую помощь гражданам, называются *образовательными учреждениями* и *учреждениями здравоохранения*.

Какуженатообращалосьвнимание,вКонституции страны устанавливается (ст. 15), что «законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, *не должны противоречить* Конституции Российской Федерации. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объеди-

нения *обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы*».

В статьях закона об образовании от 29.12.2012 г., а также закона об охране здоровья населения от 25.11.2013 г. осуществлен отказ от конституционных *наименований образовательные учреждения и учреждения здравоохранения*, произведена замена их без внесения изменений о том в Конституцию страны.

В соответствии с Конституцией РФ и Гражданским кодексом РФ образовательная и медицинская деятельность являются разновидностями экономической (предпринимательской) деятельности.

Поэтому при рассмотрении обсуждаемых в данной статье вопросов нельзя обойтись без использования положений Гражданского кодекса Российской Федерации о юридических лицах (коммерческих и некоммерческих организациях), их организационно-правовых формах и статусе.

В соответствии п.п. 1-3 ст. 48 ГК (в ред. закона № 99-ФЗ от 5 мая 2014 г.) юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком. Юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Гражданским кодексом.

В статье 49 ГК устанавливается, что в случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ.

Правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении. Право юриди-

ческого лица осуществлять деятельность, для занятия которой необходимо получение специального разрешения (лицензии), членство в саморегулируемой организации или получение свидетельства саморегулируемой организации о допуске к определенному виду работ, возникает с момента получения такого разрешения (лицензии) или в указанный в нем срок либо с момента вступления юридического лица в саморегулируемую организацию или выдачи саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ и прекращается при прекращении действия разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ.

Гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия с гражданском обороте (статья 2) регулируются Гражданским кодексом.

Особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах, определяются в соответствии с ГК, другими законами и иными правовыми актами.

По гражданскому законодательству юридические лица, преследующие получение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, признаются коммерческими организациями.

Согласно п. 2 ст. 50 ГК, юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

А в соответствии с п. 3 ст. 50 ГК юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться, наряду с другими, в организационно-правовых формах *учреждений*, к которым относятся государственные учреждения (в том числе

государственные академии наук), муниципальные учреждения и частные (в том числе общественные) учреждения.

В соответствии с п. 1 ст. 54 ГК юридическое лицо имеет свое наименование, содержащее указание на организационно-правовую форму. Наименование некоммерческой организации и в предусмотренных законом случаях наименование коммерческой организации должны содержать указание на характер деятельности юридического лица.

В соответствии со ст. 123.21 ГК *учреждением признается* унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. Учредитель является собственником имущества созданного им учреждения. На имущество, закрепленное собственником за учреждением и приобретенное учреждением по иным основаниям, учреждение приобретает право оперативного управления в соответствии с Гражданским кодексом.

Учреждение может быть создано гражданином или юридическим лицом (частное учреждение) либо соответственно Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием (государственное учреждение, муниципальное учреждение). Фактически таким же образом по существу регламентировались положения об учреждениях как организационно-правовой форме юридического лица до внесения в ГК изменений и дополнений законом № 99-ФЗ от 05.05.2014 г.

Поэтому с точки зрения положений Конституции РФ и ГК РФ (в редакции до 05.05.2014 г.) у Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ не было правовых оснований для переименования образовательных и медицинских учреждений на образовательные и медицинские организации.

При подготовке к обсуждению проектов законов об образовании, а также «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Россий-

ской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан Российской Федерации» ответственные за то Комитеты Госдумы и Совета Федерации, а также иные компетентные на то должностные лица и государственные служащие, судя по всему, не заглядывали в статьи 41 и 43 Конституции РФ и в соответствующие статьи Гражданского кодекса РФ о юридических лицах как организациях, занимающихся некоммерческой деятельностью, и их организационно-правовых формах.

Сотрудники Главного государственного правового управления Администрации Президента РФ при изучении поступивших из Федерального Собрания этих законов для подписи и обнародования Президентом не изучили их с точки зрения соответствия статьям 41 и 43 Конституции РФ и соответствующим статьям ГК РФ, рекомендовали Президенту подписать их и обнародовать.

Лишь этим можно объяснить то, что Президент РФ подписал эти законы при наличии в них терминологии, расходящейся с положениями Конституции и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Наличие в Федеральных законах № 273 от 29.12.2012 г. и № 317 от 25.11.2013 г. терминологии, расходящейся с Конституцией и ГК РФ, – свидетельство некомпетентного либо недобросовестного отношения к исполнению служебных обязанностей причастных к этому должностных лиц и государственных служащих.

В соответствии с предписаниями п. 5 ч. 4 ст. 108 закона об образовании не позднее 1 января 2016 г. наименования и уставы образовательных учреждений подлежат переименованию «в образовательные организации высшего образования».

Такая же ситуация складывается в связи реализацией положений закона по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации.

Положения этих законов повлекли за собой разбалансированность в системе правовых норм различных отраслей российского законодательства, а также с информацией, содержащейся в межгосударственных и внутригосударственных договорах и соглашениях.

Необходимо только вдуматься, сколько

бюджетных финансовых средств и иных расходов финансового характера, а также какое число людей вовлечено и еще будет привлечено к реализации предписаний этих законов, расходящихся с положениями Конституции и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Поэтому мне представляется целесообразным рекомендовать незамедлительно

привести положения законов № 273-ФЗ от 29.12. 2012 г. и № 317-ФЗ от 25.11.2013 г. в соответствие с положениями статей 41 и 43 Конституции РФ и соответствующими статьями Гражданского кодекса РФ, тем самым остановить бессмысленные траты на то бюджетных финансовых средств, а также иных расходов финансового характера и людских ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации с поправками, внесенными 05.02.2014 г., обнародована Президентом РФ 29.07.2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. В статье делаются ссылки на статьи Гражданского кодекса в редакции Закона № 99-ФЗ от 05.05.2014 г.// Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. ст. 2304.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52 (Часть первая). Ст. 7598; 2013. № 48. Ст. 6165.
4. Малков В.П. Правовой нигилизм или законотворческое неряшество (Кто несет ответственность за нелегитимность федерального закона в целом или отдельных его положений?) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 5 (69). С.129-133.
5. Российская газета (Федеральный выпуск) № 6351 от 8 апреля 2014 г.

Ю.Ю. Комлев

ОТ ПРОТОДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ К КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ: ГЕНЕЗИС, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Рассмотрены основные вехи в генезисе протодевиантологических идей, исторические и теоретические предпосылки формирования классической школы в девиантологии, ее основные принципы и положения, значение и критика.

Ключевые слова: протодевиантологические идеи, рационализм, утилитаризм, свободный выбор, сдерживание через наказание, общественный договор, естественные права, превенция преступности, модель «закон и порядок».

Когда и как формировалась девиантологическая мысль? Каковы ее истоки и предпосылки? Дать однозначные ответы на эти вопросы в определенной мере сложно. С одной стороны, девиантология – относительно молодая наука, с другой – ее возникновению предшествовал весь социальный опыт человечества и его изучение мыслителями разных времен и народов.

Не исключено, что и в глубокой древности человек размышлял над тем, почему одни деяния социально приемлемы, а другие определяются как греховные или запретные и табуируются религиозными нормами или законом. На заре социальной истории человечества ответы на вопросы, имевшие непосредственное отношение к девиантности и социальному контролю над ней, в широком смысле – регулированию основ социальной жизни, люди искали в мифологии и традиционных верованиях. Так, в мифах вся сложность социального мира складывается из простых и понятных вещей, а жизненные ситуации, связанные с отклонениями от норм, сводятся к обыденным переживаниям, мыслям и действиям. Как известно, в мифе сотворение мира возможно за шесть дней, а сам он состоит всего из четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня. Мифы замещают изучение сложных социальных явлений рассказами о жизни богов, героев и злодеев. Легенды и древние сказания объясняют не толь-

ко тайны сотворения и развития мира, но и раскрывают феноменологию злодеяний, борьбы добродетели и порока. Накопление и закрепление первых протодевиантологических знаний происходит постепенно и находит отражение во всех религиозных источниках. Об этом свидетельствуют Тора, Библия и Коран. Однако мифология и религия как первые формы ненаучного мышления не позволяют проверить на истинность девиантологические идеи и предположения опытным путем.

Ненаучным протодевиантологическим способом фиксации и трансляции знаний о пороке выступает искусство. Это и наскальные рисунки, и поэзия, и проза, и живопись, и театр. Великие мастера художественного слова, кисти, драматургии оставили потомкам выдающиеся творения прошлых лет, в которых описываются девиантные судьбы, людские драмы и трагедии. Девиантологическое содержание можно увидеть в размышлениях и творчестве Гомера, Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Пушкина, Достоевского, Толстого, Маяковского, Маркеса, на полотнах Босха, Рубенса, Брейгеля, Дюрера, Гойи, Васнецова и многих других гениальных творцов. Однако искусство, отражая мир человека, социальные проблемы, в том числе девиантность, не обходится без художественного вымысла, творческого воображения и преувеличений. Оно не связано строгими правилами верификации

жизненных наблюдений в поисках объективного знания.

Научному осмыслению феноменологии девиантности первыми способствовали античные мыслители, опиравшиеся в поисках истины о норме и патологии на философскую рефлексию и диалектический метод. Древнегреческий философ Гераклит Эфесский (родился около 544-540 до н.э.) видел движение вещей и общественных явлений как закономерный процесс, порождаемый единством и борьбой противоположностей (день и ночь, жизнь и смерть, добро и зло). Аристотель (384-322 до н.э.) причины девиантности в форме распрей и войн находил в несовершенном устройстве общества, в имущественном неравенстве, в нарушении меры справедливости.

Идеи античных философов о добре и зле, норме и патологии, государстве и обществе, социальной справедливости нашли отражение в правотворчестве. Так, римская империя создала уникальный социально-правовой памятник – римское право (от свода законов двенадцати таблиц до дигестов Юстиниана), отражающее социальную, в том числе девиантную реальность этой величественной эпохи. Оно выступает как вполне определенное писанное право, единое для всех территорий и сословных групп, способное регулировать самые сложные аспекты как в области властных отношений между государством и гражданином (публичное право), так и имущественных отношений между частными лицами (частное право).

С падением Рима и развитием христианства в Европе протодевиантологическая мысль средневековья развивается в русле богословия. Впрочем, ранние идеологи христианства во многом наследуют римскую трактовку естественно-правовых норм и отклонений. Естественное право на жизнь и собственность рассматривались как данные Богом, однако девиантность трактуется в контексте греховного поведения. Социальные доктрины через понятие Бога развивают Аврелий Августин, Фома Аквинский, Уильям Оккам и другие теологи. Августин (354-430 н.э.) обосновывает социальное неравенство в обществе тем, что оно имеет

божественное происхождение, а земная иерархия есть отражение иерархии небесной. При этом люди, населяющие «Град земной», приверженцы всего греховного (алчные, жестокие, самолюбивые, думающие лишь о телесных нуждах, забывшие Бога девианты). Аквинат (1224-1274) также решительно выступает против социального равенства, считая сословные различия вечными. Равенство людей возможно лишь перед Богом.

Религиозные представления находят отражение в правовых документах средневековья. В салической правде (конец V века н.э.) описан порядок престолонаследия, судопроизводства и заключения сделок, перечислены преступления и наказания, отражены элементы нового общественного строя, связанного с растущим социальным расслоением. Нормы о запрете таких девиаций, как убийства, насилие над женщинами, а также об имущественных отношениях отражены в законах датского короля Кнута (1017-1035 гг.), в англосаксонских статутах и ассизах закрепилось формирование общего права (common law). В Великой хартии вольностей (Magna Charta Libertatum) (1215 г.) отражены реалии английской сословной монархии с ограничением власти короны и провозглашением прав и свобод подданных.

К освобождению от религиозной зависимости в осмыслении девиантологической проблематики привела эпоха Просвещения. С ее приходом утвердился культ разума, укоренились представления о способности человека к познанию Вселенной, использованию природы в своих целях, о пользе наблюдений и умозаключений для поиска истины, о критическом восприятии и анализе социальной действительности.

В философских работах (Т. Мора, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ф. Бэкона, Б. Спинозы и др.) исходя из решения вопроса о природе человека и общества были сформулированы более реалистичные представления о сути и генезисе общества и государства, социальных норм и отклонений. Так, еще в «Утопии» Томаса Мора (1478-1535) были высказаны конкретные соображения о причинах преступности и целесообразности наказаний. Английский философ

Томас Гоббс (1588-1679) сформулировал светский вариант теории «естественного права» и концепцию общественного договора. Люди, созданные Творцом, равны, у них одинаковые возможности и ничем не ограниченные «права на все». Однако, по мнению философа, догосударственное «естественное» состояние человеческого общества характеризуется как «война всех против всех» в условиях абсолютного равенства и ничем неограниченной свободы. В сочинении «Левиафан» Гоббс поднимает проблематику социальных отклонений, порядка и стабильности. В пессимистической перспективе он негативно оценивает человека как эгоистическое, завистливое и ленивое существо – источник девиантности конфликта в силу соперничества, недоверия, жажды славы. Отсюда люди, чтобы избежать самоуничтожения, обеспечить мир и безопасность, вынуждены заключить «общественный договор» – контракт о создании государства, передав ему часть своих прав. Гоббс превозносит роль государства в форме абсолютной монархии.

Джон Локк – представитель английского эмпиризма и либерализма (1632-1704), как и Гоббс, исходит из предположения о «естественном» догосударственном состоянии общества, организованного на принципах равенства, справедливости, независимости друг от друга. В таком социуме отношения между людьми регулируются нормами морали и религии, а не права. Однако по мере роста населения и неравномерного накопления собственности усиливаются девиантогенные факторы и нарастают конфликты. Так возникает состояние войны «всех против всех». Отсюда в поисках выхода люди приходят к идее «общественного договора» или согласия относительно образования государства, которому делегируются полномочия силой обеспечить мир и защитить собственников. Государство как продукт общественного договора – гарант естественных прав (свобода, равенство, собственность). Концепцию общественного договора Локк развил положением о том, что граждане не должны лишаться всех или большинства своих прав, а власть – концен-

трироваться в одних руках или одной властной структуре. Однако Локк, в отличие от Гоббса, убежденный сторонник конституционной монархии, в которой единственным истинным основанием власти суверена является согласие народа.

Французский просветитель Жан-Жак Руссо (1712-1778), разделяя идею общественного договора, иначе, чем его английские предшественники, объяснял причины создания государства и системы норм права. Как мыслитель-гуманист, он утверждал, что человек по своей природе добр, милостив, создан для счастья, но общество его «портит». Согласно Руссо, общество создано общей волей людей, а законы общества являются выражением этой воли. В трактате «Об общественном договоре» Руссо рисует картину идеального общества. В естественном догосударственном состоянии человек находится в гармонии с природой. Однако рост населения и географические факторы приводят к возникновению соперничества. Естественное неравенство сил и дарований людей с появлением частной собственности ведет к политическому неравенству, к конфликтам могущественных и обездоленных, к распространению девиантных проявлений и практик среди людей. Восстановлению гражданского мира и согласия после свержения абсолютизма должно служить создаваемое по общественному договору демократическое государство, опирающееся на ненасильственные воспитательные средства, которые в полной мере отвечают изначально миролюбивой природе человека.

Согласно Руссо, свободой обладает не личность, а государство, и люди пользуются свободой лишь как его полноправные граждане. В результате человек теряет естественную свободу, но приобретает свободу гражданскую. Ее условием выступает равенство, и не только политическое, но и имущественное. Государство не должно допускать поляризации людей на бедных и богатых. Следовательно, Руссо демонстрирует социологическое мышление, обращая внимание на социальное неравенство, наличие классов, конфликтов и перемен, роль демократического государства в обеспечении

гражданского мира и в снижении масштабов девиантности. Идеи юснатурализма и естественных прав были закреплены в работах англо-американского политического активиста и теоретика Томаса Пэйна (1737-1809).

В религиозной интерпретации преступность считалась порождением человеческой порочности, греховности. Если индивид совершал преступление, то ему полагались жестокая кара на земле и ад в загробной жизни. Мыслители эпохи Просвещения и Нового времени не только раскрепостили и развили философскую и политико-правовую мысль, но и подвергли острой критике религиозные модели объяснения поведения людей и, прежде всего, преступности и девиантности, проложили рациональный путь к пересмотру вечной темы «преступления и наказания».

Под влиянием идей Просвещения с развитием метафизического, умозрительного подхода, доминировавшего в философии и юриспруденции той поры, преступление все чаще рассматривается как индивидуализированная форма зла, продиктованная рациональным, свободным выбором индивида. В итоге в криминологии как наиболее развитой части девиантологического знания сформировалась классическая школа

(Ч. Беккариа, И. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и др.), основные этапы развития которой отражены на рисунке 1. [1, с.28-29]

В 1764 году итальянский криминолог Чезаре Беккариа (1738-1794) опубликовал свою фундаментальную работу «О преступлениях и наказаниях». Он первым дал сокрушительную оценку современной ему юстиции, особенно тех судей, которые наклаывали произвольные и чрезмерные наказания. Цель наказания, по мысли гуманиста, должна состоять в сдерживании, предупреждении преступного поведения, а не мести. Он полагал в духе времени, что люди оценивают свои поступки рационально, осознавая боль и похвалу. Согласно Беккариа, сама боязнь наказания заставляет людей вести законопослушный образ жизни. При этом он требовал, чтобы мера наказания в большей степени исходила из того вреда, которое преступное действие причиняет обществу, а не потерпевшему. Беккариа различал три типа преступлений: против безопасности государства, против граждан и их собственности, против общества. Согласно его взглядам, наказание должно соответствовать типу преступления. Так, воровство должно наказываться штрафом, и только за тяжкие преступления

Классическая школа

Период: 1700-е – 1880

Теоретики: Ч. Беккариа, Дж. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и др.

Понятия: рационализм, утилитаризм, свободный выбор, сдерживание через наказание, общественный договор, естественные права, превенция

Неоклассическая школа,

тип 1: закон и порядок

Период: 1970-е – настоящее время

Теоретики: Дж. Катц и другие.

Понятия: определенное сдерживание, общее сдерживание

Неоклассическая школа,

тип 2: защита личных прав

Период: 1960-е – настоящее время

Понятия: естественные права, конституционные права, судебный процесс

против государства предполагается применение смертной казни. Впрочем, великий криминолог-гуманист был настроен против смертной казни в большинстве подобных обстоятельств.

Основателем классической школы по праву считается итальянец Чезаре Беккариа.

Под влиянием гуманистических идей Просвещения Беккариа сформулировал ряд и поныне актуальных принципов превенции преступности и либерализации наказания:

«Лучше предупредить преступления, чем наказывать». [2, с.393]

«Хотите предупредить преступление? Сделайте так, чтобы законы были ясными, простыми, чтобы вся сила нации была сосредоточена на их защите». [2, с.395]

«Должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями». [2, с.216]

«Единственным и истинным мерилom преступлений является вред, который они причиняют нации». [2, с.223]

«Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека ... цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения того же». [2, с.311]

«Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости...». [2, с.320]

«Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность». [2, с.309]

Идейное влияние классика на современных ему ученых, европейское сообщество и практику правоприменения было огромным. Очень высоко оценили правовые принципы Ч. Беккариа прусский король Фридрих Второй, российская императрица Екатерина Вторая. В Уголовном кодексе Франции 1871 года были практически внедрены многие идеи великого правоведа-гуманиста. Однако французский кодекс все еще игнорировал различия между правонарушителями и ситуациями преступлений. Пересмотренный в скором времени уголовный закон этой страны позволял судьям рас-

сматривать обстоятельства преступления, но все еще не учитывал иррациональные аспекты намерений и мотивов поведения преступников.

Таким образом, Ч. Беккариа сформировал классический подход, в рамках которого преступники рационально управляют своим поведением и могут быть удержаны от преступления путем осознания неизбежности угрозы наказания.

Важный вклад в развитие социально-правовых идей Ч. Беккариа и классической школы внес талантливый английский философ и правовед Иеремия Бентам (1748-1832). Бентам в работе «Введение в принципы нравственности и законодательства» (1789) заложил основы моральной философии утилитаризма, в рамках которой польза выступает основой нравственности и критерием человеческих поступков. В соответствии с философией Бентама цель нравственного поступка личности направлена на ее пользу, индивидуальное благосостояние, а общества – на максимизацию общей полезности (по Бентаму, – «наибольшее счастье наибольшему числу людей»). Утилитаризм, как способ мышления в буржуазном обществе, редуцировал проблему морального выбора к расчету выгод и потерь, наслаждений и страданий. Он обосновал прагматичное стремление представителей третьего сословия во всем извлекать материальную пользу, добиваться благополучия, независимо от того, идет ли речь об индивиде или обществе в целом.

Бентам, как и Беккариа, ориентировался на практическую пользу превенции преступлений. Сторонник утилитаризма и гедонистического направления в анализе преступного поведения, он полагал, что «предотвратить случай вреда», превысить удовольствие от преступной деятельности может рационально осознаваемая преступником боль наказания.

Анализируя несовершенство уголовного законодательства, он обосновал в вышеуказанной работе ряд прогрессивных принципов назначения наказания преступникам:

► *«должно, чтобы зло наказания превосходило выгоду преступления»;*

► «чем менее неминуемость наказания, тем более должна быть строгость его»;

► «чем важнее преступление, тем более можно решиться на наказание жестокое для вящей надежды предупредить преступление»;

► «одинаковые наказания за одинаковые преступления не должны быть налагаемыми на всех преступников без изъятия. Надлежит принимать в уважение обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность». [3, с.546-551]

Бентам выдвинул идею создания централизованной полиции, сосредоточенной на предупреждении преступности и контроле. Эта его рекомендация нашла отражение в английском законе о столичной полиции 1829 года. Другой оригинальный вклад Бентама вложен в пенитенциарную криминологию. Он предложил проект тюрьмы по типу Паноптикума, камеры которой располагаются по окружности, что повышает эффективность контроля стражи за заключенными.

В рамках классической школы утвердилось положение о том, что человек сознательно контролирует свою судьбу, а преступление есть результат его собственного свободного выбора. И если человек выбирает зло, то должен нести за это уголовную ответственность. Поскольку преступник взвешивает все «за» и «против», то выбор преступного поведения имеет исключительно рациональный характер. Отсюда, усиливая наказание правовыми средствами, общество должно сделать преступление менее привлекательным и более болезненным для индивида, что и будет сдерживать его от искушения идти по пути злодеяний.

Теоретическое наследие в понимании девиантности, преступности и социального контроля, оставленное классической школой, актуально и развивается в настоящее время. Его можно структурировать в следующих пяти принципах.

Принцип рациональности: поведение людей рационально – результат сознательного выбора.

Принцип гедонизма: максимизация удовольствия (награды) и минимизация боли (наказания) – главные инструменты в пре-

венции преступлений.

Принцип наказания: кара за преступление – средство устрашения и сдерживания.

Принцип прав человека: в обществе должны уважаться права граждан.

Процессуальный принцип: обвиняемый должен считаться невиновным и не подвергаться наказанию, пока его вина не будет установлена в судебном процессе.

Таким образом, лучшие представители классической школы, анализируя преступность, законодательство, пенитенциарную систему и жесточайшую практику наказания своего времени, искренне считали, что при выборе личностью моделей противоправного поведения рациональность является основополагающим мотивом, а превенция и контроль – лучше жестокости наказаний. Принципиальные положения классиков относительно понимания преступности и гуманизации социального контроля над ней в различных вариациях нашли отражение и составляют основу уголовного законодательства многих стран мира.

Вместе с тем нельзя не видеть, что классическая школа заметно ограничивает методологическую основу изучения и многообразие форм девиантного поведения, обращаясь в основном к метафизическому исследованию юридических аспектов феномена преступности. Отсюда наибольшая критика досталась классикам за умозрительность и метафизичность их подхода, поскольку основным методом познания, которым они пользовались, было, по образному выражению американского социолога Э. Сатерленда, «кресло, на котором они сидели во время написания своих книг». [4, с.20] Методологическая ограниченность, оторванность от опыта, эмпирических исследований природы девиантности не позволили представителям классической школы выйти на исследование феноменологии личности преступника, антропо-биологических, социально-психологических, собственно социальных и иных аспектов отклоняющегося поведения.

Классическая школа привела к научному прорыву в пору Нового времени, бурному развитию девиантологических знаний,

привнесла в социально-правовую теорию и юридическую практику великие идеи неотвратимости наказания и, что, особенно важно, его гуманизации, а также превенции преступлений. Основные положения классической школы получили дальнейшее развитие в рамках неоклассицизма в США и других англоязычных странах в 1960, 1970-е годы в рамках направлений социального контроля по моделям «закон и порядок», «защита индивидуальных прав». [5] В их основе лежит неоклассическая концепция сдерживания преступности угрозой и примером уголовного наказания. Однако в правоприменительной практике на рубе-

же XXI века утилитарная модель социального контроля над преступностью «закон и порядок» не выдержала испытание скоростью социальных изменений ультрасовременного капитализма. «Кризис наказания», начиная с конца 80-х годов, если не обрушил этот проект, то, по крайней мере, показал, что его теоретические возможности и практические модели неоклассического полицейского контроля над преступностью и другими формами негативной девиантности в современных условиях весьма ограничены. Однако это тема следующего специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2013.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
3. Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении (сочинения английского консультанта). СПб., 1806.
4. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. -М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
5. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Р.Ф. Набиев

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»:
«ЕВРАЗИЙСКИЙ» ВЗГЛЯД**

Исторические источники содержат значительный объем информации о влиянии обычаев и законов стран евразийского степного коридора на Европу и южные цивилизации. Прямое и опосредованное влияние обычаев и законов «северных варваров» прослеживается на протяжении тысячелетий. Эта долговременная тенденция совершенно не учитывается в программах истории права. Тем самым процесс раннего развития государственности и права разрывается на отдельные части, почти лишенные взаимосвязи. Концепция истории права нацелена на раскрытие проблемы развития «римского права» и его рецепции в последующих правовых системах. При этом она не предполагает освещения принципиального влияния «Евразийской державы» на юриспруденцию иных цивилизаций.

Автор статьи полагает, что разработка этой проблемы позволяет закрыть огромную лауну в структуре изучения истории права. Кроме того, эта тема имеет значительный воспитательный потенциал формируя у слушателей ряд положительных качеств, необходимых для успешного выполнения служебно-боевых задач.

Ключевые слова: обычаи и законы, «северные варвары», концепция истории права, «Евразийские державы», влияние, экономическая основа, скотоводы и земледельцы, всадники, письменные своды законов, зачатки печати, законы кана Аспаруха.

В программе вузовского ведомственного обучения будущих сотрудников органов внутренних дел существует интересная, полезная во многих отношениях дисциплина «История государства и права». Однако преподаватель, обратившийся к программе данной дисциплины, сразу сталкивается с необходимостью преодоления нескольких проблем. Первое, на что обращает внимание предлагаемая программа, – это невозможность подробного разбора большинства тем. Консультации с опытными учеными и преподавателями подтвердили первое впечатление. Таким образом, преподаватель априори ограничивается в выборе приемов и методов работы с аудиторией. По существу, остается лишь беглый обзор сводов законов с фиксацией наиболее значимых особенностей.

В ряде случаев программа вообще не позволяет проводить «генеральную линию» этого важного предмета на **последовательное развитие системы законов в евразий-**

ских масштабах от древних обществ до наших дней.

Следует обратить внимание на то, что общества и нормы права в Америке, большей части Африки и Австралии развивались иначе, чем на территории евразийского континента, где довольно отчетливо выявляются культурные взаимосвязи между различными его оконечностями. Поэтому, рассматривая развитие законов государств Европы, Азии и средиземноморского побережья Африки, мы имеем дело с одной (мир-)системой. В ее рамках происходил относительно быстрый обмен новшествами, выработанными на разных концах континента. Примерная схожесть климатических условий вдоль «степного коридора» позволяла тиражировать на всем его протяжении и развивать опыт, зафиксированный на одном из участков. К примеру, расположение американского континента не способствовало распространению многих новшеств,

т.к. условия проживания различались существенно.

В этом свете видится неверным принципиальное разделение развития права в России и за рубежом. Кроме того, по материалу учебников можно делать выводы о влиянии права южных цивилизаций на народы нашей Родины, но курс не дает оснований полагать о каком-либо влиянии народов северной Евразии на «цивилизованные» Грецию, Рим, Иран и Китай... А так ли это?

Базовые причины необходимости пересмотра концепции истории права заключаются в том, что в VIII-XVIII вв. она была заимствована русскими учеными из Западной Европы. В императорской России она была дополнена и «доработана» в советское время. Являясь частью общей системы преподавания и воспитания «советского человека», курс истории права «отстраненно» демонстрировал обучающемуся движение человечества от «диких» норм внутриплеменного регулирования отношений к передовым и прогрессивным законам социалистического общества... В условиях движения «к победе коммунизма» во всем мире «отдельные упущения» в истории государства и права (как зарубежных стран, так и России) казались несущественными.

Последние десятилетия стали временем осознания новых реалий, в том числе и необходимости разработки подлинно научной истории. Причем в рамках СНГ. В свете этой тенденции более очевидным становится крупное упущение теории и истории государства и права: оказался неразработанным огромный период развития государства и права на территории современной Российской Федерации и стран СНГ.

Если рассматривать развитие отечественного права во взаимосвязях культур, то право государств Армении, Урарту, Чача и Хорезма не уступит античным государствам ни по древности, ни по значимости.

Говоря о Восточной Европе, следует учитывать, что исторические источники сохранили сведения о государственных образованиях и особенностях права еще со времен скифов.

Действительно, со времен глубокой

древности прямое и косвенное влияние «северных варваров» на традиции и законы южных цивилизаций было значительным, а временами и определяющим. Не следует, например, забывать, что эти цивилизации век за веком «наполнялись» «пассионариями» с Севера. Державы скифов, сарматов, булгар, гуннов – огромные и непобедимые для войск «развитых» империй – оказывали мощнейшее влияние на все другие цивилизации Евразийского континента и даже Северной Африки (вандалы, мамелюки).

Уже в древнейших произведениях античной цивилизации мы видим преклонение древних греков и римлян перед нравами и обычаями конных народов, обитавших в северных степях. Их свободу, неприхотливость и честь воспевали древние поэты.[1] «Природная правдивость и безукоризненная самозаконность», [2] мудрость и непобедимость северных кочевников отразились в образах греческих *кентавров* и ветхозаветного *китабраса*.

Кроме вышеуказанного, у фактора влияния «степных варваров» на жизнь южных цивилизаций и их право имелось несколько аспектов. Одним из них была ротация правящей элиты, которая нашла свое отражение в древней китайской легенде (ср. со сказкой Е. Шварца «Убить дракона»). Отслеживая зарождение и гибель южных государств, можно отметить следующую закономерность: после завоевания очередного государства варварами некоторое время благополучие страны и благосостояние господствующего этноса росло, получаемые блага, науки и искусство «воспитывали» изнеженную молодежь. Но неуклонный рост коррупции и налогового бремени вызывал ответную реакцию податного населения, для которого очередная волна «варваров» была не бедствием, а спасением... Вслед за этим новая волна кочевников, слолив нестойкое сопротивление разложившейся армии, на некоторое время обеспечивала на своей новой родине относительный комфорт и порядок... А в Степи шло формирование нового союза.

И в самом деле, источники свидетельствуют, что многие древние династии «цивилизованных стран» (происхождение кото-

рых не подкрасили придворные историки) происходили из степей. Обратите внимание: и гортинские законы, и Рим называли элиту «всадниками», даже в Спарте, где не было возможности содержать боевых коней и цари воевали пешими, знать по старинке (?) именовалась «всадниками»... И так везде – от Японии (*kishu/kizoki*) до Германии (*райтер/рейтар*), Англии (*кавалер*), и Франции (*шевалье*).

Столетие за столетием историки «цивилизованных» стран вынуждены были констатировать, как и Никифор Григора в «золотоордынское» время: « Скифы, проникая в Европу и подчиняя себе сарматов и германцев, принимали себе их имя... до Ливии... за Геркулесовы столбы... на кого не нападут они, всех по большей части одолевают, делаясь владыками чужих стран. А отечество их самих – Скифию едва ли кто когда поработал. Причина этому та, что они издревле проводят жизнь простую и воздержанную...». [2, с.235]

Учет этого обстоятельства позволяет выделить другой аспект влияния: государственные своды законов разрабатывались потомками пришельцев, следовательно, «варварская юриспруденция» оказывала многостороннее влияние на разработку законов государств античного времени.

Тесное взаимовлияние кочевого и оседлого обществ обеспечивалось и экономическими предпосылками. Дело в том, что «извечное противостояние» кочевников и земледельцев не было антагонистическим. Оказывается, специалисты, исследовавшие кочевое скотоводство, давно вывели положение о хозяйственной взаимозависимости животноводов и земледельцев. Причем первые в большей степени зависели от вторых. В мире не было зафиксировано ни одного скотоводческого общества (ни на одном уровне), не связанного с земледельцами. Более того, когда речь идет о «чистых» «мобильных скотоводах», это означает высокий уровень специализации производящего хозяйства и, следовательно, его более тесную интеграцию с «земледельческими цивилизациями». [3] То есть, антагонистическое противоречие между земледельцами и коче-

выми скотоводами отсутствует в принципе.

Также следует изначально учитывать, что нормы права вырастают из норм морали, проходя в своем развитии последовательно этапы обычного права (адат), религиозного права (шариат) сводясь со временем к нормам т.н. «государственного права». Примерно в таком направлении развивалось законодательство на территории всего Евразийского государства.

Таким образом, оценивая сведения исторических источников об архаичных нормах права на территории РФ (СНГ), мы должны учитывать, что наиболее архаичными будут сведения об обычном и религиозном праве, которые изначально переплетались и детерминировались житейской целесобразностью и доминирующей религиозной концепцией. Интересно, что некоторые «языческие» обычаи и традиции, отмеченные в античное время, продолжали существовать спустя тысячелетия. Некоторые продолжают существовать и поныне.

Описания греческих историков выявляют некоторые конкретные требования обычного права скифов и его существенного развития в течение веков. Интерес вызывают запреты на употребление алкоголя и одежды греков. Так, в истории скифов было отмечено первое столкновение стереотипов и норм права в связи с употреблением вина и ношением греческой одежды молодым царем. Он был казнен соплеменниками за пределами греческого полиса. То есть с соблюдением норм юрисдикции.

У скифов были деньги в виде стрелок. Это значит, что существовал узаконенный всеобщий эквивалент стоимости. Уже в III в. до н.э. при царе Атейе (затем Скил, Скилур и др.) у них появляются деньги виде монет. Это, среди прочего, означает наличие классового общества, бухгалтерского учета и законодательного регулирования торговой деятельности. Претензии царя скифов к грекам по поводу незаконных препон к его международной торговле свидетельствуют о существовании элементов международного права. Постепенное срастание экономик и политических структур номадов и припонтийских греческих полисов позволя-

ет говорить о том, что скифы втягивались в систему правовых отношений передовых по тем временам стран.

Уже со второго века н.э. во время расширения господства сарматов в письменных источниках начинают упоминаться булгары, гунны, савары/сабары. Они оставили значительный след в развитии политических структур и законодательства «развитых стран». Кроме отдаленного идеала справедливого общества для стран античного времени, эти объединения являлись реальной и постоянной внешней угрозой для южных цивилизаций, тем самым заставляя их постоянно уделять внимание совершенствованию законодательства с целью сохранения внутреннего равновесия в государстве и обществе, поддержания уровня благосостояния своих граждан и наращивания оборонного потенциала. Этот «дамоклов меч» военной угрозы и есть тот незримый аспект, заставлявший мелкие страны Европы искать оптимального соотношения интересов разных классов и групп внутри своих обществ. При ослаблении южных государств и нарастании социальных противоречий они становились добычей «северных варваров». Схожий механизм мы видим в XX веке, когда одно наличие СССР заставляло империалистов идти на немыслимые ранее уступки собственным рабочим.

Второй век замечателен, в частности, расцветом т.н. интереснейшей «Черняховской» археологической культуры, которая располагалась на территории современной Украины и до сих пор трактуется учеными, исходя из политической конъюнктуры («готы», славяне» и др.). Историкам известно, что это было время распространения влияния сарматов, которые позже влились в болгарский этнос и государственность. Высокая материальная культура «черняховцев» интересна наличием некоторых признаков, характерных для римской провинции, следами сосуществования разных субкультур (народов?) и большими благоустроенными поселениями без защитных стен. А как же «дикие кочевники»?

На наш взгляд, такое процветание могло быть только в рамках могучего государства, которое гарантировало безопасность на-

селения. Причем в степной зоне это могла быть только держава, обладавшая наиболее мощной конницей. Наличие незащищенных поселений является несомненным следствием того, что у них существовали нормы, успешно регламентировавшие жизнедеятельность разных народов, регулировавшие сочетание разных типов хозяйствования (взаимодействие скотоводов и земледельцев) и способствовавшие закреплению передовых достижений античного мира.

Примерно в это время значительные массы германцев начинают движение на Запад. В их числе были и предки шведов. Их древние легенды, записанные в 13 в. Снорри Стурлусоном, сохранили сведения о своей прошлой родине и, в частности, о законах: в «Младшей Эдде» уточняется, что Один вывел свой народ «из страны турков», основал древнюю столицу шведов – Сигтуну и установил законы, «к каким были привычны *турки*». [4]

Начиная с IV в. господствующей силой в Европе становятся гунны и высшим уровнем источником права становятся приказы Атиллы. Ими не только определяется величина выплат с Рима и Византии, но и утверждаются правители народов и стран. Скандинавские саги, сохранили ряд сведений об указах каганов, в частности, предание о том как Атти (Атилла) направил к одному из народов собаку в качестве короля и те вынуждены были принять ее.

По всей видимости, была предпринята некая регламентация и внутри каганата. Например, исходя из своих традиций, современник и очевидец Приск самих гуннов обычно называл *скифами*, а союзные народы – *варварами*. Судя по описаниям и захоронениям, народы имели разный статус и права в империи гуннов. Кстати, Приск уверенно пишет о «законах скифских», отмечая некоторые их преимущества. [5]

В истории отечественного права гунны-сабары интересны тем, что их элита первой (VI в.) на равнине Восточной Европы была приобщена к христианству, вследствие чего у них также вошли в противоречие нормы обычного и религиозного права. Эта попытка также завершилась гибелью правителя-реформатора. Примерно в то же время

процесс внедрения христианства начался у болгар. Так, известно, что кан Органа имел статус патриция, а на некоторых изделиях кана Кубрата был замечен крест (Некоторые исследователи заметили, что появление креста в качестве символа христианской веры примерно совпадает со временем владычества гуннов. Сам крест в качестве символа четырехсторонней вселенной и магического знака существовал за тысячелетия до того, как оформилось римское христианство).

Устойчивость кочевых обществ обеспечивалась, в значительной степени, обычаям и традициям, исполнение норм которых контролировалось рядовыми членами и регулировалось жрецами и вождями. Мы можем только предполагать, что уже в период раннего средневековья существовало письменное законодательство, использующее достижения Китая, Согда, Рима. Но главным источником права у тюрков становилась воля «царя царей» - кагана, находившая выражение в форме указов-ярлыков.

В ходе анализа проблемы письменных законов нами была разгадана одна из древних технологических тайн, прямо связанная с проблемой распространения и тиражирования законов.

Мы обратили внимание на то, что руны на стелах с требованиями тюркских каганов обычно вырезались на гладкой стороне камней. Так же, как и законы Хаммурапи. Исследователи заметили, что знаки порой размещались зеркально, а строки могли идти как с правой стороны, так и с левой. С такой поверхности любой пользователь при помощи краски мог всегда снять копию на бумажный (папирус, лист) носитель. Так снимались копии с камней русскими учеными-историками еще в 19 в., а в Китае иногда это делают и в наше время. Это – одно из первых проявлений древней печати.

После этого становятся понятными «железные доски» Рима и законы 12 таблиц, вырезанные на медных листах и выставленные в людном месте. Пример такого способа печати до недавнего времени сохранялся в Тибете, где с клише в виде дощечек печатали книги со страницами в виде узких листов.

С учетом этой технологии становится

понятным и «обратное» расположение рун на ряде стел, замеченное некоторыми учеными, и неудобные для чтения палки из Средней Азии и Скандинавии с вырезанными на них текстами. Очевидно, что любой пользователь мог теперь скопировать их и использовать в своих интересах. Это обстоятельство способно объяснить, в частности, чего именно добивались в ходе своей борьбы за права римские плебеи. Римские законы, выставленные на всеобщее обозрение и копирование, стали прозрачны и доступны каждому. По-новому теперь воспринимается и известное высказывание из речи Цицерона (соратника Цезаря): *«Для всякого, кто ищет основ источников права, одна книжица «12 таблиц» весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки философов»*. [6]

Итак, в реальных прениях граждане и правоведы апеллировали к тексту на бумажном носителе, а не шли к стелам или доскам в каждом случае.

Это небольшое отступление мы сделали для того, чтобы обратить особое внимание на законы болгарского кана Аспаруха (который, кстати, в наиболее древних русских сказках А. Левшина назван основателем династии русских князей). Согласно этим сказаниям, записанным А. Левшиным в XVIII в., его законы были начертаны на золотых досках. [7] Это упоминание можно считать не только старейшим отечественным свидетельством в пользу древней системы законодательства, но и косвенным указанием на их печатное тиражирование и распространение на огромных территориях Великой Булгарии.

Насколько можно доверять этим сведениям? Очевидно, что письменные законы появляются в классовом обществе, объединившем несколько народов и обладавшем своим обычным правом. Когда государство охватывает огромные пространства, можно с уверенностью предполагать наличие письменных сводов. Письменные законы необходимы для функционирования городов и поддержания и развития производства и торговли. И действительно, уже в V в. у болгар отмечается наличие городов. Булгар в это время отмечали не только на Кавказе,

но и за Дунаем. В то же время продолжала существовать и кочевая часть болгаро/булгарских государств, из которой и формировалась военная конная элита. В этой среде продолжало существовать обычное право, которое, судя по источникам, незначительно менялось на протяжении веков. Вероятно, в этих «степных» империях (так же, как и в ранней римской империи) одновременно существовали разные системы законов для разных групп народов, входящих в состав этих держав. Так, на их территории развивались земледельцы-славяне, и греки-понтийцы, судьба которых полностью зависела от воли правителя очередной степной империи. Эта особенность была характерна для степных империй и в монгольский период («Золотая Орда») вплоть до заката Империи Джучидов.

На первых страницах русских летописей указано принятие христианства болгарами и перевод греческих книг на славянский язык. Примерно с этого времени можно говорить о системном проникновении христианских норм церковного права в быт славянских народов и племен. На несколько десятилетий раньше Волжская Булгария официально приняла ислам и на Волге утвердились правовые взгляды мусульманства. А значит, и письменное законодательство (Примечательно, что Шариатский суд среди мусульманских народов Российской империи действовал не только в царское время, но и в первые годы Советской власти...).

Весьма примечательно и в научном плане, что болгары обладали рядом знаний, которые считались византийцами колдовством. Причем жрецов «на своем языке» они называли «*боколабра*». Учитывая, что тип головного убора бакалавров не имеет пред-

шественников в Европе, можно вполне обоснованно предполагать, что это звание европейцы приняли от болгар, как и многие иные знания. Ярким примером распространения тайных знаний в Европе может служить болгарское движение богомилов, которое нашло отражение в десятках европейских «ересей» вплоть до французских катаров и стало одной из основ протестантизма.

Право на территории Евразийской державы в своем развитии испытывало влияние не только различных правящих династий, но и других стран. Все эти прошлые династии оставили свои слова в российском юридическом лексиконе. От периода господства феодальных степных империй до наших дней литературный русский язык сохранил ряд терминов юридической сферы: *вира, закон, тамга, улика, нишан* (мишень), *ярлык, тюрьма*... Если учитывать просторечия, диалекты и ныне утраченные термины, то этот ряд можно увеличить многократно.

Таким образом, оценивая сведения исторических источников об архаичных нормах права на территории РФ (СНГ), мы должны учитывать, что наиболее архаичными будут сведения об обычном и религиозном праве, которые изначально переплетались и детерминировались житейской целесообразностью и доминирующей религиозной концепцией.

Автор полагает, что только при устранении перечисленных недостатков курс истории государства и права может убедить обучающегося в том, что становление российской правовой системы прошло длительный путь самостоятельного и поступательного развития в условиях тесного взаимовлияния с соседними цивилизациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Например, Эфор, Геосид, Овидий, иранское «Шахнамэ», стихи первых императоров династии Тан и др.
2. Гатин М. Никифор Григора «Римская история». С.234.
3. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008. С.398 и др.
4. Младшая Эдда. 1970. С.11.
5. Сказания Приска Панийского / пер. С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения императорской академии наук. СПб. 1861. Кн.8. Вып.1. С.46, 55 и др.
6. Об ораторе.1. 44. 195.
7. Аспарух назван отцом Руса и учителем Роксаллана. Владимир назван сыном князя Желатуга ... См.: Левшин В. А. Русские сказки. 1780. М., 1780. Ч. 9.

А.Г. Безверхов

К ПРОБЛЕМЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ¹

В статье представлен исторический, сравнительный анализ отечественного законодательства, касающегося уголовного наказания за экономические преступления. Автор вносит предложения по совершенствованию уголовной политики государства в экономической сфере.

Ключевые слова: декриминализация экономических преступлений, мошенничество, хищения, имущественный вред, контрабанда, уголовно-правовой запрет в сфере экономики

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта № 13-13-63001 «Совершенствование правового механизма комплексной охраны собственности от правонарушений, совершаемым путем злоупотребления доверием»

С конца XX века отечественная уголовная политика в сфере экономики получила уклон в сторону послабления уголовно-правовой охраны имущественных и хозяйственных отношений, либерализации уголовного экономического законодательства, смягчения и даже исключения уголовной ответственности за отдельные виды отклоняющегося экономического поведения.

Вытеснение уголовного закона из названной области происходит путем, прежде всего, полной и частичной декриминализации тех экономических (имущественных и хозяйственных) преступлений, которые совершаются путем лжи, обмана, злоупотребления доверием.

Законодатель как будто бы уверяет нас, что аферы – неотъемлемая часть предпринимательской системы, своего рода «плата» за рыночную организацию производства и что к ним нужно относиться терпимо и снисходительно.

С первой частью этого тезиса следует, наверное, согласиться. Рынок – это, прежде всего, обмен, взаимная передача участниками экономических отношений права собственности, иных имущественных прав и выгод, это высокая степень доверия между контрагентами. С усилением экономического оборота и обусловленного им развития договорных отношений существенно

расширяется область возможного проявления вышеназванных противоправных посягательств, создавая «почву» для роста их многообразия. Мошеннические обманы, злоупотребления доверием и т.п. есть самые показательные рыночные деликты, которые можно рассматривать как особую деструктивную форму обменных отношений, как социально опасные проявления, представляющие собой необоснованное безвозмездное получение чужого имущества (в самом широком смысле слова) или явно неэквивалентную мену. Иными словами, одной из криминогенных закономерностей общества, базирующегося на капиталистической организации производства, является широкое распространение в нем мошенничества и смежных с ним экономических правонарушений. Еще И.Я. Фойницкий в конце XIX века писал: «Не подлежит сомнению, что мошенничеству готовятся в близком будущем крупные цифры в статистике».[1] В самом деле, число регистрируемых фактов мошенничеств в России XXI века возросло приблизительно в 3 раза. Если в 2001 г. было зарегистрировано 79 296 случаев совершения такого вида преступлений, в 2002 г. – 69 346, то в 2006 г. – 225 326. Правда, с 2007 г. наметился спад: 2007 г. – 211 277, 2008 г. – 192 490, 2009 г. – 188 723, 2010 г. – 160 081, 2011 г. – 147 468, 2012 г. – 161 969,

2013 г. – 164 629.

Другая криминогенная закономерность рынка – разнообразие видов мошеннических и сходных с ними уловок, непрекращающиеся процессы их видообразования и постоянного приспособления к изменяющейся экономической организации производства, распределения и обмена.

Что касается второй половины вышеприведенного тезиса (о терпимом и снисходительном отношении к аферам), то здесь не все бесспорно. Видится неприемлемым безосновательное ослабление уголовно-правовой охраны экономики и недопустимым безучастное отношение государственной власти к здоровым силам в их борьбе с криминалом. Акцент в капиталистическом обществе должен быть все-таки смещен в сторону активного и последовательного правового противодействия имущественным и хозяйственным аферам. Распространение мошенничества и смежных с ним деликтов не только снижает уровень доверия в сфере экономики (кстати сказать, низкий уровень доверия – один из признаков феодального уклада), разрушает хозяйственные отношения, препятствует построению цивилизованного предпринимательства, но и порождает рост агрессии в обществе, все больше связывая «мошеннические» манипуляции с насильственной преступностью, распространение которой они систематически провоцируют. Следовательно, смягчение (или исключение) наказуемости тех или иных видов экономических обманов и лжи лишь создает иллюзию уменьшения (или утраты) опасности этих манипуляций. На самом деле такой уголовно-политический расчет играет «на руку» их гиперлатентности. В этом легко убедиться, обратившись к структуре уголовных дел, поступивших в районные суды Российской Федерации в 2010 году:

- уголовные дела об убийстве (ч. 1 ст. 105 УК РФ) составляли 2,2% (2,4%) от всех поступивших дел;
- об умышленном причинении тяжкого либо средней тяжести вреда здоровью (ст. ст. 111, 112 УК РФ) – 6,5% (6,5%);
- о краже (ст. 158 УК РФ) – 33,2% (32,5%);
- о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) –

3,5% (3,6%);

- о грабеже (ст. 161 УК РФ) – 10,4% (10,9%);
- о разбое (ст. 162 УК РФ) – 2,8% (3,0%);
- о неправомерном завладении транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) – 3,4% (3,4%);
- о незаконных действиях с наркотическими средствами и психотропными веществами (ст.ст. 228-233 УК РФ) 17,8% (16,8%).

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по статье 159 УК РФ было осуждено в 2011 году всего 25 559 чел. (приблизительно 1/6 от числа зарегистрированных мошенничеств).

Кстати сказать, наибольшую долю от общего числа оправданных составляют, согласно Обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2010 году, лица, обвиняемые в мошенничестве (ст. 159 УК РФ), – это 12,8%.

Попытаемся поэтапно обрисовать картину смены парадигмы в нормативно-правовых оценках «обманных» правонарушений в сфере экономики.

1) Законом РСФСР от 28 февраля 1991 г. № 752-1 «О действии на территории РСФСР Закона СССР от 31 октября 1990 года «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле» была исключена статья 154 УК 1960 г., которая предусматривала уголовную ответственность за спекуляцию.

2) Законом РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» была исключена статья 153 УК 1960 г., угрожавшая уголовным наказанием за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество.

3) Законом РФ от 29 апреля 1993 № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» исключена статья 152 УК 1960 г. о выпуске промышленным предприятием недоброкачествен-

ной, нестандартной и некомплектной продукции.

Этим же законом также со ссылкой на несоответствие рыночным принципам хозяйствования были декриминализированы приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (ст. 152.1 УК 1960 г.).

4) Федеральным законом от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ был упразднен двойной режим уголовно-правовой охраны собственности путем исключения главы 2 Особенной части УК 1960 г., объединявшей нормы об ответственности за преступления против социалистической собственности и устанавливавшей за них более строгие наказания, чем за предусмотренные в измененной главе 5 этого УК преступления против собственности. Например, согласно ч. 3 ст. 93 главы 2 УК 1960 г. мошенничество, причинившее крупный ущерб государству или общественной организации, наказывалось лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества. Мошенничество же, причинившее значительный ущерб личной собственности граждан, влекло наказание по ч. 3 ст. 147 главы 5 того же УК в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества. В соответствии с ч. 3 ст. 147 УК 1960 г. в редакции Федерального закона от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ, ответственность за мошенничество, совершенное в крупных размерах, устанавливалась в виде лишения свободы на срок от четырех до десяти лет с конфискацией имущества).

5) С принятием УК РФ 1996 г. контрабанда, фальшивомонетничество, нарушение правил о валютных операциях были переведены законодателем из разряда государственных преступлений (ст.ст. 78, 87 и 88 УК РСФСР 1960 г.) в группу преступлений в сфере экономической деятельности (ст.ст. 186, 188, 191-193 УК РФ 1996 г.), соответственно, с существенным смягчением уголовного наказания за их совершение.

6) Как известно, УК РФ 1996 г. знает *шесть* форм хищений чужого имущества: кражу, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение и растрату. В этом законе служебное хищение чужого имущества не

имеет статуса самостоятельной формы хищения, а помещено законодателем в разряд особо квалифицированных видов мошенничества, присвоения и растраты. В названном источнике ответственность за указанные деяния предусмотрена ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 160. Все они причислены законодателем к категории тяжких преступлений и описаны в главе 21 «Преступления против собственности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики» этого закона.

Между тем, УК РСФСР 1960 г. закреплял *семь* форм хищения государственного или общественного имущества (кражу, грабеж, разбой, присвоение, растрату, хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением, и мошенничество) и *четыре* формы хищения личного имущества граждан (кражу, грабеж, разбой и мошенничество). Уголовная ответственность за служебные хищения предусматривалась ст. 92 УК РСФСР 1960 г. «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением». Указанная статья содержалась в главе 2 «Преступления против социалистической собственности» этого закона, которая располагалась между главой 1 «Государственные преступления» и главой 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

Под хищением, совершенным путем злоупотребления служебным положением, закон понимал завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением. За такое преступление было установлено наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет, или исправительных работ на срок до двух лет, или штрафа от 200 до 1000 руб. с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без таковой (ч. 1 ст. 92 УК РСФСР 1960 г.).

В соответствии с п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественно-

го имущества» и п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» в качестве хищения, совершенного путем злоупотребления служебным положением, должно рассматриваться злоупотребление должностного лица служебным положением, заключающееся в незаконном безвозмездном обращении с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою пользу или пользу других лиц. От состава этого преступления следует отличать такое злоупотребление служебным положением, которое, хотя и было совершено по корыстным мотивам и причинило материальный ущерб государству или общественной организации, однако не связано с безвозмездным обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц (например, сокрытие путем запутывания учета недостачи, образовавшейся в результате халатности; временное пользование имуществом без намерения обратить его в личную пользу или в пользу других лиц).

Как отмечал Г.А. Кригер, ст. 92 УК РСФСР 1960 г. были объединены несколько форм хищения: присвоение, растрату и хищение, совершенное путем злоупотребления служебным положением. У каждой из этих форм имеются некоторые специфические особенности, касающиеся прежде всего способа извлечения преступником имущества из фондов государственных или общественных организаций. Вместе с тем одно обстоятельство сближает все эти формы хищения и позволяет объединить их в одну статью: при присвоении, растрате и хищении путем злоупотребления служебным положением имущество вверено виновному государственной или общественной организацией или оно находится в его ведении. По этому признаку рассматриваемые формы хищения отличаются от кражи, грабежа и мошенничества, при которых виновный или вообще не имеет никакого отношения к чужому имуществу, или ему поручено охранять это имущество либо наблюдать за его использованием без каких-либо полномочий по распоряжению таковым. [2]

7) На рубеже веков Федеральными законами от 31 октября 2002 года № 133-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ, УПК РФ и КоАП РФ» и от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» основные составы кражи, мошенничества, присвоения и растраты были отнесены к категории преступлений небольшой тяжести, а их квалифицированные виды, предусмотренные в частях вторых статей 158-160 УК, – к преступлениям средней тяжести.

8) Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ была полностью устранена преступность торговых обманов: «заведомо ложной рекламы» и «обмана потребителей». Законодатель посчитал, что противодействие последним может более эффективно оказываться средствами иной отраслевой принадлежности. С того времени указанные деликты признаются исключительно административными правонарушениями (ст.ст. 14.3, 14.7, 14.8 КоАП РФ).

В свете вышесказанного заметим, что в современном отечественном законодательстве активизировался процесс *перераспределения репрессивного ресурса* от уголовного права к другим отраслям, в особенности к праву административному. В связи с этим возникает ряд вопросов. Готовы ли «неуголовные» отрасли взять на себя решение задачи противодействия тем правонарушениям, которые законодателем исключаются из разряда преступлений? Не провоцируется ли в этом случае ситуация, когда подобным законодательством «ломается» механизм ответственности, а либерализация УК РФ становится сродни юридической безнаказанности? К примеру, согласно криминальной статистике конца XX - начала XXI вв., «обман потребителей» составлял более половины всех регистрируемых преступлений по главе 22 УК РФ 1996 г. Не остается ли «обман потребителей», ныне выступающий только в роли административного нарушения, вообще без правовых последствий?

9) Федеральным законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ» из-

ложена в новой редакции ст. 90 УПК РФ о преюдиции. В соответствии с новеллой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Между тем известно, что суд в арбитражном и гражданском процессе лишен активной роли, ограничен в сборе доказательств по собственной инициативе. Возможности указанных судопроизводств не позволяют выполнять публичную функцию, связанную с предупреждением преступных нарушений. Арбитражный и гражданский процессы не обладают (да, скажем, и не могут обладать) в должном объеме и соответствующим по характеру инструментарием, необходимым для выполнения задач уголовного законодательства.

10) Еще одно новшество – частичная декриминализация налоговых преступлений, предусмотренных ст.ст. 198, 199 и 199.1 УК РФ. Она была осуществлена все тем же Федеральным законом от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ путем увеличения стоимостных критериев преступного в сфере налогообложения.

Согласно новеллам, крупным размером в статье 198 УК РФ является сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 600 тыс. руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 1 млн 800 тыс. руб. Крупным размером в статьях 199 и 199.1 УК является сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 2 млн руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 6 млн руб.

Прежде указанные стоимостные критерии налоговых преступлений были на не-

сколько порядков ниже. Крупным размером в статье 198 УК признавалась сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 100 тыс. руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 300 тыс. руб. Крупным размером в статьях 199 и 199.1 признавалась сумма налогов и (или) сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более 500 тыс. руб., при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая 1 млн руб.

Можно видеть, что по отдельным критериям произошло повышение стоимостных оснований ответственности в шесть раз. Не исключено, что в своем прежнем виде нормы о налоговых преступлениях «кошмарили» бизнес, поэтому целесообразно было сузить круг предприятий и индивидуальных предпринимателей, включенных в сферу уголовно-правового воздействия. Но трудно согласиться с мыслью, что при совершении налоговых преступлений низка общественная опасность содеянного и нет «воровства», так как неплательщики налогов манипулируют «своим», а не «чужим». Вряд ли стоит серьезно относиться к суждениям такого рода. Главный вопрос экономики – это ущерб и его размер, а не разновидности причиненного вреда, будь то упущенная выгода или реальные убытки.

Право требует гарантий защиты возможностей на коммерческое применение объектов собственности и на доходы от такого применения. Современный подход к издержкам предпринимательской деятельности учитывает не только затраты на ресурсы в фактических ценах их приобретения, но и ценность других благ, которые можно было бы получить при наиболее выгодном из всех возможных альтернативных направлений использования тех же ресурсов. Иными словами, успехом коммерческого дела признается получение экономической прибыли, которая определяется с

учетом «явных» и «неявных» (упущенных возможностей) издержек. Современная экономическая теория считает, что диалектика «неявных» затрат проявляется в том, что они выражаются в виде упущенных выгод, возможностей (например, использование ресурсов, находящихся в собственности организации), которые необходимо принимать во внимание при исчислении действительной прибыли предприятия. Такое положение не только экономически обоснованно, но и соответствует современным гражданско-правовым подходам, принципу гражданского права о полном возмещении убытков (ст. 15 ГК РФ) как реального ущерба, так и неполученных доходов (упущенной выгоды – будущего материального блага, которое появилось бы, если бы не нарушение нормального развития отношений). Как видно, с экономической и общеправовой точек зрения имущественный вред (убытки) состоит из двух частей (реального ущерба и упущенной выгоды), которые имеют «равнозначный», «равноценный» характер.

Дифференцированный подход к определению опасности экономических посягательств в зависимости от вида можно объяснить лишь привходящими причинами. В условиях плановой экономики убытки в виде неполученных доходов недооценивались как в судебной практике, так и юридической литературе. Цивилисты по этому поводу указывают, что этот вид убытков нередко рассматривался как типичный буржуазный институт, введение которого в период нэпа объяснялось наличием частного капитала, интересы которого он должен был обеспечивать.[3] Как представляется, законодателю следует придерживаться оценки одинаковой (равной) опасности экономических посягательств независимо от вида причиняемого ими имущественного вреда (реального ущерба или упущенной выгоды) и, соответственно, не допускать в указанных случаях дифференциацию уголовной ответственности за правонарушения в сфере экономики. В связи с этим согласимся с мнением, что «наше законодательство написано для индустриальной экономики, тогда как более половины ВВП производит-

ся в секторе услуг, главные вызовы нашего развития связаны с инновационными секторами, с высокой долей труда, а не с высокой долей металла, чугуна и стали. Это все требует перестройки правил – тонкой и аккуратной».[4] Это все требует новых подходов к правовому регулированию и охране имущественных, хозяйственных и иных экономических отношений.

11) Да что говорить о кримиобразующих признаках в 600 тыс. руб. или даже 6 млн руб., когда для главы 22 УК РФ уже несколько десятков миллионов рублей «не деньги». Я имею в виду статью 193 о невозвращении из-за границы средств в иностранной валюте, где основанием ответственности выступают невозвращенные средства в сумме, превышающей 30 млн руб.

12) Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» установлен еще один альтернативный способ определения размера штрафа как вида уголовного наказания: исчисление в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК (в редакции указанного закона) штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа или взятки, устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не может быть менее 25 тыс. руб. и более 500 млн руб.

Как говорится, «no comment».

13) Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ» частично декриминализировано «обманное» уклонение от исполнения имущественных обязательств, предусмотренное ст. 165 УК. Это произошло путем трансформации «крупного размера» (свыше 250 тыс. руб.) из квалифицирующего признака в кримиобразующий. Одновременно законодателем были внесены дополнения в КоАП РФ, где появилась новая статья 7.27.1 «Причинение имущественного ущерба путем

обмана или злоупотребления доверием», предусматривающая административную ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния.

Если здесь допустим математический расчет, то получается, что опасность этой разновидности «мошенничества» понижена законодателем в 250 тысяч раз. Результатом новелл стали явные диспропорции в стоимостных размерах преступлений в сфере экономики: в соответствии с действующим законодательством предметом мошенничества как преступления против собственности (ст. 159 УК) может быть имущество, стоимость которого превышает 1 тыс. руб. (см., примечание к ст. 7.27 КоАП РФ). Предмет же преступления, предусмотренного ст. 165 УК, представляет собой имущественную выгоду в размере свыше 250 тыс. руб. Трудно объяснить позицию законодателя, посчитавшего, что причинение имущественного ущерба не в крупном размере следует признавать административным правонарушением, что повлечет за собой ненаказуемость по УК РФ имущественных обманов в размере до 250 000 руб., если они причинили вред в виде *упущенной выгоды*. В то же время обманы, связанные с причинением *реального* имущественного вреда в не крупном размере (свыше 1 тыс. руб.), будут продолжать влечь уголовную ответственность за мошенничество.

Кроме того, по названному признаку преступление, предусмотренное ст. 165 УК, необоснованно «уравнено» с *неосторожным* причинением имущественного ущерба (ст. 168 УК), где в качестве основания уголовной ответственности также указан «крупный размер».

На мой взгляд, соответствующий подход, обозначенный в Федеральном законе от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, – это «два шага назад».

14) Главу 22 УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ покинула норма о контрабанде (ст. 188), также представляющей собой

«обманное» преступление. Обновленный уголовный закон более не предусматривает ответственности за простую («товарную») контрабанду как преступление в сфере экономической деятельности. Этот вид контрабанды сегодня признается исключительно административным правонарушением (см. положения главы 16 «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)» КоАП РФ).

Одновременно Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ УК РФ был дополнен двумя новыми статьями 226.1 и 229.1, предусматривающими ответственность за общеопасные разновидности указанного посяательства. В ранее действовавшем законодательстве они рассматривались в качестве квалифицированных видов и предусматривались в ч. 2 ст. 188 УК. В новейшем уголовном законе они трансформированы в два самостоятельных основных вида контрабанды с перемещением данных юридических конструкций соответственно в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» и 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ. Одновременно законодатель при описании этих преступлений указал на ряд новых характеризующих их объективных признаков. Таким образом, если по УК РФ 1996 г. основным объектом контрабанды признавался экономический порядок, то в действующей редакции этого закона – общественная безопасность и здоровье населения. Одновременно трансформирован предмет этого преступления. В новой юридической конструкции контрабанды (ст.ст. 226.1 или ст. 229.1 УК РФ) исключено указание на товары, но сохранено упоминание об общеопасных средствах: сильнодействующих, ядовитых, радиоактивных, наркотических, психотропных веществах и пр., круг которых к тому же расширен.

Таким образом, основной объект контрабанды в XX-XXI вв. «перемещается» из области государственной безопасности

и основ государственного управления в сфере экономической деятельности, а из нее – в систему отношений по обеспечению общественной безопасности.

15) Наконец, нельзя не упомянуть о новой статье 76.1 УК об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Так и хочется спросить законодателя, почему положения этой статьи касаются не всего раздела VIII УК РФ? Почему не всех участников экономических отношений? Почему только «предпринимателей», а не «потребителей» и «покупателей»? Где же здесь соблюдение принципа равенства? Как представляется, практика предоставления подобных «индальгенций» будет порочной, связанной со значительными злоупотреблениями и не преследующей ни цели охраны общества, ни предупреждения новых преступлений.

16) Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» глава 21 УК РФ была дополнена шестью новыми статьями (ст.ст. 159.1-159.6), предусматривающими уголовную ответственность за шесть новых «специальных» видов мошенничества. Из анализа санкций статей 159, 159.1-159.6 УК следует, что законодатель расценивает мошеннические обманы в сфере кредитования, предпринимательской деятельности, страхования и компьютерной информации, а также при получении выплат и с использованием платежных карт, как менее опасные преступления, нежели мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК, и, соответственно, устанавливает за них менее строгие наказания. Отсюда можно сделать вывод, что новые разновидности мошенничества являются особыми «привилегированными» видами описанного в ст. 159 УК преступления, имеющими особенности в объекте, предмете, потерпевшем, объективной стороне, субъекте.

Что можно сказать в свете всего вышеизложенного? В современное уголовное законодательство вносятся изменения, направленные на сужение оснований уголов-

ной ответственности недобросовестных собственников. В этом легко убедиться, сопоставляя законодательные оценки опасности смежных преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК) и преступлений против собственности (глава 21 УК). Сравнительный анализ показывает, что первые («преступления собственников») представляют собой как бы «привилегированные» разновидности последних («преступлений против собственников»). Проведем анализ стоимостных критериев: если в главе 22 УК крупный размер (крупный ущерб) является чаще всего конструктивным признаком, то в главе 21 УК это, как правило, квалифицирующее или особо квалифицирующее обстоятельство. Получается, что при прочих равных экономических условиях и основаниях посягательства, описанные в главе 22 УК, признаются менее опасными, чем те, которые предусмотрены в главе 21 Кодекса. Это различие в уровне опасности еще больше бросается в глаза в свете действия принципа равенства (ст. 4 УК РФ): экономические посягательства, совершаемые участниками легальной экономической деятельности, наделенными собственностью и хозяйственной властью, считаются законодателем менее опасными, чем тот же криминал, совершенный лицами, не являющимися предпринимателями и иными участниками коммерческой деятельности.

Может быть, перед уголовным законом поставлена задача таким образом способствовать формированию предпринимательского сословия? Но это не по силам УК и не входит в число его функций. Возникновение буржуазии – следствие появления частной собственности, а не проявления безнаказанности. Частная собственность дает бизнес-классу финансовую и политическую независимость от государственной власти, появляющуюся в тот момент, когда у буржуа возникает чувство ответственности. Понимание ответственности, в свою очередь, складывается, когда действуют справедливые законы и наказание в случаях их нарушения неотвратимо. Создать класс собственников путем смягчения или отрицания ответственности, повторюсь, не-

возможно. Посредством безнаказанности вообще, по-моему, ничего здорового сформировать невозможно. Более того, сужение законодательного определения криминального поведения и оценки уровня его опасности провоцируют еще большую криминализацию экономики.

Уголовный закон играл и продолжает играть немаловажную роль в ослаблении действия стихийных и организованных криминальных сил в сфере экономики.

Сегодня можно слышать, что во всяком «обманном» преступлении есть элемент невнимательности жертвы, «вина» пострадавшего, что юридическая ответственность за мошенничество и смежные с ним правонарушения сродни «похвале глупости», «воздаянию за небрежность», потому что в условиях рынка должна поощряться активность участников коммерческого оборота. Иногда нас уверяют, что нельзя строго и неотвратимо наказывать мошенников, так как тем самым провоцируется рост беспечности и легкомысленности в сфере экономики.

Кстати говоря, эти мысли не новы. В XIX веке обсуждалась идея ограничения уголовно-правового принуждения за обманы в хозяйственной сфере. Указанная идея базировалась на нескольких основаниях: одно из них политико-правовое – целесообразность экономии уголовных репрессий.

Другое основание (морально-этического характера, психологического, интеллектуального свойства) выводилось из английского прецедентного права: «наказание существует не для того, чтобы карать человека за его умственное превосходство над другим. Предоставьте одному пользоваться своим умом, другому – пенять на самого себя за свою глупость». Без одобрения разъясняя этот тезис, Н.Д. Сергеевский писал: «Выдвигается соображение о том, что обман, мошенничество представляет собой насилие не над волей лица пострадавшего, а так сказать, над его знанием, так что во всяком мошенничестве есть элемент собственной небрежности и невнимательности пострадавшего; закон уголовный не может заменять своей санкцией личную невнимательность и здравый смысл отдельных лиц;

нельзя наказывать причинение убытков по собственной небрежности хозяина». [5]

Истоками третьего основания (экономического) стали утверждения, что широкая наказуемость имущественных обманов стесняет свободу коммерческого оборота; что известный риск, возможность убытков вместо ожидаемых доходов всегда присущи имущественным сделкам; что получение продавцом прибыли за счет своей ловкости и невнимательности покупателя – явление терпимое, способствующее развитию торговых отношений.

В русле вышеприведенных суждений немецким ученым-юристом Геннером был выдвинут тезис об уголовной ненаказуемости обманов и сделан вывод, что лицо, которое введено в заблуждение, явно «дремлет», а следовательно, это лицо не может рассчитывать на уголовно-правовую охрану своих обманутых интересов (В основание данных утверждений были положены известные формулы древнеримского права: «законы служат тем, кто бодрствует, а не дремлет», «право пишется лишь для бдящих, заботящихся о своих интересах» (*vigilantibus, et non dormientibus, iura subveniunt; servat lex, succurunt iura subveniunt*). По мнению Геннера, требование уголовного наказания за мошенничество (когда обманутый терпит ущерб вследствие своей излишней доверчивости или небрежности к собственным интересам) может быть объяснено лишь контаминацией начал уголовного права и морали. Он писал: «Стеллионат, известная загвоздка всех законодательств, не желающих смешивать право с моралью, должен быть ограничен самыми тяжкими случаями, и даже их следовало бы предоставить исключительному ведению гражданских судов, так как защита поверившему обману есть скорее дело приличия и вежливости, чем юридическая обязанность» (Цит. по: Фойницкий И. Я. Указ. соч. С.135-136). Как метко заметил в связи с этим М. Чубинский, Геннером было сформулировано безнравственное правило: «ловко оберешь другого – твое счастье, пострадаешь от обмана – сам виноват». [6] По мнению И.Я. Фойницкого, «это было голое, почти вовсе

не мотивированное указание, которому не решился последовать ни один законодатель, ни один теоретик: необходимость наказуемости имущественных обманов уже ясно сознавалась обществом». [1, с.136]

Да и сегодня можно нередко слышать суждения о том, что не следует уделять большого внимания мошенничеству, что оно не так опасно, «как его малюют». Нам говорят, что мошенничество «невозможно без активного участия самой «жертвы», которая совершенно добровольно передает собственное имущество, к примеру, «обманутые» «МММ» вкладчики». Между тем обман есть по сути своей противоправное посягательство и на волю. При этом воздействие обманщика на волю потерпевшего осуществляется опосредованно – через сознание потерпевшего. При обмане воля потерпевшего не нарушается, тем более не подавляется, так как обманутого заставляют верить, что с ним поступают в соответствии с правом, согласно закону. Отсюда совершение какого-либо действия со стороны потерпевшего в интересах обманщика внешне носит как бы добровольный характер, связано с наличием внешне выраженной, казалось бы, безупречной внутренней воли. Именно исходя из указанного положения, в свое время Пленумом Верховного Суда СССР были даны ошибочные разъяснения, согласно которым «признаком мошенничества является добровольная передача потерпевшим имущества или права на имущество виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием» (п. 12 постановления от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»).

Обман не позволяет считать передачу (уступку) потерпевшим имущественного блага виновному или другим лицам совершенной на основе доброй воли. Будучи введенным в заблуждение, лицо действует из ложных оснований, не осознаваемых им. Кроме того, обман способствует искаженному формированию воли. В связи с этим необходимо различать волеизъявление как видимое выражение воли, и действительную (внутреннюю) волю. Лицо, находящееся под влиянием обмана, совершает

действие (бездействие) вопреки своей действительной воле, так как его волеизъявление сформировалось под воздействием обстоятельств, искажающих истинную волю лица. Другими словами, его волеизъявление не соответствует его внутренней воле. Поэтому «добровольность» совершения какого-либо действия со стороны обманутого является только кажущейся, ибо обманутый действует на основе воли, подверженной воздействию обмана, то есть не действительной, а мнимой воли. Другими словами, действие в интересах обманщика совершается с пороком воли обманутого.

С учетом вышеизложенного следует поддержать позицию Верховного Суда РФ, отраженную в п. 1 постановления от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»: в отличие от других форм хищения мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами.

Очевидно, что политика, безосновательно принижающая роль уголовного права в сфере экономики, оказывает негативное влияние не только на процессы правоприменения и правосознание населения, но и на развитие экономических отношений. Не следует забывать, что экономический оборот основан на доверии, отсутствие последнего замедляет или даже прекращает его. Это в известной мере привело к тому, что новый российский капитализм развивается как кумовской, спекулятивный, монопольный, с большими сегментами феодального уклада и коррупции.

Кроме того, необходимо обсуждение вопроса *о равной правовой охране не только различных форм собственности, но и всего многообразия имущественных прав*. Имущественные права (будь то вещные или обязательственные) принадлежат разным участникам экономических отношений, они есть у всех участников оборота, пусть даже и не собственников. В случае их нарушения

также причиняется имущественный ущерб, который требует адекватной оценки со стороны законодателя.

В начале XXI века Россия начала осуществлять поворот в сторону социальной рыночной экономики: такого типа экономического устройства общества, при котором невозможно обойтись, с одной стороны, без серьезного государственного вмешательства в экономику, а с другой – без создания гарантий социальной защиты населения, физического и духовного здоровья нации, а равно «условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7 Конституции Российской Федерации). В условиях перехода современной России к социально ориентированной рыночной экономике есть все основания говорить как об известном (но не чрезмерном) присутствии государственного регулирования экономических отношений вообще, так и об адекватном нормативном обеспечении экономической системы в частности. Какова должна быть мера этого уголовно-правового воздействия, чтобы не подрывать способность рыночной экономики к саморегуляции и развитию? На протяжении долгих лет эта мера устанавливалась эмпирическим путем и закреплялась *законодателем* в соотношении публичного и частного права, [7] в установлении баланса публичных и частных интересов, в регламентации возможных альтернатив уголовно-правовому принуждению.

При установлении пределов уголовно-правового обеспечения в экономической сфере важно не упускать из виду существования определенной взаимосвязи между уголовным законом и охраняемыми им экономическими отношениями. Эта взаимосвязь, с одной стороны, находит свое выражение во влиянии экономики на действующее уголовное законодательство и его эволюцию. Речь идет *об основании уголовно-правового запрета в сфере экономики*, об обусловленности уголовного закона экономическими закономерностями и тенденциями, о зависимости уголовного законодательства от типа экономики, другими словами, о том, что под «имущественным» и «хозяйственным» уголовным законода-

тельством лежит большая экономика.

С другой стороны, указанная взаимосвязь проявляется в известном влиянии уголовного закона на экономику. Тогда речь идет *о действии уголовно-правового запрета в сфере экономических отношений*, о роли и месте уголовного закона в комплексной правовой охране экономики. При этом обращает на себя внимание своеобразие уголовно-правового воздействия: последнее осуществляется путем уголовно-правового регулирования тех общественных связей, которые возникают в результате преступного нарушения охраняемых уголовным законом отношений (предмета уголовно-правовой охраны). [8] Такое уголовно-правовое воздействие, несомненно, способно повлечь определенные изменения в сфере экономики. Последствия таких изменений во многом скрыты от нас. Несомненно одно: «обратная связь» экономики и уголовного права, влияние уголовного закона на экономические отношения носит неоднозначный характер. Конечно же, «уголовный закон не может противостоять появлению нарождающихся новых социально-экономических и политических условий общественной жизни». [9] Однако уголовный закон может препятствовать общественному производству или, наоборот, способствовать его развитию, замедлить экономический оборот (обмен) или, напротив, ускорить его, гарантировать справедливое распределение либо провоцировать рост необоснованного перераспределения. Отсюда следует, что пределы уголовно-правового регулирования экономических отношений предполагают применение *допустимых* способов и средств – таких, которые бы не блокировали экономическое развитие и не препятствовали ему. В то же время целесообразно использование уголовно-правовых способов и средств, *достаточных* для надежной защиты здоровых рыночных отношений от незаконного вторжения, как чиновного, так и криминального, для эффективного предупреждения преступных посягательств на конституционные принципы функционирования и развития предпринимательской экономики, основные права и свободы граждан, правоохраняемые интере-

сы общества и государства.

В заключение заметим, что современная уголовная политика в условиях социальной рыночной экономики не должна стоять перед дилеммой чрезмерного ограничения или, напротив, необоснованного усиления охранительной функции уголовного закона в сфере экономики. Она должна быть адекватной происходящим социально-экономическим процессам, учитывать криминогенные тенденции в экономической сфере, способствовать снижению криминальных рисков в области экономических отношений, наконец, быть оптимальной с точки зрения охраны физического и духовного здоровья народа, равной защиты разных форм собственности, поддержки конку-

ренции и свободы экономической деятельности. При этом важно подчеркнуть, что в условиях предпринимательской экономики акцент должен быть смещен в сторону эффективного противодействия именно тем экономическим преступлениям, которые совершаются путем лжи, обмана, злоупотребления доверием и могут быть названы наиболее «рыночными» деликтами. Предупреждение указанных правонарушений с помощью политико-правовых средств должно быть социально обусловленным, криминогенно мотивированным, комплексным (осуществляемым посредством межотраслевого правового регулирования) и, конечно же, научно обоснованным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. Часть I. СПб, 1871. С.9.
2. См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М., 1985. С.210.
3. См., например: Васькин В.В., Овчинников Н.И., Рогович Л.Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988. С.114.
4. Обращение ректора РАНХиГС при президенте России В. Мау [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/news/20110221/336922595.html> (дата обращения: 18.11.2012).
5. Сергеевский Н. Д. О мошенничестве в русском уголовном праве // А.И. Чучаев, Н.Д. Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие. Ульяновск, 2006. С. 169.
6. См.: Чубинский М. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 304.
7. См.: Халфина Р. Право и переход к рынку // Российский экономический журнал. 1992. № 7. С.54.
8. См., напр.: Курс советского уголовного права: Часть Общая: Т. 1. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. С.23.
9. Пикуров Н. И. Ограниченность возможностей уголовного закона в предупреждении социальных конфликтов в условиях реформирования социально-экономических отношений // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2012. С.221.

А.Е. Шалагин

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЛЕГАЛЬНОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 2282 УК РФ. Обращено внимание на проблемные вопросы квалификации таких преступных деяний, приводятся примеры из следственно-судебной практики. Автор уделяет внимание криминологической характеристике преступлений в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ. Предложены меры, направленные на профилактику наркопреступлений и административных правонарушений.

Ключевые слова: легальный оборот наркотиков, наркомания, наркотические средства, прекурсоры, психотропные вещества, медицинская, фармацевтическая деятельность.

Отдельные научные теории рассматривают наркоманию как результат дисфункции общества, а основной мотив употребления наркотиков - желание избежать давления, оказываемого социумом, или знак протеста против существующих общественных норм, правил, запретов.

Психологический аспект наркомании проявляется в формировании прочной наркозависимости, которая сохраняется даже в период воздержания от потребления наркотиков и выступает основной причиной возобновления наркопотребления. Наркотик становится необходимым условием нормального функционирования организма, получения позитивных эмоций, стабилизации психических процессов.

Физический аспект заключается в том, что наркотическое вещество входит в химический состав тканей организма, вследствие этого возникает привыкание и непреодолимая тяга к получению новой «дозы», что служит сохранению биологического и химического равновесия всего организма. Основным проявлением физической зависимости является абстинентный синдром, который выражается в заметном ухудшении самочувствия при ослаблении действия наркотика или при полном прекращении его потребления.

Социальный аспект характеризуется

тем, что наркомания приводит к деградации личности, вследствие чего человек перестает быть заинтересованным как в учебной, так и трудовой деятельности. При этом он отдаляется от близких и родных людей, не участвует в общественной жизни, замыкается на контактах с наркозависимыми. Постоянная потребность в наркотике и неспособность участия в трудовой деятельности подталкивает большинство наркопотребителей к противоправной, нередко преступной деятельности. [1, с.11]

Больные наркоманией не только не укрепляют материальную основу семьи, но и значительно ее подрывают: распродают имущество, совершают кражи материальных ценностей у родственников. Вырученные деньги идут исключительно на приобретение наркотических средств. Социальная вредность наркотизма проявляется и в том, что его распространение наносит обществу огромный материальный ущерб. [2] Лечение и ресоциализация наркоманов требуют от государства значительных затрат, которые могли бы быть направлены на развитие здравоохранения, образования, науки, культуры и проч. [2, с.23-24]

В отдельных случаях наркотики в криминальную среду могут попадать из сферы их легального обращения. Это, в свою очередь, будет способствовать распространению

наркомании, возрастанию наркопреступности, появлению новых способов хищений наркотических или сильнодействующих веществ из государственных учреждений. Нарушение правил легального оборота наркотических средств или психотропных веществ, повлекшее их утрату или иные общественно опасные последствия, составляет содержание ст. 228.2 УК РФ. Такие преступления совершаются лицами, в обязанности которых входит соблюдение данных правил. Рассматриваемое преступление посягает на нормальную деятельность государственных организаций, занимающихся производством, переработкой, реализацией и иными операциями с наркотическими (психотропными) веществами.

Непосредственным объектом такого преступления выступает здоровье населения. Здоровье – это состояние физического, психического, социального благополучия, определяющее трудоспособность и воспроизводство населения. Охрана и защита здоровья граждан – одна из важнейших задач российского государства. Увеличение числа наркозависимых, появление новых видов психоактивных веществ и сопутствующая этим процессам высоколатентная наркопреступность позволяют утверждать, что данная проблема представляет угрозу национальной безопасности.

Наряду с незаконным оборотом наркотиков, немало нарушений допускается в сфере легального обращения с наркотическими, психотропными, сильнодействующими веществами. Такие средства на законных основаниях могут использоваться в медицинской, фармацевтической, учебной, научно-исследовательской, экспертной практике.

Предметом преступления выступают наркотические и психотропные вещества, инструменты и оборудование, применяемые при их производстве, а также наркотикосодержащие растения. Диспозиция ст. 228.2 УК РФ является бланкетной и требует обращения к соответствующим нормативным правовым актам, устанавливающим правила оборота указанных веществ и их прекурсоров.

Преступление может быть совершено

в форме действия и бездействия. По ч. 1 ст. 228.2 УК РФ оно считается оконченным с момента утраты одного или нескольких предметов, указанных в диспозиции данной нормы. В каждом случае необходимо устанавливать наличие причинно-следственной связи между нарушением правил и утратой предмета преступления. Общественная опасность деяния проявляется в том, что наркотические средства (психотропные вещества) становятся достоянием лиц, которым они не могут принадлежать. *Так, гр. К., являясь медицинским работником, нарушила правила хранения препарата, содержащего наркотическое вещество, что привело к его пропаже. В ходе судебного заседания было отмечено, что допущенным нарушением были созданы условия, при которых наркотическое средство было похищено неизвестными лицами. Гражданка К. была признана виновной в должностном преступлении по ч. 1 ст. 228.2 УК РФ.* [3, с.44]

С субъективной стороны нарушение правил легального оборота наркотических средств или психотропных веществ характеризуется смешаной формой вины (умысел по отношению к деянию, легкомыслие или небрежность по отношению к последствиям). Виновный осознает общественную опасность своего поведения, в результате которого может быть утрачено данное вещество либо наступят иные негативные последствия. В другом случае лицо не предвидит наступления общественно опасных последствий, легкомысленно надеясь избежать их, тем самым допускает преступную халатность. [4, с.27]

Субъект рассматриваемого преступления – специальный. Таковым может быть лицо, в обязанности которого входит соблюдение соответствующих правил или контроль за их исполнением (врач, фармацевт, провизор, экспедитор, технолог и др.). Соответствующие обязанности могут быть предусмотрены служебной (должностной) инструкцией, приказом или распоряжением вышестоящего руководителя. *Так, старшей медицинской сестре приемного отделения городского наркодиспансера гр. Н. было предъявлено обвинение в хранении пси-*

хотропного вещества в помещении, технически не укрепленном для этих целей. Гр. Н. свои вину признала, однако пояснила, что по данному факту неоднократно докладывала руководству, но никаких дальнейших указаний не последовало. Уголовное преследование в отношении Н. было прекращено, так как в обязанности медицинского персонала не входит обеспечение надлежащей технической укрепленности помещения для хранения препаратов, находящихся под специальным контролем. [5, с.269-270]

Если в действиях виновного дополнительно усматриваются признаки злоупотребления полномочиями, коммерческого подкупа, получения взятки, то содеянное следует квалифицировать по совокупности с преступными деяниями, предусмотренными ст. 201, 204, 285, 290 УК РФ. [6, с.485]

Часть 2 ст. 228.2 УК РФ включает следующие квалифицирующие признаки:

а) совершение преступления из корыстных побуждений;

б) нарушение вышеуказанных правил, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью либо иные тяжкие последствия.

Согласно п. 22 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под корыстными побуждениями понимается направленность умысла на получение материальной выгоды (денег, прав на имущество, иной выгоды) для себя или других лиц. К их числу также относится избавление от материальных затрат (оплата услуг, возврат долга или имущества) [7, с. 646].

Совершение деяний, предусмотренных частью 2 ст. 228.2 УК РФ, повлекших причинение вреда здоровью, признается оконченным в момент наступления указанных последствий по неосторожности. К таким последствиям можно отнести: нарушение нормального функционирования жизненно важных органов (систем) человека, развитие наркотической зависимости, иное длительное заболевание. В случае причинения крупного ущерба или причинения по

неосторожности тяжкого вреда здоровью (смерти) потерпевшему содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 228.2 и 293 УК РФ (халатность).

Категория «иные тяжкие последствия» является оценочной, законодатель не раскрывает содержания этого понятия, предоставляя правоприменителю самостоятельность в решении данного вопроса [8, с.89]. Отнесение тех или иных последствий к категории тяжких – прерогатива следователя (судьи) с учетом всех фактических обстоятельств дела и характера наступивших последствий (например, причинение крупного материального ущерба собственнику, длительное нарушение работы предприятия или учреждения). *В связи с вышеизложенным и учитывая степень общественной опасности преступления, мы предлагаем наказания по ч. 2 ст. 228.2 УК РФ в виде ограничения свободы и лишения свободы повысить с трех до пяти лет.*

В том случае если лицо, ответственное за исполнение (соблюдение) правил оборота наркотических средств или психотропных веществ, используя свое служебное положение, совершает хищение таких препаратов, содеянное следует квалифицировать по п. «в» ст. 229 УК РФ, в связи с чем дополнительной квалификации по ст. 228.2 УК РФ не требуется. [9, с.523]

Количество совершенных преступлений по ст. 228.2 УК РФ в период с 2006 по 2013 годы представлено в *таблице 1*, там же отражено число лиц, привлеченных к уголовной ответственности, а также показатель преступлений по наиболее тяжкому составу. [11]

Анализ статистических данных показывает, что, начиная с 2008 года количество выявляемых преступлений по ст. 228.2 УК РФ ежегодно снижается. Данное обстоятельство, прежде всего, объясняется передачей функций по предупреждению, документированию, расследованию таких преступлений из МВД России (и других правоохранительных органов) исключительно в ведение Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) и ее предста-

Таблица 1

год	количество зарегистрированных преступлений по ст. 228.2 УК РФ	выявлено лиц, совершивших преступления по ст. 228.2 УК РФ	зарегистрировано преступлений по наиболее тяжкому составу (ч. 2 ст. 228.2 УК РФ)
2006	2664	1288	1266
2007	5327	3391	3369
2008	2622	1536	1518
2009	709	300	291
2010	211	102	55
2011	143	76	65
2012	75	51	45
2013	55	43	41

вительствам в субъектах Российской Федерации. Кроме того, на это повлияло приведение российского законодательства в области контроля за легальным оборотом наркотических средств (психотропных веществ) к антинаркотическому стандарту, препятствующему поступлению наркотиков из легальной в преступную среду. *Вместе с тем хотелось бы наделить правоохранительные органы (прежде всего МВД России) функцией контроля за оборотом наркотиков в легальной сфере, как это было ранее. На наш взгляд, такая мера позволила бы нацелить профессионалов органов внутренних дел на своевременное выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений в данной области.*

К другим преступлениям, совершаемым в сфере легального оборота наркотиков, можно отнести а) хищение наркотических средств или психотропных веществ, совершенное должностным лицом (ч. 2 п. «в» ст. 229 УК РФ); б) незаконную выдачу рецептов или иных документов, предоставляющих право на получение наркотических средств (ст. 233 УК РФ).

Рассматриваемые преступления совершаются преимущественно медицинскими сестрами, акушерками, врачами (анестезиологами, онкологами), фельдшерами, фармацевтами. Внескольких случаях обвиняемыми по ст. 228.2 УК РФ становились главные врачи больниц (поликлиник) и их заместители.

Среди преступных деяний в указанной сфере наиболее часто совершаются: а) нару-

шения правил учета и уничтожения наркотических средств и психотропных веществ (90,1%), б) нарушения правил хранения наркотических лекарственных средств (3%), в) хищения наркотикосодержащих (психотропных) препаратов (2,2%), г) нарушения правил отпуска вышеуказанных веществ (1%), д) незаконная выдача рецептов и иных документов (1%), е) нарушения правил учета прекурсоров наркотических средств (2,7%). [12, с. 9]

В случае если нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ не привело к их утере либо иным тяжким последствиям, содеянное следует квалифицировать как административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров). В качестве виновных в санкциях данной нормы указываются исключительно юридические лица. Мы предлагаем не ограничиваться привлечением к ответственности только юридических лиц, а соответствующие наказания предусмотреть и для должностных лиц (административный штраф и дисквалификацию). В связи с чем необходимые изменения требуется внести в КоАП РФ.

К мерам предупреждения преступлений и административных правонарушений в сфере легального оборота наркотиков относятся:

1. совершенствование механизма лицензирования отдельных видов деятельности,

связанных с оборотом наркотических (психотропных) веществ и их прекурсоров;

2. государственная монополия на производство, переработку, ввоз или вывоз, хранение, реализацию, учет, уничтожение и другие действия с наркотическими средствами и психотропными веществами при строгом соблюдении установленных правил;

3. обеспечение должной сохранности наркотикосодержащих лекарственных препаратов, запрет доступа в такие места посторонних лиц;

4. расширение взаимодействия правоохранительных органов с лечебными, аптечными, научно-исследовательскими, экспертными и иными учреждениями по проблеме утечки наркотиков из легальной

среды в криминальную;

5. выявление, документирование и пресечение противоправной деятельности в сфере нарушения правил оборота наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров;

6. своевременное обнаружение и распознавание новых видов психоактивных веществ (ПАВ) с последующим отнесением их к наркотическим, психотропным или сильнодействующим веществам; [13, 14]

7. профилактика наркомании (токсикомании), пропаганда здорового образа жизни, ресоциализация (адаптация) к нормальным жизненным условиям лиц, прошедших курс лечения от наркозависимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваисов С.Б. Наркотическая и алкогольная зависимость. Практическое руководство по реабилитации детей и подростков. СПб.: Наука и техника, 2008. 272 с.
2. Скобелин С.Ю. Юридическая природа и потенциал отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1. С.54-55.
3. Волков Г.В. Криминологическая характеристика наркотизма в России и уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: СПб ун-т МВД РФ, 2004. 174 с.
4. Токманцев Д. Общественно опасные последствия как признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.2 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 3. С.43-47.
5. Омигов В.И. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 228.2 УК РФ // Российский следователь. 2013. № 14. С.25-29.
6. Энциклопедия уголовного права. Том 22. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности / под ред. В.Б. Малинина. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2014. 886 с.
7. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М.: Юрайт, 2013. 995 с.
9. Прохорова М.Л. и др. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: уголовно-правовые и криминалистические аспекты, оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 219 с.
10. Уголовное право: учебник / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2012. 912 с.
11. Состояние преступности в Российской Федерации 2006-2013 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/>
12. Ткаченко С.И. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 27 с.
13. Шалагин А.Е. Особенности квалификации и предупреждения контрабанды наркотиков // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3(17). С.39-43.
14. Бобырев В.Г. Вопросы отнесения психоактивных соединений к аналогам наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2 (25). С.77.

Миронов С.Н.

Абдулганеев Р.Р.

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В статье проведен криминологический анализ сущности и основных проявлений религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности России, выделены его основные признаки, направленные на отражение как внутренних, так и внешних процессов, происходящих с религиозной идеологией в условиях ее перерождения в преступную деятельность, рассмотрены ключевые научные подходы в понимании и оценке религиозного экстремизма.

Ключевые слова: угроза национальной безопасности, религиозный экстремизм, признаки религиозного экстремизма, преступление религиозной экстремистской направленности.

Угроза общественной безопасности – это прямая или косвенная возможность нанесения ущерба правам и свободам человека и гражданина, материальным и духовным ценностям общества. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» прямо указывает, что «...одним из основных источников угроз национальной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране». [1]

Необходимость борьбы с экстремизмом и крайней формой его проявления - террористическими актами уже давно является актуальной для российского государства и его правоохранительных органов. Анализ оперативной обстановки на территории РФ по линии противодействия экстремизму свидетельствует о ее существенном осложнении в последние годы. Возрастает численность радикальных группировок, основанных на

идеологии национальной, расовой и религиозной нетерпимости. Активизировалась незаконная деятельность эмиссаров международных экстремистских организаций. Вызывает значительный общественный резонанс деятельность деструктивных сект, молодежных неформальных объединений радикальной направленности. Растет и число преступных проявлений экстремизма и терроризма. Если в 2011 году в Российской Федерации было зарегистрировано 622 преступления террористического характера и 622 преступления экстремистской направленности, то в 2012 году - 637 и 696; в 2013 г. – 661 и 896, в первом полугодии 2014 г. – уже 538 и 557 соответственно (статистические данные взяты из экспресс-информации ГИАЦ МВД РФ «Отчет о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью» за период с 2006 по 2013 гг., а также за 6 месяцев 2014 года [2]).

Поэтому не случайно в «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации», разработанной в соответствии с положениями вышеуказанной Стратегии,

утвержденной Президентом РФ 20 ноября 2013 г., отмечается, что Российская Федерация при обеспечении общественной безопасности исходит из необходимости постоянного совершенствования политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности. [3]

В науке под термином «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) принято понимать приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике). [4] Частично согласившись с данным определением, зададимся вопросами: «Что представляет собой приверженность к крайним взглядам и мерам? В чем состоит их крайность?». По нашему мнению, под крайними следует понимать совокупность таких убеждений, которые способны побудить личность, разделяющую их, к совершению преступных деяний. По этому поводу Р.С. Тамаев справедливо констатировал, что в настоящее время экстремизм стремится к использованию таких средств и методов борьбы, которые выходят за рамки законных с точки зрения международного и национально-государственного права, включая насильственные методы и террор. [5]

Определение экстремизма впервые в отечественном законодательстве введено ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». [6] (изначально понятие «экстремизм» в российском праве в качестве терминологической единицы возникло в связи с подписанием и ратификацией Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». В соответствии с ней экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».) Законодатель при опреде-

лении экстремизма пошел казуалистическим путем – он перечислил конкретные деяния, которые следует считать экстремистскими. Таким образом, в действующем российском законодательстве отсутствует четкое определение понятия «экстремизм», но в результате анализа законодательства и научной литературы, посвященной экстремизму, можно выделить ряд его существенных признаков:

Во-первых, экстремизм – это определенное деяние. С точки зрения права нельзя считать экстремизмом приверженность к крайним мерам и взглядам, преданность реакционным, политическим, религиозным и иным теориям, учениям, воззрениям.

Во-вторых, экстремизм есть использование крайних, радикальных форм и методов деятельности. «Крайность» предполагает, как указано в Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 года «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», физическое или психическое насилие. Однако экстремисты могут совершать и ненасильственные действия, например, производить и распространять экстремистские материалы, возбуждать ненависть либо вражду по признакам пола, расы, национальности языка или принадлежности к какой – либо группе.

В-третьих, все виды экстремистской деятельности, которые перечислены в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», связывает одна черта – идейная основа, которая выражается в отрицании всякого инакомыслия, ксенофобии, желании навязать свои теории и взгляды другим людям.

В-четвертых, если рассматривать экстремизм с правовой точки зрения, то его признаком является противоправность экстремистских действий, то есть их запрещенность законом. Они могут быть запрещены нормами уголовного, административного и иных отраслей права.

Новейшая история России и мира знает немало примеров проявления экстремизма и терроризма: трагические события 11 сентября 2001 г. в Америке; покушение религиозных фанатиков на врачей, производящих аборт и пересадку внутренних органов; длящиеся десятки лет взаимные атаки про-

тестантских и католических экстремистов в Северной Ирландии; применение ядовитого газа сектой «Аум» в токийском метро; подрывы нефте- и газопроводов на территории Республик Татарстан и Башкортостан; покушения религиозных экстремистов на литераторов и деятелей искусств – Салмана Рушди, Таслиму Насрин, Тео ван Гога и Курта Вестергарда; взрыв в московском аэропорту «Домодедово»; убийства и покушения на жизнь духовенства, представителей зарегистрированных религиозных течений в Республиках Татарстан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария в августе-сентябре 2012 г., в г. Москве, Московской, Псковской областях и многие другие.

На наш взгляд, такая негативная динамика свидетельствует о необходимости выработки новых действенных механизмов в вопросах противодействия проявлениям религиозного экстремизма, что в современных условиях представляется затруднительным без более подробного его изучения.

На сегодняшний день в криминологической науке выделяют большое количество самых разнообразных проявлений экстремизма: кратоэкстремизм, психологический экстремизм, религиозный экстремизм, политический экстремизм, ваххабитско-религиозный экстремизм, исламский экстремизм, потребительский экстремизм, сепаратистский экстремизм, интеллектуальный экстремизм, национал-экстремизм, патриотический экстремизм и др. [7] Каждая разновидность данных негативных социальных явлений влечет трагические последствия как для общества, так и для отдельных индивидов, создает определенные очаги напряженности.

Как справедливо отмечают многие исследователи проблемы экстремизма, одним из наиболее опасных в социальном плане направлений экстремистской деятельности выступает религиозный экстремизм. [8] Его повышенная общественная опасность заключается в том, что, в первую очередь, он затрагивает духовные устои общества, наиболее ценные, значимые, а также наиболее уязвимые в нашей многоконфессиональной и многонациональной стране. Религиозный экстремизм воздействует на одну из

основ стабильности государства: оказывая влияние на религиозные представления отдельных социальных групп, создает напряженность (конфликт) среди приверженцев тех или иных религиозных воззрений, что в конечном счете может стать причиной распространения религиозной нетерпимости и духовного расслоения общества.

В ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» религиозный экстремизм отнесен к одной из форм экстремизма. Однако, как справедливо указывает Е.Л. Забарчук, в законе, к сожалению, так и не определено, что же понимается под религиозным экстремизмом. [9]

В настоящее время приходится отмечать наличие разнообразных теоретических научных взглядов, различных подходов в понимании и оценке религиозного экстремизма, а также отсутствие единого методологического подхода к вопросу о сущности, характере и причинах его возникновения/

В связи с этим необходимо сказать, что и по сей день в научных кругах оспаривается существование феномена религиозного экстремизма, ставится под сомнение правомерность употребления данного термина. Мнения исследователей по такому вопросу можно разделить на две группы.

Первая группа авторов полагает, что нецелесообразно выделять религиозный экстремизм из общепринятого понятия экстремизма, так как эта разновидность не может подпадать под юрисдикцию государства; [10] религиозный экстремизм нужно рассматривать как разновидность политического экстремизма; [11] в соответствии с принципами, согласно которым представители какого-либо народа или нескольких народов заведомо считаются потенциальными сторонниками определенной религии, а все остальные – ее противниками. [12]

Вторая группа ученых, напротив, отмечает, что в последнее время проявления религиозного экстремизма носят самостоятельный, стабильный и организованный характер; [13] возникновение данного понятия и дискуссии вокруг него не оставляют сомнений в его праве на существование; [9] религиозный экстремизм зарождается как определенное религиозное течение на

базе той или иной традиционной религии и представляет собой самостоятельный феномен. [14]

Согласимся с мнением Т.А. Скворцовой в том, что выделение понятия «религиозный экстремизм» имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку это позволяет раскрыть сущность явления, а также дать научно обоснованные рекомендации по изучению идеологических установок религиозных экстремистских учений, их влияния на сознание, психологию и поведение части верующих. [14, с.12]

На наш взгляд, выделение религиозного экстремизма в виде самостоятельного направления позволит четко определить присущие только ему видовые признаки и разграничить данные деяния от других проявлений экстремизма, установить глубину существующей проблемы, выработать действенные механизмы предупреждения и конкретизировать меры по противодействию рассматриваемому феномену.

В юридической науке развиваются различные теории о многоаспектности религиозного экстремизма. Остановимся на наиболее распространенных из них.

1. **Социально-политическая.** Под религиозным экстремизмом понимается религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность [15] политических партий, общественных и религиозных объединений, иных организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя, насильственный захват власти, на нарушение суверенитета и территориальной целостности страны, на организацию незаконного вооруженного формирования, на нарушение прав и свобод граждан, в том числе возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, публичные призывы к совершению в указанных целях общественно опасных деяний. [16]

По нашему мнению, рассмотрение религиозного экстремизма через призму политических аспектов и придание таковым первостепенного значения является не в полной мере оправданным, так как политическая составляющая в религиозном экстремизме соотносится не как цель, а скорее, как средство ее достижения.

2. **Криминологическая.** Религиозный экстремизм представляет собой антиобщественную, радикально направленную деятельность организованных социальных субъектов [7] в сфере межрелигиозных отношений, [9] выражающуюся в осуществляемых по мотивам религиозной нетерпимости противоправных деяниях лиц и (или) групп, приверженцев определенного вероучения, а также в публичных призывах к совершению таковых по отношению к лицам и социальным группам, в целях переустройства мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами. [17]

Указанное направление наиболее близко к нашему пониманию религиозного экстремизма, однако полем деятельности религиозного экстремизма не остается только сфера межрелигиозных отношений. Мы убеждены, что его практическое выражение шире по своему содержанию и затрагивает различные стороны жизни общества.

Рассматривая приведенные позиции ученых, нельзя не согласиться с мнением Е.Л. Забарчука о существовании полярных точек зрения относительно проблемы религиозного экстремизма. [9]

В связи с этим возникает необходимость целостного и структурированного анализа религиозного экстремизма. Но прежде считаем необходимым привести результаты социологических опросов и интервьюирования:

а) курсантов старших курсов Казанского юридического института МВД России (КЮИ МВД России), практических сотрудников МВД по Республике Татарстан (сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД по РТ) (опрос проведен с 22 ноября 2010 г. по 28 февраля 2011 г. и с 6 марта 2013 г. по 4 апреля 2013 г. В опросе приняли участие 249 человек), сотрудников криминальной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия) (в опросе приняли участие сотрудники криминальной полиции г. Кёльна, г. Падерборна, г. Билефельда – 24 человека (опрос проведен со 2 ноября 2011 г. по 1 декабря 2011 г.), курсантов земельного учреждения образования, подготовки и повышения квалификации полиции земли Северный Рейн-Вестфалия (в опросе приняли участие курсанты LAFP

Polizei NRW г. Шлосс-Хольте-Штукенброк (Германия) – 43 человека (опрос проведен со 2 октября 2011 г. по 1 декабря 2011 г.)

б) участников религиозных организаций (Интервьюирование проведено с 1 марта 2013 г. по 29 марта 2013 г. В интервьюировании приняли участие 12 человек): «Джамаат Таблиг», «Файзрахманисты», «Свидетели Иеговы» – и представителей зарегистрированных религиозных организаций Республики Татарстан и Нижегородской области (опрос проведен с 3 мая 2011 г. по 12 августа 2011 г. В опросе приняли участие 54 человека).

Всем респондентам было предложено ответить на вопрос: «С чем у Вас ассоциируется понятие “религиозный экстремизм”?». Полученные результаты опрашиваемых двух категорий позволили выявить следующую особенность: религиозный экстремизм ассоциируется с противоправной деятельностью по реализации крайней религиозной идеологии, а также с приверженностью к крайним религиозным воззрениям, соответственно, у 57% и 21% сотрудников МВД по Республике Татарстан, 64% и 18% курсантов КЮИ МВД России, 33% и 43% сотрудников криминальной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, 40% и 31% курсантов земельного учреждения образования, подготовки и повышения квалификации полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, 39% и 52% христианских, 54% и 32% исламских, 68% и 26% иудейских священнослужителей.

Гораздо меньшее количество опрашиваемых отнесли религиозный экстремизм к терроризму (6% курсантов старших курсов КЮИ МВД России, 11% сотрудников МВД по Республике Татарстан, 9% курсантов земельного учреждения образования, подготовки и повышения квалификации полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, 17% сотрудников криминальной полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, 2% христианских, 5% исламских и 1% иудейских священнослужителей).

При этом считаем важным обратить внимание на данные, полученные в ходе опросов сотрудников МВД по Республике Татарстан и интервьюирования представи-

телей незарегистрированных религиозных организаций. Результаты показали, что если для сотрудников МВД по РТ (73%) религиозный экстремизм – это одна из форм противоправной деятельности, то для подавляющего большинства представителей незарегистрированных религиозных организаций (86%) (в частности, «Джамаат Таблиг» и «Свидетели Иеговы») – это служение для достижения религиозных целей. Причем понимание того, что есть религиозный экстремизм, различно среди тех участников незарегистрированных религиозных организаций, которые ранее не подвергались мерам правового воздействия, и среди тех, кто уже привлекался к уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности. Так, опрашиваемые первой категории полагают, что религиозный экстремизм представляет собой «закономерную ответную реакцию на всякого рода притеснения в отношении их религиозных убеждений». Понимание вторых основывается «на необходимости совершения таких деяний, которые лежат в основе их веры, независимо от характера их противоправности».

По нашему мнению, причина полярности мнений среди участников незарегистрированных религиозных организаций состоит в том, что в первом случае имеет место романтизация образа «борьбы за правое, богоугодное дело», а во втором – стремление оправдать приобретенный криминальный опыт, повысить свой авторитет среди единомышленников. Это, в свою очередь, подтверждает, что религиозный экстремизм выступает в большей степени деятельностью, сопряженной с убеждениями (обширной идеологической базой), нежели просто наличием личностных теоретических взглядов и основанных на этом моделей поведения.

В результате рассмотрения научных точек зрения и опросов мы пришли к выводу, что под **религиозным экстремизмом** следует понимать одну из крайних форм общественного сознания, носящую характер негативного социального явления, сопряженного с реализацией радикальной религиозной идеологии.

При этом **преступлением религиозной**

экстремистской направленности является умышленное совершение общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, основанного на псевдорелигиозной идеологии и направленного на достижение криминальных целей.

Таким образом, из данного определения можно выделить два, на наш взгляд, основополагающих элемента религиозного экстремизма: 1) наличие возможности выхода за рамки правового поведения в целях реализации идеологии религиозного учения; 2) постановку криминальных целей и придание им религиозного характера.

Приведенные выше рассуждения подчеркивают значимость определения самой сущности религиозного экстремизма. В юридической науке присутствуют разного рода мнения по данному вопросу. Некоторые авторы видят сущность религиозного экстремизма в «признании своей религии ведущей и подавлении других религиозных конфессий через принуждение их исповедовать данную систему религиозной веры»; [14] с точки зрения вторых, сущность религиозного экстремизма заключается в экспансии религиозных и псевдорелигиозных организаций и систем, формировании своей модели социального устройства и поведения индивидов, а в ряде случаев и предложении собственной альтернативной модели глобализации; [7] на взгляд третьих, она представляет собой самую противоречивую сущность всякой религии, крутые повороты бурных событий истории, столь часто освящаемых именем Божиим. [18]

Согласимся с позицией В.Д. Ларичева в том, что, будучи неотъемлемым элементом человеческого бытия и обремененный наличием идеологической базы, экстремизм как деструкция направляется именно на макроуровень социальной идентичности. [19]

В нашем понимании **сущность религиозного экстремизма** состоит в превознесении исключительности своих религиозных убеждений, восприятии окружающего мира через призму крайних религиозных доктрин, категорического непринятия религиозных, социальных, нравственных, политических и иных взглядов, идущих вразрез с провозглашенной религиозной идеологи-

ей, и в совершении общественно опасных деяний в отношении тех, кто не разделяет или препятствует распространению такого вероучения.

Данные основания, на наш взгляд, способствуют отражению сущностных характеристик исследуемого явления и выступают одним из первоочередных факторов, участвующих в определении признаков религиозного экстремизма.

Таким образом, для полного раскрытия существующей картины указанного негативного социального явления считаем целесообразным определить ключевые признаки религиозного экстремизма, обратившись к приведенным ниже мнениям исследователей этого вопроса (С.Н. Поминов, Т.А. Скворцова, А.М. Кадиева, С.Н. Фридинский и др.). [20]

В собирательном понимании под основными признаками религиозного экстремизма целесообразно рассматривать следующие: 1) наличие религиозной идеологии, основой которой является нетерпимость по отношению к верующим, исповедующим иные взгляды, и атеистам; 2) жесткое утверждение своей системы политических и религиозных взглядов путем идеологического обоснования применения насильственных средств и методов; 3) доминирование эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды религиозных экстремистских идей, выраженных в проповеди своей исключительности и превосходства над окружающими; 4) создание «непогрешимого» образа лидера религиозного экстремистского учения, культивирование слепого повиновения и исполнения приказов харизматического лидера религиозного течения; 5) наличие деформации сознания у членов экстремистского религиозного объединения, заключающейся в негативном отношении к общепринятым социальным нормам, путем формирования отрицательной психологической установки на отказ от участия в общественной жизни, на отрицание действующего государственного устройства; 6) отрицание и подавление всяческого проявления инакомыслия в области вероисповедания; 7) придание легальности совершению членами экстремистских рели-

гиозных объединений противоправных деяний, противоречащих закону, в том числе террористических актов, иных преступлений экстремистской направленности, иных уголовных преступлений; 8) акцентуацию социального содержания религии в форме религиозного идеала праведной жизни, праведного общества и формирование на этой основе образа врага истинной веры.

Приведенные мнения авторов о неоднородности данного негативного социального явления, его особенностях заслуживают внимания, однако излишняя теоретизированность положений не отражает основных тенденций, сложившихся в современном религиозном экстремизме в России, более того, указанные признаки носят описательный характер и вряд ли применимы в практической деятельности органов внутренних дел.

Таким образом, исходя из необходимости определения практически значимых признаков религиозного экстремизма, были проведены опросы представителей двух «полярных» сторон. Респондентам из числа сотрудников МВД по Республике Татарстан было предложено охарактеризовать основные признаки современного религиозного экстремизма, а представителям незарегистрированных религиозных организаций («Джамаат Таблиг», «Файзрахманисты» и «Свидетели Иеговы») – указать, какими ключевыми признаками обладает деятельность их организаций.

Полученные результаты показали, что, по мнению 72,8% опрошенных сотрудников МВД по Республике Татарстан, все признаки религиозного экстремизма условно можно объединить в два блока: а) теоретический, включающий формирование криминальной цели и обширную деятельность по подготовке идеологической основы к совершению преступных деяний; б) практический, состоящий из действий по реализации преступного замысла. При этом 34% опрошенных считают, что существует и третий блок – пропагандистский, содержащий действия по распространению религиозной идеологии экстремистского толка среди широких слоев населения.

Позиция представителей незарегистрированных религиозных организаций (в

собирательном плане) была представлена следующим образом: 4% опрошенных среди основных признаков деятельности их организаций выделили расширение сферы влияния путем обучения молодежи основам религиозной идеологии; 18% – ведение идеологической борьбы с оппонентами религиозного учения; 26% – деятельность по распространению идеологических воззрений организации в обществе с использованием различных методов и форм (20% из которых допустили возможность выхода за рамки закона); 49% – деятельность по укреплению и продвижению позиций религиозного учения в различных сферах жизни общества (политической, экономической, социальной) и привлечению новых сторонников.

Принимая во внимание сложившиеся научные позиции, а также исходя из данных опросов сотрудников МВД по Республике Татарстан и участников незарегистрированных религиозных организаций, следует сформулировать признаки религиозного экстремизма. Среди них целесообразно выделить такие, как:

1. Придание криминальным целям религиозной основы.

Постановка криминальных целей и распространение открытых призывов к совершению преступных деяний под религиозными предлогами способствует их восприятию представителями незарегистрированных религиозных организаций в качестве религиозного предписания, исполнение которого будет обязательным.

2. Формирование ресурсной базы для достижения преступных целей.

Названный признак представляет собой выражение стратегии «ненасильственной» религиозной экспансии (данный вывод сделан на основе информационно-аналитического отчета «Об организации и проведении мониторинга религиозно-политической обстановки в Республике Татарстан» в 2012 г.), состоящей в развитии сети организаций, накапливающих человеческий потенциал, выступающий источником регулярного пополнения религиозных экстремистских организаций, создании условий по их материальному и финансовому обеспечению, а также по расширению поддержки среди

населения. Например, особенностью современных религиозных экстремистских организаций является наличие своего рода казны, с помощью которой не только покрываются внутренние расходы таких организаций, но и при необходимости оказывается материальная помощь их участникам (так, среди участников «Хизбут Тахрир аль-Исламия» и «Свидетели Иеговы» распространена практика обязательных ежемесячных пожертвований денежных средств в размере 10% от заработка).

3. Реализация религиозных предписаний в противоправной форме.

Характер совершаемых преступлений может быть самым различным. Общим же в преступлениях религиозной экстремисткой направленности является способ достижения криминальной цели, состоящей в подавлении всякого рода оппозиционности (правовой, физической, финансовой, политической, идеологической и т. д.) в отношении религиозного учения. Данная позиция нашла свое подтверждение в ходе изучения архивных материалов уголовных дел по ст. ст. 280, 282, 2821, 2822 УК РФ, рассмотренных районными и городскими судами Республик Татарстан, Башкортостан, Чувашия и Марий-Эл, Кировской, Ульяновской, Оренбургской областей с 2003 г. по 2012 г. Так, большинство указанных преступлений было совершено в отношении лиц трех категорий: а) осуществлявших идеологическую борьбу с нетрадиционными религиозными организациями (представители духовенства, крупные теологи и проповедники) (14%); б) не разделявших крайние религиозные убеждения и (или) препятствовавших реализации намеченной преступной цели (49%); в) отказавшихся от религиозных экстремистских убеждений и вышедших из состава таких организаций (7%).

4. Романтизация религиозного экстремизма и лиц, совершающих на этой основе преступные деяния.

Данный признак указывает на подмену образа законопослушного поведения поведением исходя из религиозных предписаний, раскрывает отношение представителей религиозных учений к возможности осуществления противоправной деятельности,

придает чувство нравственного оправдания совершенных деяний. По данным ЦПЭ МВД по Республике Татарстан, лица, отбывшие наказания за совершение преступлений экстремисткой направленности, по возвращении из мест лишения свободы переходят на нелегальное положение и продолжают свою противоправную деятельность, приобретая в глазах сочувствующих им лиц образ «борцов за правду», становясь примером для подражания в религиозных экстремистских группах.

В нашем представлении выделение указанных признаков религиозного экстремизма является основополагающим в его понимании, так как они раскрывают весь процесс формирования данного негативного социального феномена, дают возможность рассмотреть практическую реализацию теоретических аспектов крайних религиозных идей в преступную деятельность.

На основе приведенного анализа подходов к проблеме осмысления религиозного экстремизма представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Религия не только определяет нравственные ценности отдельно взятого индивидуума, способствует мировоззренческому восприятию происходящих событий социумом, но и включает в себе возможность (в крайних ее проявлениях) формирования отклоняющегося (нередко преступного) поведения с самостоятельной интерпретацией совершаемых деяний.

2. Выделение религиозного экстремизма в качестве самостоятельного направления позволяет четко определить присущие только ему (как социальному явлению) видовые признаки и отграничить данные деяния от других проявлений экстремизма.

3. Под преступлениями религиозной экстремистской направленности следует понимать умышленное совершение общественно опасных деяний, основанных на псевдорелигиозной идеологии и направленных на достижение криминальных целей, запрещенных уголовным законом.

4. Сущность религиозного экстремизма состоит в превознесении исключительности своих религиозных убеждений, восприятию окружающего мира через призму крайних

религиозных доктрин, категорического неприятия религиозных, социальных, нравственных, политических и иных взглядов, идущих вразрез с провозглашенной религиозной идеологией, и в совершении общественно опасных деяний в отношении лиц, не разделяющих или препятствующих распространению такого вероучения.

5. Рассмотренные признаки религиозного экстремизма направлены на отражение как внутренних, так и внешних процессов, происходящих с религиозной идеологией в условиях ее перерождения в преступную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. URL: <http://10.5.0.16/csi/> (дата обращения: 28.08.2014).
3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 20 ноября 2013 г. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/
4. Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С.52 ; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С.908.
5. Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность, правовые проблемы. М., 2009. С.6.
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : в ред. Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 255-ФЗ // Рос. газета. 2002. 30 июля ; 2012. 25 дек.
7. Муминов А.И. Религиозный экстремизм как угроза современному обществу: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. С.15.
8. Муминов А.И. Указ. соч.; Скворцова Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004 ; Тамаев Р.С. Указ. соч..
9. Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6. С.3.
10. Верховский А.М. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? М., 2002. С.29.
11. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С.20-21.
12. Бирюков В.В. Еще раз об экстремизме // Адвокат. 2006. № 12.
13. Поминов С.Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С.4.
14. Скворцова Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004 С.26.
15. Наматов Н. Религиозный экстремизм в Центральной Азии. URL: <http://www.ca-c.org/datarus/namatov.shtml>
16. Демиров К.К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С.28-29.
17. Ахромеева Ю.В. Социокультурные основы религиозного экстремизма : дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. С.21.
18. Медведко Л.И., Германович А.В. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики. М., 1988. С.4.
19. Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: монография. М., 2012. С.34.
20. Поминов С.Н. Указ. соч. С.10-11; Скворцова Т.А. Указ. соч. С.20-21; Кадиева А.М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2008. С.14.

Ф.Р. Хисамутдинов

А.Е. Шалагин

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

В статье дается определение профессиональной и рецидивной преступности, выделяются их признаки и характеристики. Особое внимание уделяется личности рецидивиста и профессионального преступника, отражается их типология и классификация. Авторами статьи анализируются причины и условия профессиональной и рецидивной преступности, предложены меры, направленные на их минимизацию.

Ключевые слова: профессиональная преступность, рецидивная преступность, предупреждение, противодействие, криминальная субкультура, обычаи и традиции преступного мира, общая и индивидуальная профилактика.

В переводе с *Lat.* термин «рецидив» означает «повторяющийся», «возвращающийся». Соответственно рецидивная преступность включает повторность или многократность совершения одними и теми же лицами общественно опасных противоправных деяний. Другими словами, **рецидивная преступность** – совокупность преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими уголовно-наказуемые деяния.

Профессиональная преступность – разновидность преступного промысла, выступающая для субъекта одним из источников средств существования, требующая достаточных знаний и навыков, криминального мастерства для достижения преступных целей, нередко обуславливающая прочные связи (контакты) с антиобщественной средой.

Преступный мир, являясь неотъемлемой частью социального развития, на протяжении всей истории совершенствовал (оттачивал) свою деятельность параллельно с экономическим и научно-техническим прогрессом. В результате консолидация преступных элементов, начавшаяся с простейших и замкнутых профессиональных преступных групп и прошедшая длительный эволюционный путь развития, завер-

шилась созданием профессиональных преступных сообществ.

Первые свидетельства о существовании профессиональных преступников относятся к концу XV в. – началу XVI в. Уже в XVIII в. встречаются целые поселения воров и разбойников. К этому же периоду исследователи относят появление «законов» традиций преступного мира. [1, с. 33-234] Уже на каторге наблюдается деление преступников в зависимости от принадлежности к той или иной криминальной касте (например, иваны, храпы, игроки, жиганы, шпанка). Элиту преступного мира того периода составляли «червонные валеты» – карточные шулеры высшей категории, «маравихеры» – профессиональные воры и мошенники, «золоторотцы» и др. [2, с.54] На следующем этапе появляются «медвежатники», «фармазонщики», «валютчики» и т.п.

К числу известных ученых, занимавшихся разработкой проблемы предупреждения и противодействия профессиональной и рецидивной преступности, следует отнести труды С.В. Максимова, М.Н. Гернета, Ю.А. Вакутина, А.И. Гурова, С.Я. Лебедева, Э.Ф. Побегайло, Д.А. Корецкого, О.В. Старкова.

К признакам современного преступного

профессионализма относятся:

1) специализация – устойчивый вид преступной деятельности (совершение квартирных краж, угонов автомобилей, мошеннических действий в отношении пенсионеров и др.);

2) квалификация – определенные познания и навыки, которыми обладают профессиональные преступники (использование ими современных компьютерных или информационных технологий в преступной деятельности);

3) совершение преступлений такими лицами рассматривается как один из источников средств существования (в одних случаях – основной, в других дополнительный);

4) инкорпорация и кооперация (наличие разнообразных связей с преступной средой или нахождение в криминальной среде, а также около нее);

5) хорошее знание и поддержание обычаев и традиций преступного мира (клички, жаргон, иерархия преступников, криминальный фольклор, способы шифровки информации, мастерское владение средствами невербального общения и т.д.). [3, с.622]

Устойчивый вид преступного промысла характеризуется систематическим совершением преступных деяний. По такому признаку прослеживается взаимосвязь рецидивной преступности с профессиональной. В некоторых случаях они представляют собой одно целое. В других – различаются по криминальному мастерству, интенсивности совершения преступлений, преступной специализации и квалификации, наличию преступных связей и т.п.

Профессиональные преступники постоянно повышают свою криминальную квалификацию. Например, карманники вначале оттачивают свое мастерство на манекенах или друг на друге, добиваясь точности и слаженности действий. Лица, занимающиеся угонами автотранспорта, нередко начинают свою преступную карьеру с хищения недорогих автомобилей отечественного производства и лишь, потом переходят к более дорогим транспортным средствам с высокой степенью защиты. [4, с.310] Примерно так же развивают свой криминальный профессионализм квартирные воры.

Криминологический анализ рецидива предполагает детальное рассмотрение его признаков, в зависимости от которых выделяют его виды: общий и специальный, однократный и многократный, пенитенциарный и постпенитенциарный.

Общий рецидив – совершение разнородных преступлений, которые квалифицируются по разным статьям Уголовного кодекса РФ.

Специальный рецидив – совершение однотипных, тождественных преступлений, которые квалифицируются по какой-то одной статье УК РФ. Специальный рецидив, как правило, представляет более значительную общественную опасность и свидетельствует о профессионализации рецидивистов.

Однократный (разовый) рецидив определяется одним повтором совершения преступных действий.

Многократный рецидив характеризуется несколькими повторами преступной деятельности.

Пенитенциарный рецидив – совершение двух и более преступлений, при котором за каждое было назначено наказание в виде лишения свободы. [5, с.54] Иногда такой рецидив проявляется в местах отбывания наказания (колонии, тюрьмы).

Постпенитенциарный рецидив – совершение нового преступления после отбытия наказания в виде лишения свободы.

По степени общественной опасности, определяемой тяжестью ранее совершенных лицом преступлений, выделяют следующие виды уголовно-правового рецидива: *простой, опасный, особо опасный*.

Рецидивисты, как и профессиональные преступники, негативно характеризуются в нравственном и правовом отношении. Такие лица трудно поддаются (чаще не поддаются) воспитательно-коррекционному воздействию. Они приносят в общество свои антиобщественные взгляды и установки, способствуют укреплению криминальной субкультуры, своим примером отрицательно влияют на морально неустойчивых лиц, особенно несовершеннолетних и молодежь. [6, с.945] Аккумулируя преступные традиции, рецидивная и профессиональная преступность становится их генератором, обеспечивает их интеграцию в криминальную

среду, преемственность, воспроизводство с учетом меняющихся условий.

В период становления рыночных отношений происходило укрепление взаимосвязи рецидивистов с крупными предпринимателями, нередко допускающими нарушение закона. Рецидивисты помогали им осваивать новые, наиболее прибыльные сектора теневой экономики, решали проблемы, связанные с приватизацией недвижимости, куплей-продажей земельных участков, установлением контроля за торговыми операциями, разрабатывали и реализовывали мошеннические схемы в предпринимательской и банковской деятельности. При этом рецидивисты оставались верны своим криминальным методам и формам поведения, в их арсенале имелись различные способы запугивания и расправы с неугодными конкурентами.

Согласно типологии, предложенной Г.А. Аванесовым, рецидивистов можно разделить на несколько групп:

1) *последовательно-криминогенный тип* (к их числу относятся наиболее злостные, общественно опасные личности, нередко обладающие преступной квалификацией и специализацией);

2) *ситуативно-криминогенный тип* (среди них немало деморализованных или асоциальных личностей, совершающих однотипные (примитивные) преступления общеуголовной корыстной направленности);

3) *случайный тип* (совершает повторные преступления из-за неумения противостоять негативному влиянию криминогенных факторов, нередко возникающих на почве межличностных конфликтов);

4) *маниакальный тип* (основной причиной совершения преступлений являются аномалии психопатической личности, как правило, на почве болезненной сексуальности, например, С. Головкин, А. Чикатило, А. Сливко, С. Ряховский);

5) *конформистский тип* (неспособный противостоять отрицательному, негативно-му влиянию других лиц, в том числе тех, с которыми находился в местах лишения свободы или ранее совершал преступления);

6) *маргинальный тип* (лица, систематически совершающие преступления, при этом находящиеся в прочной алкогольной,

наркотической и иной зависимости, не имеющие средств к существованию). [7, с.465]

В настоящее время профессиональные преступники стараются «легализоваться», вести разрешенный бизнес, внешне не отличаться от законопослушных граждан. Поэтому в прошлое ушли «малиновые пиджаки», статусные татуировки, а также отдельные элементы криминальной субкультуры.

На смену Леньке Пантелееву (по кличке Фартовый), Соньке «Золотой ручке», Яньке Кошелькову, Мишке Культияпову пришли Сергей Мавроди, банда «Цапки», Александр Солоник, Ринат Фархутдинов (Ринтик) и др. Профессиональная преступность обогатилась новыми техническими и инновационными средствами совершения преступлений.

К современным преступным профессиям стоит отнести: 1) убийцу по найму – киллера, 2) торговца оружием и наркотиками, 3) квартирного и карманного вора, 4) сутенера, 5) содержателя притона, 6) мошенника, 7) вора, специализирующегося на угонах автомобилей, 8) грабителей, совершающих нападения на жилища граждан, 9) порнобаронов (лиц, владеющих порностудиями), 9) контрабандистов, 10) скиммеров (лиц, совершающих хищения денежных средств с банковских карт (счетов) граждан) и т.д.

Рецидивной и профессиональной преступности на современном этапе присущи следующие черты:

- повышенная общественная опасность (резонансность) преступных деяний;

- распространенность и устойчивость таких форм преступной деятельности (в общей массе уголовно-наказуемых деяний они составляют примерно 30-38%);

- сфера криминального интереса рецидивистов и профессиональных преступников преимущественно приходится на совершение корыстных, корыстно-насильственных и насильственных преступлений против личности, собственности, общественной безопасности;

- высокий удельный вес специально-го рецидива (более половины однотипных преступлений совершаются квартирными и карманными ворами, грабителями, уличными хулиганами, профессиональными мошенниками);

- «криминальный статус», «криминальная роль», «криминальный стаж». *Криминальный статус* закрепляет положение участника преступной группы по отношению к другим (например, лидер преступного сообщества, криминальный авторитет, бригадир, активный участник, участник преступной группы). *Криминальная роль* определяет функциональные обязанности членов преступной группы («держатель воровского общака», «смотрящий за младшим возрастом», «киллер», «ответственный за порядок в секторе легального бизнеса»). *Криминальный стаж* зависит от уровня подготовки профессиональных преступников и рецидивистов. С увеличением «криминального стажа» повышается преступный авторитет, такие лица все больше прибегают к мерам вынужденной конспирации, стараются совершать преступления «чужими руками»;

- высокая степень организованности, профессиональное мастерство и групповой характер совершаемых преступлений доказывает, что за видимой хозяйственной (экономической) деятельностью преступной группы стоят торговля наркотиками, организация проституции и азартных игр, незаконные операции с оружием, недвижимостью, нефтью, газом, лесом, драгоценными камнями и металлами.

К причинам и условиям профессиональной и рецидивной преступности следует отнести:

1) Социально-экономические факторы (низкий уровень заработной платы, инфляция, несформированность институтов гражданского общества, слабый социальный контроль за преступностью);

2) Нравственно-психологические факторы (снижение моральных ценностей в обществе, подмена культурных традиций обычаями криминальной среды, насаждение культа насилия и денег, психологическая деформация личности под влиянием организованной преступности);

3) Нормотворческие и правоприменительные факторы (отсутствие системы адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, к нормальным жизненным условиям, затя-

нувшееся реформирование уголовно-исполнительных учреждений);

4) криминологические факторы (недостатки и упущения в профилактической и коррекционной деятельности правоохранительных органов в отношении профессиональных преступников и рецидивистов, слабое воздействие на криминальную субкультуру, воспроизводящую нормы и правила преступного поведения; упущения в системе превентивного контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел);

5) социально-негативные (фоновые) явления, обуславливающие (воспроизводящие) рецидивную преступность (пьянство и алкоголизм, наркомания и токсикомания, проституция и безнадзорность несовершеннолетних, бродяжничество и попрошайничество, проникновение в молодежную среду экстремистских взглядов и убеждений);

6) иные факторы (распад семьи, проблемы трудоустройства лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, латентность или сложная раскрываемость преступлений, совершенных рецидивистами и профессиональными преступниками, имеющиеся факты коррупции в правоохранительных и судебных органах и др.).

Криминальная субкультура в жизни преступного мира имеет особое значение. При помощи этого регулятора устанавливаются правила поведения, нормы, традиции и обычаи в воровской среде. Она обеспечивает криминальную иерархию, зашифровку информации, взаимопомощь и конспирацию членам преступного сообщества.

Криминальную субкультуру можно разделить на следующие виды:

- тюремную субкультуру;

- субкультуру профессиональных преступников и рецидивистов, находящихся на свободе;

- субкультуру участников организованных преступных формирований (сообществ);

- субкультуру несовершеннолетних правонарушителей;

- субкультуру наркозависимых и наркопреступников;

- субкультуру маргиналов, совершающих преступления и иные правонарушения (пья-

ницы, наркоманы, токсикоманы, бродяги, попрошайки, проститутки и др.). [8, с.112]

К элементам криминальной субкультуры можно отнести следующее:

1) стратификацию (иерархию) преступников;

2) клички, татуировки, стиль в одежде;

3) уголовный жаргон, жесты, знаки;

4) способы передачи и зашифровки информации;

5) воровскую казну;

6) нормы и правила поведения в криминальной среде (принятие в свои ряды новичка, так называемая «прописка», испытания, игры, способы расслабления и времяпрепровождения);

7) тюремный фольклор (песни, стихи, пословицы, поговорки, рассказы о жизни преступного мира);

8) особое отношение к своему здоровью (от симуляции болезней, самоповреждений до занятия спортом, отказа от употребления алкоголя и табака). [9, с.32]

Тюремную субкультуру и правила поведения, которыми руководствуются преступники на свободе, очень многое объединяет, но при этом и существенно отличает друг от друга. Стратификация (иерархия) преступников в уголовно-исправительных учреждениях строится на основании иных «правил и норм», чем на свободе. *Если в местах лишения свободы имеются «смотрящие за зоной», «положенцы», «паханы», «стремящиеся», «бойцы», «быки», «мужики», «красные», «отверженные», то на свободе шкала престижа преступников будет выглядеть по-иному.*

Профилактика рецидивных преступлений является частью общих профилактических мероприятий, при этом она имеет свои характерные особенности. Предупреждение рецидивной и профессиональной преступности предполагает активное целенаправленное воздействие на весь комплекс детерминирующих факторов, обуславливающих их. Это воздействие осуществляется путем применения различных по своему содержанию мер общесоциального, специального и индивидуального характера. [10, с.445]

К основным общесоциальным мерам предупреждения профессиональной и ре-

цидивной преступности относятся:

- оздоровление социально-экономической ситуации в России (создание условий, при которых теневая экономика будет замещаться здоровой конкурентоспособностью, уровень заработной платы сможет удовлетворять запросы трудящихся, снижение коррупционных и должностных преступлений);

- формирование российской идеологии, основывающейся на патриотизме, исторических и культурных ценностях, повышение доверия к власти, уважение государственных деятелей и принимаемых ими решений;

- укрепление взаимовыгодного сотрудничества правоохранительных органов и институтов гражданского общества, повышение социального контроля в сфере профилактики правонарушений;

- совершенствование системы предупреждения преступлений и административных правонарушений,

- разработка и реализация мер правового и духовно-нравственного образования (воспитания) населения.

Специальные меры направлены на разоблачение преступного мира и ликвидацию криминальных традиций, пресечение профессиональной преступной деятельности, задержание и изобличение преступников, лишение их возможности повторного совершения преступлений. Среди специальных мер предупреждения профессиональной и рецидивной преступности следует выделить:

- совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в части противостояния профессиональной, рецидивной и организованной преступности;

- упрощение процедуры легализации оперативно-розыскной информации в доказательственную базу по уголовным делам;

- подготовка специалистов оперативных подразделений по узким специализациям, способным выявлять, пресекать и предупреждать новые виды (типы) профессиональной преступной деятельности;

- ослабление и нейтрализация преступных традиций, обычаев и норм криминальной среды. [11, с.165]

В профилактике рецидивной и професси-

ональной преступности доминирующая роль принадлежит органам внутренних дел, а также учреждениям уголовно-исполнительной системы. В настоящий период сделан существенный шаг в реформе уголовно-исправительных учреждений: в среде осужденных стало меньше конфликтов, налаживается конструктивный диалог лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, с администрацией таких учреждений, снижается насильственная преступность, совершенствуются меры дифференцированного и индивидуализированного воздействия на лиц, отбывающих наказание. [12, с.209]

В перспективе развития уголовной политики – улучшение условий содержания осужденных, создание специализированной службы постпенитенциарного контроля (службы пробации), основной задачей которой была бы социальная адаптация и ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Такая служба должна быть способна решить проблемы с трудоустройством, местом жительства освободившегося, помимо этого, оказывать медицинскую, правовую, психологическую, консультативную и иную помощь, а в дальнейшем можно наделить ее функцией осуществления административного надзора.

Профилактика алкоголизма, наркомании, проституции, бродяжничества и других социально-негативных (фоновых) явлений, связанных с преступностью, безусловно, будет способствовать предупреждению совершения повторных преступных деяний.

Необходимо реанимировать работу советов по профилактике правонарушений на предприятиях и в трудовых коллективах.

Профессиональной преступности может противостоять только хорошо подготовленная и оснащенная современными техническими (информационными) средствами правоохранительная система. Успешными наступательными мероприятиями по минимизации рецидивной и профессиональной преступности могут послужить своевременные (целенаправленные) действия правоохранительных органов по подрыву материальной основы организованных криминальных групп, а также недопущению фактов легализации доходов, полученных преступным путем и финансирования экстремистской деятельности.

Значительная роль отводится своевременному проведению оперативно-профилактических и оперативно-розыскных мероприятий. К оперативно-профилактическим операциям данной направленности относятся: «Надзор», «Условник», «Грабитель», «Мак», «Притон», «Нелегальный мигрант» и др.

В раскрытии и пресечении преступлений, совершенных профессиональными преступниками и рецидивистами, помогают грамотно спланированные оперативные комбинации и процессуально оформленные следственные действия, позволяющие изолировать опытных преступников и получить совокупность неопровержимых доказательств их преступной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева, Н.В. Румянцев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 487 с.
2. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 304 с.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 800 с.
4. Криминология: учебник / под ред. В.И. Авдийского. М.: Юрайт, 2014. 351 с.
5. Зотов Е.П., Майоров А.В. Актуальные проблемы борьбы с рецидивной преступностью: курс лекций. М.: ЦОКР МВД России. 120 с.
6. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1008 с.
7. Криминология: учебник / под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 575 с.
8. Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс. М.: Волтерс Клувер, 2010. 240 с.
9. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 243 с.
10. Алауханов Е.О. Криминология: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 608 с.
11. Криминология: учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Проспект, 2010. 496 с.
12. Абызов К.Р., Ильин И.С. Криминология: курс лекций / под ред. В.Г. Гриба. М.: Маркет ДС, 2010. 352 с.

А.А. Кашкаров

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 290
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И СТ. 368 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА УКРАИНЫ**

В статье проводится сравнительная характеристика преступлений предусмотренных ст. 290 УК Российской Федерации и ст. 368 УК Украины на основании исследования объективных и субъективных признаков составов преступлений, исследуется законодательная техника изложения норм.

Ключевые слова: коррупция, взятка, получение взятки, преступление, состав преступления.

Проблема уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, а также исследование этого вида преступлений является одной из актуальных проблем последних 20-25 лет в уголовно правовой науке наряду с такими общественно опасными явлениями, как терроризм, экстремизм, организованная преступность и наркопреступность.

Коррупционные преступления, являясь одними из наиболее латентных видов преступлений, представляют повышенную общественную опасность, причиняют существенный вред интересам государства и авторитету власти, формированию негативного имиджа государственных служащих, служащих органов местного самоуправления, а также лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации (органов публичной власти), способствуют развитию теневой (легализация средств, полученных преступным путем) и, как следствие, криминальной экономики, финансированию иных видов преступной деятельности, в том числе наркобизнеса, преступлений террористического и экстремистского характера, развитию организованной преступности во всех ее проявлениях. Авторы учебника «Криминология» под редакцией профессора А.И. Долговой указывают, что «коррупция для организованных преступников – это средство обеспечения не только корыстного, но и политического интереса, поскольку у них отмечается двойная мотивация: обеспечить сверхдоходы и власть ради их сохранения и преумножения». [1, с.806] С.А. Буткевич так-

же отмечает, что коррупция является неотъемлемой частью экономической преступности, многоструктурным и многомасштабным явлением сложного финансового, законодательного и политического характера. [2, с.88]

Законодательного закрепления понятия «коррупционная преступность» и «коррупционные преступления» в законодательных актах как России так и Украины, к сожалению, нет, однако следует отметить, что правоприменитель в лице Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ сформировал перечень статей Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), которые признаются коррупционными преступлениями (преступлениями коррупционной направленности), [3] что позволяет вести статистический учет такого рода преступлений. По аналогичному пути пошла и Генеральная прокуратура Украины, утвердив положение о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований. [4] Вместе с тем понятие «коррупционные преступления» сформировано доктринально и может трактоваться как в широком, так и в узком смыслах. Не вдаваясь в научную полемику относительно содержания понятия «коррупционные преступления», следует отметить, что под коррупционными преступлениями мы понимаем любое корыстное преступление, совершенное должностным лицом, то есть лицом, которое является представителем власти, обладает организационно-распорядительными либо административно-хозяйственными функциями с использованием полномочий, предоставляемых должностью.

Проблемам уголовно-правового анализа норм, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления, в последнее время посвящено много статей и научных публикаций, однако сравнительно-правовой анализ норм законодательства об уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений по УК Российской Федерации и Украины после внесения изменений в УК Украины не проводились.

Целью публикации является анализ норм и положений действующих УК РФ и Украины, устанавливающих уголовную ответственность за некоторые из коррупционных преступлений.

Наиболее распространённым коррупционным преступлением является получение взятки: ст. 290 УК РФ (получение взятки) и ст. 368 УК Украины (принятие предложения, обещание или получение неправомерной выгоды).

Следует отметить, что ст. 368 УК Украины до 18.04.2013 имела название «получение взятки». Относительно соотношения названий «получение взятки» и «получение неправомерной выгоды» в теории уголовного права считается, что они синонимичны, [5, с.187] кроме этого, Н.И. Хавронюк указывает, что «понятие «взятка» и «неправомерная выгода» полностью совпадают, использование термина «взятка» исключительно дань традиции». [6, с.312] Также следует отметить, что в ст. 2 международной конвенции «Гражданская конвенция о борьбе с коррупцией» указывается, что «коррупция» означает прямые или косвенные вымогательство, предложение, дачу или получение взятки или любой другой неправомерной выгоды или возможности ее получения, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности лицом, которое получает взятки, неправомерную выгоду или возможность иметь такую выгоду, или поведение такого лица. [7] Из приведенной нормы международной конвенции можно увидеть, что получение взятки либо неправомерной выгоды используется синонимично.

Традиционно сравнительный анализ уголовно-правовых норм и положений осуществляется на основании изучения элементов

состава преступления, что дает возможность делать умозаключения об особенностях законодательной техники изложения норм в законах об уголовной ответственности.

Первым из элементов состава преступления является «объект преступления». В теории уголовного права существует ряд точек зрения относительно содержания объекта преступления, нами поддерживается та позиция, в соответствии с которой объект преступления – это общественные отношения, которые ставятся под угрозу причинения вреда или которым этот вред причинен.

Анализируя такой элемент состава преступления, как «объект преступления», следует отметить одно из доктринальных различий в УК РФ и Украины, которое содержится в законодательной классификации объекта преступления по вертикали. Общеизвестным является тот факт, что законодатель осуществляет разделение статей в Особенной части УК и формирование глав и разделов Особенной части УК на основании объекта преступления, его социальной значимости, важности уголовно-правовой защиты и охраны, а также общественной опасности, которую может причинить деяние. Так, анализ УК РФ дает нам возможность утверждать, что законодательно закреплённая классификация объекта преступления является четырехступенчатой, в отличие от трехступенчатой, которая закреплена в УК Украины. Классифицируя объект по вертикали, согласно УК Украины, выделяют общий (общая совокупность находящихся под охраной закона об уголовной ответственности общественных отношений), родовой (отдельная группа однородных, родственных общественных отношений, охрана которых способна обеспечить их защиту в определенной сфере) и непосредственный (общественные отношения, защита которых обеспечивается конкретной нормой УК), в отличие от УК РФ, в котором присутствует и видовой объект преступления (одновидовые общественные отношения, которые сгруппированы законодателем в одной Главе УК).

По нашему мнению, более детальная классификация объекта преступления по вертикали, позволяет исследователю

и практику более четко определить объект конкретного преступления, что в свою очередь поможет в подготовке обвинительного заключения и приговора в последующем.

Проводя анализ объекта преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ и ст. 368 УК Украины, по вертикали, мы можем констатировать, что содержание общего объекта преступления в обоих составах полностью совпадает. Родовым объектом, согласно законодательной конструкции Особенной части УК РФ, преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является совокупность общественных отношений в сфере обеспечения нормальной деятельности государственной власти. Теоретически родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 368 УК Украины, согласно законодательному закреплению, выступают общественные отношения в сфере служебной и профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, однако, по нашему мнению, это скорее видовой объект преступления. Родовым объектом анализируемого преступления, предусмотренного ст. 368 УК Украины, является также совокупность общественных отношений в сфере обеспечения нормальной деятельности государственной власти.

Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, согласно закреплению законодателем структуре Особенной части УК РФ, выступают общественные отношения в сфере реализации государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Схожую позицию относительно определения непосредственного объекта преступления выражает И.А. Савенко, которая указывает, что «объектом преступления получения взятки являются интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления». [8, с.62]

Раскрыть сущность непосредственного объекта преступления, по нашему мнению, возможно, изучив структуру общественных отношений, которые состоят из ряда структурных элементов. К ним относятся: субъекты (носители) общественных отношений;

предмет общественных отношений; социальная связь, содержание общественных отношений. [9, с.90]

Уяснение структурных элементов анализируемых составов преступлений дает возможность констатировать ряд положений, согласно которым:

1) субъектами отношений выступают государство, органы местного самоуправления (органы публичной власти), взяточполучатели (должностные лица) и взяткодатели, неопределенный круг физических и юридических лиц, чьи права, свободы и интересы страдают от противоправной деятельности взяточполучателя, а также третьи лица, в чьих интересах могут быть совершены действия. Отдельно следует отметить, что органы публичной власти, выступают как субъекты общественных отношений анализируемых преступлений, которым всегда причиняется вред, то есть вред причиняется авторитету органов публичной власти. В ряде некоторых случаев субъектом (субъектами), которому причиняется вред, может выступать и взяткодатель (при условии, если у последнего вымогали денежные средства, а также лицо добровольно до начала уголовного преследования заявило об этом), в этом случае мы также можем указывать на наличие дополнительного объекта преступления, которым выступают общественные отношения в сфере частной собственности. Взяткодатель выступает как участник общественных отношений, которое негативно влияет на них;

2) предметом общественных отношений анализируемых преступлений выступают законные права, свободы и интересы физических и юридических лиц, которые реализуются посредством выполнения должностными лицами органов публичной власти возложенной компетенции и делегированных полномочий;

3) социальная связь возникает между субъектами (участниками) общественных отношений в процессе реализации законных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц.

Учитывая вышеизложенное, непосредственным объектом анализируемых преступлений следует считать авторитет органов

публичной власти, вред которому причиняется посредством нарушения порядка реализации законных прав, свобод и интересов физических и юридических лиц должностным лицом органа публичной власти.

Изучение объекта анализируемых преступлений будет неполным без рассмотрения предмета преступления. Доктринальное определение предмета преступления сводится к тому, что предмет преступления – это вещь материального мира, влияя (воздействуя) на которую субъект преступления причиняет вред объекту преступления. [10, с.173-174] Однако мы считаем, что в условиях технического прогресса, наряду с вещами материального мира, предметом преступления должны признаваться и прочие субстанции, которые нельзя отнести к вещам материального мира в силу их физических свойств, но признавать таковыми их необходимо, к таким предметам преступления следует относить: электроэнергию, тепловую энергию, компьютерную (электронную) информацию, авторские и смежные права.

Исследование предмета преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ и ст. 368 УК Украины, свидетельствует о том, что он имеет исключительно имущественный характер. Данное умозаключение четко просматривается при анализе диспозиции ст. 290 УК РФ, в которой указывается, что получение взятки осуществляется в виде получения: денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконного оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав. Имущественный характер также может быть подтвержден абз. 4 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда России от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в котором определено, что переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта, [11] в случае если эксперт не мо-

жет предоставить заключение о стоимости услуги. Вести речь о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ или ст. 368 УК Украины, не представляется возможным.

В новой редакции ст. 368 УК Украины, как и в редакции, которая существовала ранее, украинский законодатель не описывает предмет преступления, на что неоднократно указывали украинские исследователи проблемы, приводя в пример ст. 290 УК РФ. [12, с.80]

Оказание услуг неимущественного характера, предоставления неимущественных прав предметом анализируемых преступлений признаваться не должны, однако при наличии определенных признаков эти действия могут быть квалифицированы как превышение либо злоупотребление должностными полномочиями.

Анализ объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ и ст. 368 УК Украины, свидетельствует, что обе нормы сформулированы таким образом, что наступление общественно опасных последствий не обязательно, преступление считается оконченным с момента совершения общественно опасных действий, направленных на достижение преступного результата.

Диспозиция ст. 368 УК Украины определяет, что преступный результат в виде получения материальных выгод может осуществляться как в интересах должностного лица (исполнителя), так и в интересах третьих лиц (которые не являются соучастниками). Статья 290 УК РФ аналогичного положения не предусматривает, что, по нашему мнению, может значительно затруднить использование ст. 290 УК РФ при условии, что должностное лицо не получает предмет преступления, предусмотренный ст. 290 УК РФ. Так, например, в случае, если должностное лицо занимает денежные средства у третьего лица (не являющегося соучастником преступления ст. 290 УК РФ), а взяткодатель передает денежные средства именно третьему лицу. Приведенный пример свидетельствует о том, что получение должностным лицом денежных средств, имущества и иных действий имущественного характера отсутствует.

Следует также отметить, что объективная

сторона преступления, предусмотренного ст. 368 УК Украины, сформулирована шире и предусматривает ответственность на стадии приготовления к получению незаконного вознаграждения (взятки). Диспозиция ст. 368 УК Украины указывает: «Принятие предложения, обещание принять, принятие служебным лицом неправомерной выгоды ...», то есть можно утверждать, что анализируемый состав сформулирован как преступление с усеченным составом, в котором законодатель перенес момент признания преступления окончанным на стадию приготовления.

Проблему уголовной ответственности на стадии приготовления к даче взятки Российская доктрина разрешает посредством судебного толкования, а именно, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иным коррупционным преступлениям», в котором определяется: «Если при этом действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по не зависящим от них обстоятельствам, деяние следует квалифицировать как приготовление к получению взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 2-6 статьи 290 УК РФ)».[11] Указанное дает нам возможность утверждать, что преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, относится к преступлениям с формальным составом.

Субъективная сторона анализируемых преступлений является аналогичной, она характеризуется умышленной формой вины и наличием обязательного корыстного умысла. Должностное лицо знает и осознает противоправный характер своего поведения, желает выполнить противоправные действия, направленные на получение взятки (незаконного вознаграждения), а также желает обогатиться за счет средств и материальных ценностей взяткодателя.

Содержание понятия субъекта анализируемых преступлений – должностного лица раскрывается в примечаниях к ст. 285 УК РФ и ст. 364 УК Украины соответственно. Существенных различий примечания в определениях должностного лица не содержится. Однако диспозиция ст. 290 УК РФ определяет дополнительный круг субъектов преступления: иностранное должностное лицо, а также должностное лицо публичной международной организации. Это существенно расширяет возможность применения нормы.

Материалы данной статьи могут быть использованы в дальнейшем в ходе исследования норм и положений устанавливающие уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений, а также в учебном процессе при подготовке лекций по уголовному праву.

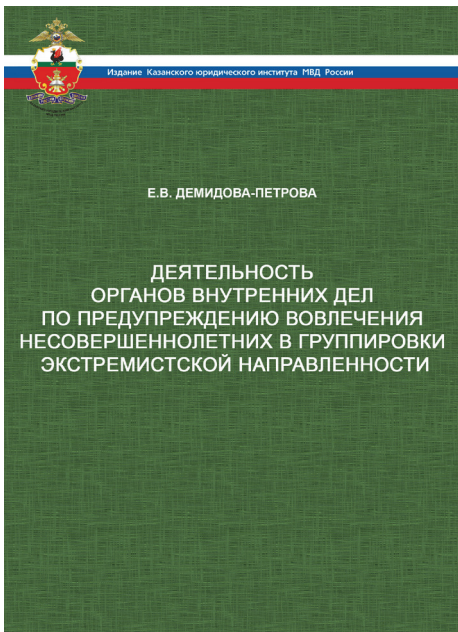
ЛИТЕРАТУРА

1. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. И доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1008 с.
2. Буткевич С.А. Відмивання грошей і корупція: актуальні проблеми протидії та шляхи їх вирішення // Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). 2012. № 2 (28). С. 88-97.
3. Указание Генпрокуратуры России № 387-11, МВД России № 2 от 11.09.2013 "О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности" // [Электронный ресурс]: режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154639/
4. Положення про порядок ведення Єдиного реєстру досудових розслідувань (із змінами затвердженими наказами Генерального прокурора України від 14.11.2012 №113, від 25.01.2013 №13, від 25.04.2013 № 54) // [Электронный ресурс]: режим доступа: http://www.gp.gov.ua/ua/file_downloader.html?_m=fslib&_t=fsfile&_c=download&file_id=178961
5. Кашкаров А.А., Добропез И.А. Коллизии в действующем антикоррупционном законодательстве Украины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2013. Т. 26(65). № 2 С.186-190.

6. Хавронюк М.І. Науково-практичний коментар до Закону України «Про засади запобігання і протидії корупції». К.: Юридична думка, 2012. 424 с.
7. Гражданская конвенция о борьбе с коррупцией. Конвенция от 04.11.1999 № ETS N 174 Совета Европы // [Электронный ресурс] режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/info/MU99262.html
8. Савенко И.А. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: лекция. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. 116 с.
9. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Х.: Выща школа, 1988. 198с.
10. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева А.В. Наумова. М.: Спарк. 2001. 767 с.
11. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановления Пленума Верховного Суда Российской суда от 9 июля 2013 года № 24 // [Электронный ресурс] режим доступа <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=74965>
12. Мельник М.І. Хабарництво: загальна характеристика, проблеми кваліфікації, удосконалення законодавства. К.: Парламентське вид., 2000. С.143.

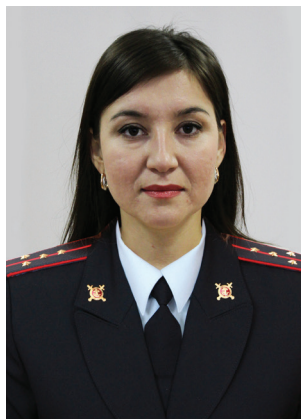
ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Демидова-Петрова Е.В.

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в группировки экстремистской направленности: учебное пособие. – Изд.2-е, перераб. и доп. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 151 с.

Учебному пособию в 2014 году присвоен гриф МВД России «Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего профессионального образования системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»

Р.Ш. Богаткина

ЭКСТРАДИЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье проанализированы основные источники правового регулирования института экстрадиции на современном этапе. Особое внимание автор уделит анализу соответствия внутригосударственных правовых актов международным обязательствам в рамках предмета исследования. В результате автор приходит к выводу о наличии законодательных пробелов института экстрадиции в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: экстрадиция, правовое регулирование, запрос о выдаче лица, уголовно-процессуальное сотрудничество государств, правовая помощь в уголовном судопроизводстве.

В последние годы в Российской Федерации наметилась устойчивая тенденция к увеличению запросов о выдаче лиц, совершивших преступления, что, в свою очередь, вызвало необходимость совершенствования правового регулирования порядка и условий экстрадиции.

Так, например, Испанией выданы директор клуба «Хромая лошадь», в котором из-за нарушения правил пожарной безопасности произошел пожар, унесший жизни более сотни человек, а также обвиняемый в совершении в составе банды убийств 27 лиц и покушении на убийство 7 лиц. Кипр передал гражданина США, который похитил из бюджета Московской области денежные средства на сумму более 1 млрд рублей. Марокко выдало обвиняемого в хищении мошенническим путем имущества более 4 тыс. потерпевших, Украина – активных участников преступной группировки, обвиняемых в убийстве 12 человек, в том числе малолетних детей, в станице Куцевской Краснодарского края. Беларусь выдала обвиняемых в участии в банде и совершаемых ею разбойных нападениях, убийствах, а также преступлениях террористической направленности. Швецией выдан обвиняемый в хищении бюджетных средств, выделенных в рамках реализации жилищной программы, Германией – обвиняемый в убийстве

главы муниципального образования «Хасавюртовский район» Республики Дагестан.

Расширяется и география сотрудничества в сфере выдачи. Все чаще преступники пытаются скрыться от правосудия в государствах, с которыми у России нет договоров о выдаче. [1] Однако в 2012 году успешно решались вопросы передачи в Россию лиц с некоторыми из таких стран (Чили, Гана, Камбоджа). [2]

В целом, выдача для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора представляет собой совокупность уголовно-процессуальных действий и решений компетентных органов запрашиваемого государства в связи с рассмотрением, разрешением и фактическим исполнением просьбы запрашивающего государства о принудительном возвращении на его территорию лица, подозреваемого, обвиняемого либо осужденного за совершение преступления, для осуществления в отношении указанного лица уголовного преследования и (или) исполнение приговора. [3]

К источникам, регулирующим экстрадицию, следует отнести: 1) международные конвенции и договоры РФ, предусматривающие возможность выдачи лиц, совершивших преступления, в соответствии с порядком и на условиях, определенных договаривающимися сторонами; 2) наци-

ональное законодательство РФ, в одностороннем порядке определяющее общие правила экстрадиций, и полномочное учреждение или должностное лицо, которые решают связанные с выдачей вопросы.

Нельзя не упомянуть о том, что, наряду с указанными нормативными правовыми документами, на практике применяется правила международной вежливости, согласно которым удовлетворение запроса о выдаче является актом добровольного решения одного государства по отношению к другому, в том числе в расчете на взаимное оказание такого рода правовой помощи. [4]

Негативная сторона подобной практики заключается, как правило, в длительных сроках исполнения запросов об оказании правовой помощи. Вместе с тем запросы, направляемые на основе принципа взаимности, являются одной из составляющих нормативно-правовой основы оказания правовой помощи по уголовным делам.

В настоящее время сложность оказания правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности заключается в том, что в ст. 453 УПК РФ [5] не раскрывается его содержания.

В ч. 2 ст. 453 УПК РФ лишь указывается на то, что принцип взаимности подтверждается письменным обязательством Верховного Суда РФ, Министерства иностранных дел РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, Генеральной прокуратуры РФ оказать от имени Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в производстве отдельных процессуальных действий.

Хотя в мире и сложилась практика исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам на началах международной вежливости и при отсутствии соответствующего международного договора, все же только международный договор обеспечивает обязательность их исполнения, предписывая выполнение необходимых процессуальных действий при соблюдении установленных в этом договоре правил.

Следует отметить, что выдача лица запрашиваемым государством – суверенное право этого государства, а не его обязанность. В научной литературе по данному вопросу существуют различные точки зрения, в том числе и противоположные. [6]

В Российской Федерации неоднократно обсуждался вопрос о необходимости принятия на федеральном уровне закона об экстрадиции, более того, был подготовлен соответствующий законопроект, но он не получил своего дальнейшего развития.

В итоге, несмотря на то, что вопрос о необходимости закрепления института выдачи на уровне федеральных законов в отечественной доктрине ставился неоднократно, [7] сделано это было лишь с принятием Конституции России (ч. 1 ст. 61), [8] а затем Уголовного кодекса РФ 1996 г. (ст. 13). [9]

На современном этапе в российском законодательстве вопросы выдачи регулируются Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», [10] Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», [11] Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», [12] Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», [13] Законом о международных договорах Российской Федерации, [14] Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации», [15] Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и некоторыми другими. [16]

Следующим шагом в законодательной регламентации экстрадиции стал УПК РФ, часть пятая которого полностью посвящена международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, а специальная гл. 54 данной части – выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Однако следует отметить, что данная глава Уголовно-процессуальная ко-

декса РФ содержит ряд замечаний.

Так, например, УПК РФ не предусматривает образцов процессуальных документов к главе 54 УПК РФ, что значительно затрудняет составление запроса о выдаче. В научной литературе отмечается, что достаточно часто на практике возникают ситуации, когда поступившие документы о выдаче не содержат всех необходимых сведений. Данное обстоятельство значительно затрудняет процесс разрешения вопроса о возможности выдачи требуемого лица и, соответственно, затягивает саму процедуру, так как выдача связана с ограничением основных личных прав и свобод человека и гражданина. [3]

Следует также отметить, что, к сожалению, УПК РФ не содержит требований о языке, на котором должен быть составлен запрос о выдаче. В этой части следует руководствоваться положениями ст. 23 Европейской конвенции о выдаче 1957 г., [17] которая предусматривает, что все документы предоставляются на языке запрашивающего или запрашиваемого государства, однако запрашиваемое государство может потребовать перевод на один из официальных языков Совета Европы по своему выбору. В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 1 ФЗ о ратификации

Европейской конвенции о выдаче 1957 г. Россия приняла оговорку, в соответствии с которой при направлении в РФ документов, относящихся к выдаче, требуется их заверенный перевод на русский язык.

Анализ норм УПК РФ показывает, что в нем нет точного указания на то, кто именно из правоохранительных органов РФ должен составлять запрос о выдаче и направлять его в Генеральную прокуратуру РФ. Исходя из этого, органы предварительного следствия прокуратур всех уровней, ФСКН, ФСБ, МВД, суды также всех уровней запросы о выдаче за рубеж обязаны направлять через Генеральную прокуратуру РФ.

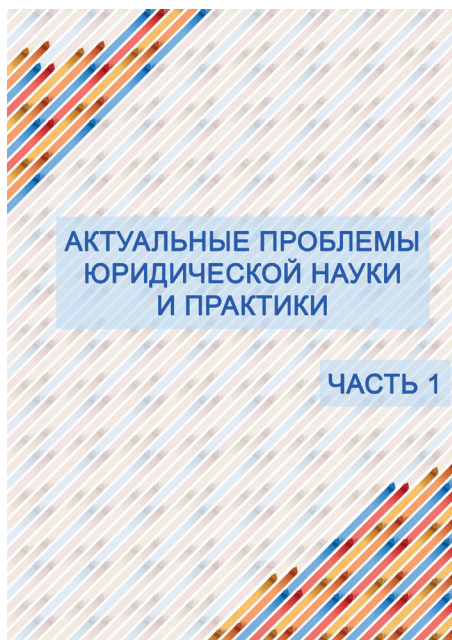
Таким образом, анализ норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства показывает, что они не в полной мере соответствуют международным обязательствам Российской Федерации, что обуславливает необходимость обоснования и внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Недостаточная законодательная регламентация экстрадиции в российском законодательстве снижает эффективность реализации данного института на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю. Нормативно-правовое обеспечение противодействия организованной преступности в XXI веке // Юридическая наука и право-охранительная практика. 2012. № 4. С.63-70.
2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://www.genproc.gov.ru/ms/> (дата обращения: 20.02.2014).
3. Шинкевич Д.В. Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2008. С.66.
4. Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С.137.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 г.) // Российская газета. 2001. 22 декабря.
6. См.: напр.: Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 213-230; Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. М., 2002. С.16-17.
7. Курс советского уголовного права (часть Общая): В 5 т. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С.140-141.
8. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. О прокуратуре: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. 1995. № 26.
11. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2759.
12. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 03.06.2002. № 22. Ст. 2031.
13. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
14. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995г. № 101-ФЗ (в ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.
15. О Государственной границе Российской Федерации: закон РФ от 1 апреля 1993г. № 4730-I (в ред. от 28.06.2014 г.) // Российская газета. 1993. 4 мая.
16. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I (в ред. от 02.04.2014) // Ведомость Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации/ 19.08.1993. № 33. Ст. 1316.
17. О ратификации Европейской Конвенции о выдаче: Федеральный закон 1957 г.// Бюллетень международных договоров. 2000. № 9.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Актуальные проблемы юридической науки и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов (16 мая 2014 г.). В 2-х ч. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2014. – Ч.1. – 234 с.; Ч.2. – 219 с.

Для аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов, а также тех, кто изучает проблемы правового регулирования общественных отношений, социально-политического положения личности в современной России, актуальные проблемы преступности

Р.Р. Алиуллов

В.Ф. Саетгараев

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРИНЦИПЫ, ФОРМЫ

В статье обосновывается необходимость совершенствования взаимодействия подразделений органов внутренних дел, приводятся актуализирующие факторы усиления взаимодействия, раскрытия важных признаков: принципов, предмета, форм, методов, правовой основы

Ключевые слова: взаимодействие, организация взаимодействия, принципы, формы и методы, предмет, правовая основа взаимодействия

Органами внутренних дел решаются основные задачи, возложенные на них обществом и государством, по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина, необходимого порядка и общественной безопасности.

В настоящее время органы внутренних дел находятся на стадии глубокого реформирования. На деятельности органов внутренних дел отразилось принятие новых законов, регулирующих деятельность органов внутренних дел, изменения в структуре управления, снятие с органов внутренних дел не свойственных ей функций, переименование из милиции в полицию. Важнейшими задачами для неё на данном этапе являются совершенствование функционирования системы управления органов внутренних дел, слаженная работа входящих в них служб и подразделений, укрепление доверия граждан. [1]

Органы внутренних дел состоят из подразделений полиции, юстиции и внутренней службы, основную нагрузку по обеспечению правопорядка в обществе несут на себе подразделения полиции.

На основании закона «О полиции» полиция осуществляет свою деятельность по

12 основным направлениям, [2] которые необходимо реализовывать на высоком социально-приемлемом уровне. Данные направления многоаспектны, они не могут быть реализованы одним субъектом. Направления деятельности настолько масштабны, что для их реализации требуется от трех до пяти субъектов, даже решение одной задачи достигается слаженной работой всех подразделений, т.е. их взаимодействием.

В одном случае, взаимодействие – это совместное планирование, мероприятия, совещания и т.д., в другом – установление деловых отношений, обмен опытом, консультирование.

Все эти вещи в литературе получили название **взаимодействие** – совместное участие и связь сотрудников, подразделений, организаций, органов в процессе трудовой деятельности, возникающие на основе разделения функций, полномочий, взаимных обязательств. [3]

Взаимодействие осуществляется и в процессе управления (см. организация взаимодействия). В зависимости от положения участников в иерархии системы управления взаимодействие бывает: вертикальное (участники разных ступеней иерархии), го-

ризонтальное (участники одной ступени иерархии) и смешанное. По содержанию взаимодействие может быть информационным (обмен информацией), консультационным (методическое), функциональным (частичное выполнение общей работы), организационным (установление регламентов, нормативов и пр.). По форме взаимодействие разделяется на формальное и неформальное. [3, С.31]

Организация взаимодействия – подфункция организационной функции управления, связанная с согласованием действий, оказанием помощи друг другу членами как одной и той же, так и разных организаций. В первом случае организуется внутреннее взаимодействие, во втором – внешнее. Инициатором организации взаимодействия может быть любой член организации, независимо от его должности, занимаемого места в организации. Организация взаимодействия может осуществляться как на безвозмездной, так и возмездной основе. Однако независимо от того, какая форма взаимодействия выбрана, взаимодействующие стороны должны руководствоваться принципом солидарной ответственности, в соответствии с которым (в случае неудачи) ответственность между ними (материальная, административная и т.д.) должна быть разделена поровну. В зависимости от того, между кем и кем организуется взаимодействие, различают: горизонтальное взаимодействие (между равными по должности, положению работниками), диагональное (между работниками, находящимися на разных уровнях в параллельных иерархических структурах) и вертикальное (между работниками, находящимися на разных уровнях иерархической структуры, но не состоящих друг к другу в отношении «власти и подчинения»). Так как организация взаимодействия – дело в общем добровольное как по отношению к одной, так и к другой стороне, то успех этой акции во многом зависит от личности инициатора взаимодействия, его умений обосновать, убедить необходимость такого шага. Это справедливо и в тех случаях, когда необходимость организации взаимодействия яв-

ляется нормативным принципом и всячески поощряется системой. [3, С.151]

Рассматривая взаимодействие как важное и необходимое социальное явление в деятельности органов внутренних дел, следует подробно рассмотреть актуализирующие его факторы с точки зрения необходимости и дальнейшего развития. В научной литературе под **фактором** понимается причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или одну из характерных черт. [4]

Фактор (от лат. factor – делающий, производящий) – движущая сила, причина какого-нибудь процесса, явления. [5]

Фактор (от лат. factor – делающий, производящий) – движущая сила, причина какого-либо процесса, явления; существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении [2, С.244].

В научной литературе понятие «фактор» трактуется как весьма близкое к понятиям «причина» и «условие», но не тождественное им. Фактор – это сила влияния, причина, определяющая связи между переменными величинами. Фактором являются причина и сопутствующее условие, а также явление, состоящее с ними в функциональной связи. [6]

Одно и то же обстоятельство может быть просто условием развития, не являясь в данный момент реально действующей силой, преобразующей деятельность людей. [7]

Таким образом, взаимодействие представляется важной необходимостью в деятельности полиции, которую подтверждают актуализирующие факторы:

1. Сущностные факторы, характеризующие характер возложенных правоохранительных задач. Необходимость постоянного взаимодействия обусловлена многогранностью решаемых органами внутренних дел задач, характером общественных отношений, складывающихся в обеспечении общественной безопасности. Задачи, закрепленные в ст. 2 Федерального закона «О полиции», показывают, что ни одна из них не может быть достигнута обособленно друг от друга.

2. Многосубъектность ОВД, многочисленность личного состава ОВД, где трудятся порядка 1,5 млн сотрудников (опти-

мальное количество 150-100 тыс.), данный структурный фактор отражает отсутствие четкого разграничения управленческих и правоохранительных функций, в силу чего развивается бюрократический аппарат. Чем больше управленческих звеньев – тем менее эффективна система (чем больше начальников – тем меньше толку).

3. Отсутствие четко разработанного механизма, процесса осуществления взаимодействия. Вопросы взаимодействия подразделений ОВД содержатся в большинстве приказов, регламентов и директив МВД России, однако в них лишь отражается ссылка на необходимость организации, усиления взаимодействия без указания механизма, алгоритма данного действия.

4. Данная проблема не исследована, а если исследовалась, то недостаточно, без выявления существенных признаков – принципов, предмета, форм, методов, правовой основы. Проблема взаимодействия в основном рассматривалась по вопросам организации расследования преступлений. Имеющиеся научные исследования раскрывают лишь отдельные направления организации взаимодействия в органах внутренних дел, в основном с другими правоохранительными органами, государственными, общественными и иными организациями. Большинство исследований проводилось до реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации.

5. Структурная разобщенность ОВД при необходимости комплексного выполнения стоящих задач.

6. Внешние факторы, связанные с международными отношениями Российской Федерации, влияющие на процессы внутри страны. Дезинтеграционные процессы, имеющие место на территориях *стран ближнего зарубежья*, привели к дестабилизации ситуации в этих странах (Грузия, Украина). Затяжные вооруженные конфликты не способствуют укреплению безопасности на сопредельных с Россией территориях. Экспансия населения некоторых государств (выходцев из стран Средней Азии, переселенцев из Украины) на территорию Российской Федерации отрицательно сказывается

на криминальной обстановке, создает дополнительную нагрузку на полицию (быть бдительными и не допустить среди мирных переселенцев криминальных элементов).

7. Организационно-управленческие факторы, среди которых: несовершенство информационно-аналитического обеспечения; разработки, принятия и реализация решений; координации; контроля и оценки организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел; недостаточное кадровое обеспечение; несовершенство функционально-организационной структуры; недостаточное материально-техническое обеспечение.

8. Факторы, влияющие на состояние оперативной обстановки, и возможности ее контролирования на территории оперативного обслуживания: географическое расположение субъекта РФ (климат, рельеф...) и населенных пунктов (их удаленность друг от друга и т.п.); экономическое состояние субъекта РФ, специфика и количество предприятий, направленность экономики: производство, сельское хозяйство, торговля и т.д.; количество населения, национальный состав, социальное положение; занятость населения; развитость инфраструктуры - вооруженность ОВД в соответствующих условиях транспортными средствами, связью, телекоммуникационными системами и т.д.

9. Интеллектуальные факторы современного управления, проявляющие себя в изменении уровня квалификации руководителей, используемых ими новых методах планирования и новых высоких информационных технологиях и технических средствах (высокопроизводительные ЭВМ и их сети, телекоммуникации, Интернет, новые стандарты технического и ресурсного обеспечения ОВД).

Необходимость использования и умения пользоваться в деятельности всех возможностей информационно-телекоммуникационных систем, позволяющих действовать быстро, оперативно, с экономией времени и ресурсов, использованием точных данных, пользоваться объективной информацией;

10. Фактор нежелания и страха нести ответственность за собственные действия, действия подразделения и совместные дей-

ствия. Несмотря на кардинальные изменения в законодательстве, регулирующем деятельность и прохождение службы в ОВД, у сотрудников отсутствует чувство защищенности при исполнении своих обязанностей. Стремление к защите прав и обязанностей граждан принимает извращенные формы, при рассмотрении споров «кто виноват: сотрудник или гражданин» однобоко принимается сторона гражданина. Хотя на практике давно известна такая форма защиты, как на-падение, зачастую неправомерное.

11. Фактор нечитабельности и бесполезности многих ведомственных документов, регламентирующих деятельность ОВД. Приказы должны быть краткими, четкими, емкими и читабельными, без двоякого толкования его сути. В последнее время наблюдается процесс «приказотворчества»: приказы издаются объемные, но несодержательные и нечитабельные. Конкретные алгоритмы действий, в том числе по вопросам взаимодействия, не детализируются, ограничиваясь лишь общими фразами о необходимости организовать какое-то из мероприятий.

12. Бюрократизм и коррупция. ОВД должны оперативно реагировать на возникающие вызовы с использованием всех имеющихся сил и средств. Однако не все так просто и быстро, как в художественных фильмах: по звонку все встают «в ружье», поднимаются вертолеты и т.д. Для привлечения к совместным действиям разных подразделений необходима сложная процедура согласования и документального оформления, во время которой теряется самое ценное – время, за которое может быть раскрыто преступление, пойман преступник, получены доказательства и т.д., а также самое крайнее, недопустимое – предательство интересов службы. Без обоюдного доверия не может быть достигнута поставленная совместная задача. Взаимодействие подразумевает слаженную работу служб, сотрудников этих служб, основанную на доверии.

13. Интеллектуально-личностный фактор, связанный с приходом на службу поколения людей, родившихся в 90-е годы прошлого столетия, отличающихся инертностью, отсутствием инициативы, низки-

ми морально-нравственными качествами и интеллектуальным уровнем, что отрицательно сказывается на оперативно-служебной деятельности и облике современных стражей правопорядка. Причины данного обстоятельства можно найти, проанализировав сложный период, когда это поколение росло. Их родители – старшее поколение – в буквальном смысле выживали, зарабатывая на жизнь, страна испытывала тяжелейший кризис во всех отраслях, естественно, детям не уделялось достаточного внимания ни в воспитании, ни в образовании (педагоги тоже находились в тяжелом положении). Дети были предоставлены самим себе.

Преподавательский состав учебных заведений МВД России отмечают отсутствие интереса к учебному процессу этого поколения курсантов. Если в начале учебного процесса у трети или четверти учебной группы еще проявляется какая-то активность на занятиях, то к моменту окончания и эта часть курсантов поддаются общему настроению и становятся пассивными слушателями. В практической работе эти выпускники показывают низкие результаты в оперативно-служебной деятельности, имея при этом большое стремление стать руководителями и... ничего не делать. Прогноз очень печальный, исходя из того, что доказано: кадры решают все. ("Никакая теория, программа или правительственная политика не могут сделать предприятие успешным; это могут сделать только люди" А. Морита).

Эффективно противостоять проявлениям преступности можно только согласованными действиями всех подразделений ОВД. Обеспечить необходимый уровень согласованности призвана координация. При координации выявляются недостатки в деятельности подразделений, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, принимаются меры, направленные на их устранение.

Среди указанных факторов в первую очередь следует выделить отсутствие законодательно закреплённого принципа выполнения задач полицией во взаимодействии структурных подразделений ОВД,

который напрямую связан с главным принципом законности и также указанным пробелом в правовой основе взаимодействия. Отсутствие четко сформулированных принципов взаимодействия – основных правил, которыми руководствуются в деятельности руководители и сотрудники – порождает субъективный подход к организации процесса взаимодействия. Далее необходимо отметить такой важный принцип, как непрерывность взаимодействия. Зачастую к взаимодействию сформировано отношение как к временному периодическому явлению, когда возникает необходимость обращения к коллегам из другой службы, без помощи которых невозможно или затруднительно решить задачи «собственного» подразделения. На самом деле взаимодействие постоянно во времени и пространстве, взаимодействие начинается с начала рабочего дня каждого сотрудника – практически с момента входа в здание и встречи с постовым при предъявлении служебного удостоверения, затем участие в рабочем совещании с коллегами, получение корреспонденции (лично в канцелярии или посредством телекоммуникационных систем), в ходе исполнения служебных задач при общении с коллегами из других служб (совместный выезд для выполнения определенных процессуальных действий, подготовка документов, консультации и т.д.). Сама структура органов внутренних дел пронизана горизонтальными и вертикальными непрерывающимися связями (коммуникациями), которые полностью подпадают под определение взаимодействия (Е.Ф. Яськова).

Предлагаем часть 1 ст. 10 Федерального закона РФ «О полиции» изложить в следующей редакции: «Полиция выполняет возложенные на нее обязанности во взаимодействии всех подразделений органов внутренних дел».

Определенную сложность вызывают понятия формы и методы взаимодействия. Исходя из основополагающего философского понимания формы, это связь и способ взаимодействия частей и элементов предмета и явления. [8] В то же время в литературе под методами понимаются всевозможные

способы, средства и приемы. Понятия очень схожие, видимо, поэтому в учебной литературе их объединяют и называют формы и методы какого-либо социального действия.

Довольно сложно провести грань между формами и методами взаимодействия, возможно, они соотносятся как **прием** и **способ**, на слух все эти понятия воспринимаются как синонимы. Необходимо на успешных примерах взаимодействия разобраться в их категориальной принадлежности.

Обратившись к структуре органов внутренних дел, попробуем провести линии между всеми структурными подразделениями и получим множество взаимосвязей, отношений, которые составляют взаимодействие подразделений, для перечисления которых потребуется объемный список. Однако многие взаимоотношения можно объединить по функциональным признакам и выполняемым задачам.

Министерством внутренних дел России заключено множество совместных приказов и соглашений с другими правоохранительными и государственными органами, общественными и религиозными объединениями по взаимодействию, однако вопросы внутреннего взаимодействия редко отражены в ведомственных документах самого МВД, зачастую вопросы взаимодействия обсуждаются устно, хотя очень часто. В большинстве проводимых ведомственных оперативных совещаниях поднимается вопрос о взаимодействии подразделений при решении оперативно-служебных задач, так как их эффективное достижение во многом зависит от взаимодействия подразделений ОВД. Для эффективного решения задач по внешнему взаимодействию необходима слаженная работа подразделений внутри ведомства.

Анализ системы нормативно-правового регулирования организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел выявил проблемы в правовом регулировании организации взаимодействия, как на законодательном, так и ведомственном уровне, в связи с чем считаем необходимым внести предложения по его совершенствованию.

Необходимость конкретного определения форм и методов организации взаимо-

действия подразделений ОВД требует четкого нормативного закрепления. Однако правовая база взаимодействия подразделений ОВД также нуждается в дальнейшем совершенствовании. Выбор форм и методов взаимодействия подразделений органов внутренних дел зависит от специализации и полномочий субъектов взаимодействия.

Видятся следующие пути совершенствования правовой базы: внесение изменений во все многочисленные приказы, регулирующие различные направления деятельности и разработка по ним форм, методов взаимодействия либо издания совершенно нового нормативного документа, например Положения о взаимодействии подразделений ОВД РФ, дополнить положениями, совершенствующими процесс взаимодействия подразделений ОВД, имеющийся нормативный акт, например Регламент МВД РФ.

На сегодняшний день мы имеем огромное количество ведомственных документов

(приказы, распоряжения, наставления, регламенты и т.д.), регламентирующих деятельность ОВД, в каждом из них в большей или меньшей степени затрагиваются вопросы взаимодействия, такое обилие правил порождает большое количество юридических процедур, что в свою очередь снижает быстродействие системы взаимодействия, как реализации управления, соответственно, страдает его качество.

На наш взгляд, процедура взаимодействия должна представлять собой свод стандартных алгоритмов (в обычных условиях и при чрезвычайных обстоятельствах), позволяющих получить решение стандартных задач взаимодействия как управленческого решения, с гарантированным уровнем качества взаимодействия в частности и управления в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.П. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4. С.16-20.
2. См.: Ст. 2 «Основные направления деятельности полиции» Федерального закона Российской Федерации от 7.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».
3. Яськов Е.Ф. Словарь-справочник. М.
4. См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1983. С.1408.
5. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. С.834.
6. См.: Миронов Р.Г. Взаимодействие органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы по обеспечению национальной безопасности в сфере правопорядка//Организационно-научный и редакционно-издательский отдел Уфимского юридического института МВД России. Уфа. 2005. С.107.
7. См.: Грехнев В.С. Социально-психологический фактор в системе общественных отношений. М.: МГУ, 1985. С.133.
8. См.: Философский словарь.

Хайруллин Ф.Р.

Илиджев А.А.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ОСНОВАНИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья посвящена исследованию оснований и пределов ответственности за преступления, совершенные в соучастии. В работе раскрывается сущность указанных оснований, анализируется юридическая природа соучастия в преступлении. Приводятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства применительно к институту соучастия в преступлении.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, юридическая природа, акцессорная конструкция соучастия, основания уголовной ответственности, назначение наказания.

Проблема основания уголовной ответственности и назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, является одной из сложнейших во всем учении о преступлении и теории ответственности. Обращает на себя внимание, прежде всего, дискуссия, продолжающаяся на протяжении последних десятилетий, об основании уголовной ответственности в целом. В качестве ее основания назывались состав преступления (Н.А. Алексеев, М.Д. Шаргородский, В.Г. Смирнов, В.И. Курляндский и др.), совершение преступления (А.А. Герцензон), вина и причинная связь (А.Н. Трайнин), вина лица в совершении преступления (Б.С. Утевский, Б.С. Никифоров, Т.Л. Сергеева), состав преступления и личность преступника (А.Б. Сахаров) и др.

Разночтению в понимании основания уголовной ответственности способствовали различные подходы авторов к решению вопросов о моменте возникновения, окончания уголовной ответственности, этапах реализации, а также ее соотношения с такими категориями, как «привлечение к уголовной ответственности», «освобождение от уголовной ответственности», «наказание», «назначение наказания», «судимость» и др.

Имея в виду еще ст. 3 УК РСФСР 1960 г., А.А. Пионтковский писал, что при установлении основания уголовной ответственности закон не требует наряду с констатацией состава преступления в действиях лица выявлять еще некую неопределенную совокупность иных признаков, характеризующих личность человека, совершенного им деяния, его последствия, условия, при которых оно было учинено, и т.п. Если бы закон пошел по иному пути, вопрос о возможности возбуждения уголовного преследования, привлечения в качестве обвиняемого и признания судом обвиняемого виновным в совершении преступления терял бы во всех случаях строго определенное основание, всегда и полностью решался бы усмотрением следственных и прокурорских органов или судом, заключает он. [1, с.15]

Нельзя поэтому согласиться с встречающимися в литературе утверждениями о том, что наличие в действиях лица состава преступления в совокупности с иными признаками, отражающими личность преступника, характер совершенного им действия, его последствия, условия, при которых оно было совершено, и ряд других обстоятельств позволяют поставить вопрос о том, есть ли

основание для привлечения того или иного лица к уголовной ответственности. [2, с.44]

В данном случае, как нам представляется, допускается смешение основания уголовной ответственности и основания назначения наказания. Эти категории, как справедливо отмечается в литературе, не являются тождественными. [3, с.14, 85] Согласно ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. В отличие от УК РСФСР 1960 г. (ч. 1 ст. 3), в приведенном определении нет упоминания о виновно совершенном деянии. И в этом, на наш взгляд, нет необходимости, поскольку обязательным признаком преступления является виновность (ч. 1 ст. 14 УК РФ) и таким же неотъемлемым признаком любого состава преступления выступает вина в форме умысла или неосторожности (ч. 1 ст. 24 УК).

Положения ст.8 УК РФ об основании уголовной ответственности следует толковать в системе с другими нормами, в частности, регламентирующими общие начала и специальные правила назначения наказания, условное осуждение, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, принудительные меры воспитательного воздействия и др.

Совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, – это тот фактический и юридический минимум, при наличии которого суд может положительно решить вопрос об уголовной ответственности. Однако каким образом будет реализована ответственность и будет ли она вообще реализована (например, при освобождении от уголовной ответственности), зависит от обстоятельств, находящихся за пределами состава преступления. Находясь за пределами основания уголовной ответственности, последние, тем не менее, оказывают влияние на решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности – либо освобождении от нее, либо выборе различных форм ее реализации.

Нельзя поэтому согласиться с попытками искусственного расширения содержания уголовной ответственности путем включения в нее ограничений уголовно-процессуального

характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, судимости, освобождения от уголовной ответственности, [4, с.40, 87, 71, 92-196] а также с выводом о том, что уголовная ответственность начинается с момента совершения преступления или возбуждения уголовного дела либо привлечения виновного в преступлении в качестве обвиняемого. [5, с. 25, 39, 17, 11, 50, 153]

Юридическое, а не только фактическое основание может быть окончательно установлено только в обвинительном приговоре суда, сначала провозглашенном и затем вступившем в законную силу, поэтому применение мер уголовно-процессуального пресечения имеет своим основанием другие обстоятельства и преследует иные цели, чем реализация уголовной ответственности. Не может и судимость охватываться понятием уголовной ответственности, поскольку ее основанием является осуждение (реальное или условное) к наказанию.

Теоретические положения, касающиеся понятия, содержания, возникновения, форм реализации и прекращения уголовной ответственности имеют непосредственное значение для решения куда более сложных специальных вопросов, касающихся основания и пределов ответственности и назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии.

Наиболее принципиальной проблемой ответственности за соучастие в преступлении является степень самостоятельности или зависимости ответственности соучастников от ответственности и наказания исполнителя преступления. Так, И.П. Малахов еще в 1960 г. писал, что в поведении соучастников нет состава преступления и им вменяется состав преступного действия исполнителя, поскольку они облегчают его деяние. [6, с.14] Но спрашивается, если нет в действиях соучастников состава преступления, то на каком основании их можно привлекать к уголовной ответственности? Если бы это было так, то подобная практика была бы в явном противоречии с наиболее принципиальным положением российского уголовного законодательства, согласно которому основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содер-

жащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК.

С одной стороны, соучастие в преступлении является особой формой преступной деятельности, поскольку в этих случаях происходит объединение усилий двух или большего количества лиц, и в то же время в нормах Особенной части УК РФ преимущественно отражаются признаки преступления, совершенного одним лицом. С другой – оно не создает каких-то особых, принципиально иных оснований уголовной ответственности по сравнению с действиями лица, индивидуально совершившего преступление. На соучастников, отмечает В.С. Комиссаров, распространяются общие принципы ответственности по уголовному праву, согласно которым «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления». Данное положение, считает он, имеет принципиальное значение как при установлении уголовной ответственности за единоличные действия, так и при установлении уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии. [7, с.428-429] Основанием уголовной ответственности соучастников, еще ранее отмечал П.Ф. Тельнов, является наличие в их действиях состава преступления, характеризуемого в Особенной и Общей части УК. Из этого обстоятельства, продолжает он, следует, что состав одного и того же преступления имеется в деяниях каждого соучастника и они несут ответственность на едином основании. Единство это является следствием причинения соучастниками общего преступного результата, и внешне оно выражается в применении к их действиям одной и той же нормы Особенной части Уголовного кодекса, [8] в установлении для них равных пределов наказания и в ответственности каждого соучастника за совместный преступный результат. [9, с.139]

Анализ действующего законодательства и судебной практики [10] показывает, что многие конкретные вопросы ответственности соучастников упираются в более общую проблему – юридическую природу соучастия, которая «неожиданно» приобрела в литературе актуальное значение.

В советский период подавляющее большинство ученых весьма критически оценивали акцессорную конструкцию соучастия, объявляя ее не только антинаучной, но и реакционной. Господствующим в теории советского уголовного права было мнение о самостоятельном характере ответственности соучастников наряду с ответственностью исполнителя.

Сущность акцессорной природы соучастия состоит в том, что центральной фигурой соучастия признается исполнитель, действия других соучастников носят несамостоятельный характер, а их ответственность полностью производна, зависима от ответственности исполнителя.

Несмотря на «буржуазное происхождение» акцессорной концепции соучастия, она нашла поддержку у некоторых советских авторов еще в 60-х годах минувшего столетия. Как уже отмечалось, И.П. Малахов определял соучастие как «умышленное участие одного лица в преступном деянии другого». Фактически он допускал ответственность соучастников за «чужой» состав преступления. [11, с.15] В поддержку акцессорной теории выступил М.И. Ковалев. Он, в частности, указал, что «то обстоятельство, что принцип акцессорной природы соучастия впервые выдвинут в буржуазной науке уголовного права, равным счетом ничего не может доказать». Отрицание акцессорности, по его мнению, является отражением в советском уголовном праве социологических и антропологических воззрений. На самом же деле «советскому уголовному законодательству свойственно признание акцессорной природы соучастия», а «без исполнителя нет соучастия». [12, с.87]

В последующем этот вывод был поддержан и рядом других ученых. А.В. Наумов отмечает, что категорическое отрицание теории соучастия в советской уголовно-правовой литературе в определенном смысле было парадоксальным, так как советское уголовное законодательство, начиная с 1958 г., в основном было построено на акцессорной теории соучастия и отражало ее основные черты. Так обстоит дело и в связи с принятием нового УК РФ. «Поэтому, – заключает А.В. Наумов, – в настоя-

щее время можно признать (с некоторыми оговорками), что в основе ответственности соучастников по российскому уголовному законодательству лежит именно акцессорная теория». [13, с.308] Ф.Р. Сундуков, И.А. Тарханов, М.В. Талан, Л.В. Бакулина в рецензии на его курс лекций по уголовному праву признают, что нельзя полностью отрицать рациональные зерна, заложенные в акцессорном взгляде на соучастие. [14, с.191]

В пользу признания акцессорной природы соучастия в литературе приводятся следующие аргументы. Во-первых, объективная сторона преступления выполняется исполнителем, поэтому ответственность соучастников ставится в зависимость от ответственности исполнителя. Во-вторых, действия соучастников квалифицируются по статье Особенной части УК, которая предусматривает ответственность за преступное деяние, совершенное исполнителем (правда, со ссылкой на ст. 33 УК). В-третьих, организатор, подстрекатель и пособник несут ответственность за соучастие и в тех случаях, когда исполнителем является лицо, специально указанное в соответствующей статье Особенной части УК РФ. В-четвертых, в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на то преступление, которое стремился совершить исполнитель. [15, с. 308-339, 151]

Однако не все российские авторы отказались от традиционно критического взгляда на акцессорную теорию соучастия. «В уголовном праве положения акцессорной теории, – пишет Н.Ф. Кузнецова, – неприемлемы, поскольку наше законодательство рассматривает соучастие как совместную преступную деятельность, в процессе которой каждый участник вносит определенный вклад в преступление и соответственно отвечает не за действия исполнителя, а за свои собственные действия, которые представляют общественную опасность в силу того, что они причинно и виновно связаны с общественно опасным деянием». [16, с.205]

На наш взгляд, заслуживают признания доводы как сторонников, так и оппонентов

акцессорного взгляда на соучастие в преступлении. В принципе не может быть, с одной стороны, абсолютной зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя, так и абсолютной ее самостоятельности, с другой. В самом определении соучастия как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления заложено определенное диалектическое противоречие зависимости и самостоятельности ответственности соучастников от действий исполнителя.

Поскольку объективная сторона преступления выполняется исполнителем, в этом смысле ответственность соучастников ставится в зависимость от ответственности исполнителя, их действия, как правило, квалифицируются по той же статье Особенной части УК РФ (правда, со ссылкой на ст. 33 УК РФ), что и действия исполнителя. В этом смысле соучастники следуют судьбе исполнителя.

В то же время в основании ответственности каждого из соучастников лежат их собственные (а не чужие) действия; они отвечают в зависимости от характера и степени фактического участия в совершении преступления. Иначе говоря, соучастники отвечают не за «чужой» состав преступления (исполнителя), а за фактически совершенное деяние, подпадающее под состав организации, подстрекательства или пособничества совершению конкретного преступления, содержащий в себе признаки, предусмотренные диспозицией соответствующей статьи Особенной части и ст. 33 УК РФ.

Нельзя полностью обосновать ответственность соучастников на основе классической теории акцессорности соучастия еще и потому, что ответственность по российскому уголовному праву определяется на основе принципа субъективного вменения, то есть вменения лицу только таких действий, которые совершены им лично и виновно. В принципе, поэтому невозможно ставить вопрос о привлечении соучастников к ответственности за действия исполнителя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уголовное законодательство России отражает лишь отдельные элементы

акцессорной теории соучастия. Утверждение о том, что оно полностью исходит из акцессорной природы соучастия, было бы не соответствующим действительности и игнорированием существенной специфики отечественного уголовного законодатель-

ства. Только при таком понимании природы соучастия и можно, на наш взгляд, правильно уяснить многочисленные вопросы уголовной ответственности и назначения наказания за него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курс советского уголовного права в шести томах. Т. II. М.: Наука, 1970.
2. Уголовное право. Общая часть. М., 1966.
3. Курс советского уголовного права в шести томах. Т. II. М.: Наука, 1970. С. 14; Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982-1999 гг.) Ярославль, 1999.
4. Уголовное право России. Общая часть / под ред. В. П. Малкова и Ф. Р. Сундукова. Казань, 1994; Уголовное право. Общая часть. М.: Институт МВД РФ, 1997; Уголовное право. Общая часть. М.: Норма, 1997; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999.
5. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1984; Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976; Звечеровский И. Э. Уголовная ответственность. Иркутск, 1992; Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982; Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965 и др.
6. Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1960.
7. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М.: Зеркало, 1999.
8. Из этого правила есть и определенные исключения.
9. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. (в ред. от 3.04.2008 г.); постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. (в ред. от 23.12.2010 г.) (п. 10); постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. (п. 16).
11. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Часть 1. Понятие соучастия. Свердловск, 1960.
12. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: БЕК, 1996.
13. Сундуков Ф. Р., Тарханов И. А., Талан М. В., Бакулина Л. В. Рецензия: А. В. Наумов, Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: БЕК, 1996 // Ученые записки Казанского ун-та. Том 133. Юридические науки. Казань, 1998.
14. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996.; Зайнутдинова А. Р. Ответственность за организованные формы соучастия по российскому уголовному праву и др.
15. Малахов И. П. Указ. соч.
16. См.: Уголовное право. Общая часть под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ю. М. Ткачевского и Г. Н. Борзенкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993.

Казанцев С.Я.

Красильников В.И.

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ИСПОЛНЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Авторами проведено исследование наиболее актуальных вопросов организации судебно-психиатрической экспертизы и исполнительные меры медицинского характера, применяющиеся к лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим уголовно наказуемые общественно опасные деяния или преступления. Эти меры относятся к иным мерам уголовно-правового характера, которые могут заменять или сопровождать уголовное наказание. [3]

Ключевые слова: судебная и психиатрическая экспертиза, принудительные меры медицинского характера, противоправное поведение.

Историческая справка: в России принудительное лечение стало применяться с 1832 года, что нашло свое отражение в своде Законов Российской империи. После Октябрьской революции меры принудительного лечения были возобновлены в 1919 году положениями в Руководящих Началах по уголовному праву РСФСР и дополнены последующем различными законами, положениями, инструкциями. Первым правовым документом стала изданная Народным комиссариатом юстиции совместно с Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР от 17 февраля 1935 года Инструкция «О порядке назначения и проведения принудительного лечения психически больных, совершивших преступление», проект которой был разработан в институте им. В.П. Сербского. [5,6] Методы и виды проведения принудительного лечения многократно менялись. С 01.01.1987 года, после вступления в силу нового УК РФ, существенно изменилась система принудительных мер медицинского характера по сравнению с предыдущим УК РСФСР и с инструкцией по принудительному лечению от 1988 года.

Основанием для принудительных мер медицинского характера является: ст. 97-105 УК РФ, ст. 433-446 УПК РФ, закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», методическое письмо МЗ РФ от 23 июля 1999 года «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психически расстройствами, совершившим общественно-опасные деяния» (ст. 21 и ч. 1 ст. 81 УК РФ). [8]

В соответствии с ч. 1 ст. 99 УК РФ в качестве принудительных мер медицинского характера могут быть применены:

- Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра;
- Принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа;
- Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа;
- Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением;

В основном используют два вида принудительного лечения – это принудительное лечение в психиатрическом стационаре

общего типа и принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа.

В настоящее время психиатрические стационары охраняются и обеспечиваются безопасным проведением принудительного лечения на основании Федерального закона «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением» от 07.05.2009 г. № 92-ФЗ. Закон этот определяет правовые основы обеспечения охраны указанных психиатрических стационаров, безопасности находящихся на их территории лиц, сопровождения и охраны лиц, находящихся в этих лечебных психиатрических учреждениях на принудительном лечении. Законом сформулированы задачи подразделения охраны стационара психиатрической больницы, являющегося учреждением уголовно-исполнительной системы, закрепляются права и обязанности сотрудников данного подразделения, условия и пределы применения физической силы, специальных средств и газового и огнестрельного оружия. Рассмотрен и порядок взаимодействия администрации психиатрической больницы и службы охраны. [3, 4]

В дополнение к вышесказанному, Верховный Суд РФ в постановлении Пленума «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» от 07.04.2011 г. указал: «При решении отдельных вопросов, связанных с применением принудительных мер медицинского характера, необходимо руководствоваться и другими законодательными и иными нормативными правовыми актами (п.1)». Одним из таких регламентирующих актов является совместный приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 30.04.1997 г. № 133/269 «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами». Некоторые положения этого приказа касаются лиц, находящихся на амбулаторном принудительном лечении. Данным приказом утверждена «Инструкция об организации взаимодействия органов

здравоохранения и органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами». [2, 3] Данная инструкция рассматривает основные положения, регламентирующие совместную работу органов внутренних дел и учреждений здравоохранения, направленных на профилактику общественно опасных деяний лицами с психическими расстройствами. [1]

Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа было введено в действие приказом Министерства здравоохранения СССР № 225 от 21.03.1988 года и сначала имело название «Усиленное наблюдение». Однако после вступления в силу 1 января 1997 года нового УК РФ, существенно изменившего систему принудительных мер медицинского характера по сравнению с предыдущим УК РСФСР, Инструкция по принудительному лечению от 1988 года во многом перестала соответствовать федеральному закону. [7]

Предупреждение противоправного поведения лиц, страдающих психическими расстройствами, является одной из приоритетных задач службы судебной психиатрии, основополагающим критерием оценки качества и доступности данного направления судебной психиатрии.

Судебно-психиатрическая профилактика представляет собой особый раздел психиатрической помощи, включающий комплекс мер по выявлению, лечению и медико-социальной реабилитации пациентов с психическими расстройствами. Преимуществом и ступенчатость, дифференцирование, характер и последовательность – значимые принципы ее организации.

Принудительные меры медицинского характера являются самостоятельным институтом уголовного права и в соответствии с УК РФ относятся к иным мерам уголовно-правового характера. Они применяются к лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившими уголовно наказуемые общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, а также совершившим преступления и заболевшим после этого психическим расстройством, делаю-

щим невозможным назначение и исполнение наказания. Кроме того, такие меры могут быть назначены лицам, совершившим преступления и страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемость. В этом случае принудительные меры медицинского характера назначаются в соответствии ст. 99 ч. 3 УК РФ наряду с наказанием.

Как правило, в уголовных законах отражаются основания применения принудительных мер медицинского характера и их разновидности. Различные положения, разъясняющие процедурный порядок для назначения принудительного лечения и его проявление на практике, изложен в уголовно-процессуальном законодательстве и других законах, регулирующих оказание психиатрической помощи гражданам, и часто конкретизируются подзаконными нормативными актами.

31.01.2001 года было опубликовано письмо Министерства здравоохранения Российской Федерации за № 2510/902-32 «Об организации стационаров (отделений) специализированного типа для принудительного лечения пациентов», во исполнение которого на базе 5 мужского отделения Республиканской клинической психиатрической больницы имени академика В. М. Бехтерева министерства здравоохранения Республики Татарстан было развернуто 10 специализированных коек. Начиная с 22.10.2003 года, приказом по больнице № 90 было организовано уже 30 коек в 5 мужском отделении и 5 коек в 5 женском отделении, которые функционируют по настоящее время.

Во время нахождения в стационаре все больные получают соответствующее адекватное медикаментозное лечение, с ними проводится определенная работа по социальной реабилитации, широко используется трудовая терапия. Большинство пациентов охвачены так называемой полипрофессиональной бригадой.

Принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа до 2003 года осуществлялось во всех отделениях больницы. Во исполнение вышеуказанного приказа по больнице в 2014 году было организовано 5 мужское отделение для при-

нудительного лечения общего типа на 60 коек (из них 30 коек специализированного типа) и 12 мужское отделение на 70 коек. В последующем было выделено 25 коек в 5 женском отделении, из них 5 специализированного типа. В дальнейшем количество коек и отделений в больнице неоднократно менялось. В 2013 году 21 мужское отделение было перепрофилировано в отделение принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа, а в 2014 году 14 отделение – в 8 мужское.

В настоящее время в стационаре развернуто 225 коек для принудительного лечения общего типа.

За трехлетний период 2011-2013 годов в стационарном отделении судебно-психиатрической экспертизы (с охраной) прошли судебно-психиатрическую экспертизу 493 испытуемых, всего за указанный период времени данной категорией испытуемых было проведено 14 602 койко-дня.

За тот же период времени в общем психиатрическом отделении (без охраны) прошли судебно-психиатрическую экспертизу 725 испытуемых, всего за указанный период времени данной категорией испытуемых было проведено 16 640 койко-дней.

Исходя из вышеизложенного видно, что за указанный период число испытуемых, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу в стационарном отделении судебно-психиатрической экспертизы (с охраной), в 1,47 раза меньше числа испытуемых, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу в общем психиатрическом отделении (без охраны). Это может служить относительно сравнительной характеристикой загруженности отделений, о чем говорит и сравнительная характеристика проведенных испытуемыми койко-дней с разницей в 12,3%.

За рассматриваемый нами период (2011-2013 гг.) количество проведенных судебно-психиатрических экспертиз (амбулаторных и стационарных) составляло в целом 12 913 (из них стационарных 10,5%), причем количество проведенных экспертиз (за год) в 2013 году снизилось по сравнению с 2011 годом на 14,9%.

Из всех проведенных судебно-психи-

атрических экспертиз за прошедшие три года 58,6% составляли подследственные и подсудимые, 6,4% – свидетели и потерпевшие и 35,0% составляли лица, проходившие экспертизу по гражданским делам. Следовательно, более половины всех экспертиз за указанный период исследования приходилось на подследственных и подсудимых.

При рассмотрении характера экспертных решений в отношении лиц, совершивших особо опасные деяния (экспертиза подследственных и подсудимых), психические расстройства были определены у 3 925 пациентов, что составляет до 51,8% от числа проведенных экспертиз. (Сюда не входили больные алкогольными психозами, алкоголизмом, наркоманиями, в том числе больные алкогольными наркоманиями, токсикоманиями и лица, в отношении которых экспертное решение не было вынесено). Из числа всех освидетельствованных психически здоровыми были признаны 25,3% (в 2011 году – 26,1%, в 2012 году – 23,4%, в 2013 году – 24,6%).

Из числа лиц, прошедших судебно-медицинскую экспертизу за исследуемый период, было признано невменяемыми 771 человек, или 10,2% от числа прошедших экспертизу (в 2011 году – 9,9%, в 2012 году – 9,9%, в 2013 году – 10,8%).

Сопоставление данных о числе лиц, призванных судом невменяемыми в отношении совершенных деяний, с общим контингентом правонарушителей свидетельствует о том, что количество общественно опасных деяний, совершенных лицами с психическими расстройствами, относительно невелико. Однако в абсолютном выражении оно составляет от 8 до 10 тысяч в год по РФ (250-300 по РТ). На долю лиц с психическими расстройствами приходится 10-12%

общего числа совершаемых убийств, что указывает на актуальность проблемы защиты общества от такого рода особо опасных деяний, подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования комплексных мер судебно-психиатрической профилактики на всех уровнях – муниципальном, региональном и федеральном.

Следует отметить, что все основные показатели работы коек близки с средним по Российской Федерации, но обращает на себя внимание повторность совершенных правонарушений. В течение ряда лет этот показатель стабильно составляет до 50,0%. Что характеризовало работу районных психиатров и сотрудников органов внутренних дел как недостаточную с этим контингентом больных после их выписки из стационара.

Кроме того, в последние годы возникли проблемы с проведением экспертной оценки больных органами МСЭК, грубо нарушающим законодательство: несмотря на то, что все больные на период принудительного лечения признаются нетрудоспособными, некоторым больным стали устанавливать третью группу инвалидности.

В связи с переходом в систему ОМС появились разногласия с совместным приказом МЗ РФ и МВД РФ № 133/269 от 30.09.1997 года «О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами», в п. 3 и 4 которого четко указано: «Запретить выписку лиц, находящихся на принудительном лечении, самовольно ушедших из стационара». Фонд ОМС требует их выписки, поскольку в счета-реестры вносится общее количество койко-дней и получается «двойная оплата», однако прекратить принудительное лечение может только суд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котов В.П., Мальцев М.М. Некоторые статистические показатели деятельности по профилактике опасных действий психических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. № 3. С.11-12.
2. Медицинская газета. 19.09.1997 г. № 73.
3. Полубинская С. В. Исполнение принудительных мер медицинского характера: юридический, исторический и сравнительно-правовые аспекты: Аналитический обзор. М.: ФГБУ «ГНЦССП

им. В.П. Сербского» Минздрава России. 2013. 44 с.

4. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 19. Ст. 2282.

5. Судебная психиатрия: руководство для врачей /под ред. Ц. М. Файнберг, А. Н. Бунеева, М. О. Гуревича, А.М. Халецкого. М.:Медгиз, 1950. С.59

6. Судебная психиатрия /под. ред. А.Н. Бунеева и Ц.М. Файнберг. Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С.66-68

7. Шишков С.Н. Исполнение принудительных мер медицинского характера как составная часть уголовно-исполнительной деятельности // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2002. № 11. С.118.

8. Кабельков С.Н. Реализация принципов уголовного процесса при назначении и производстве экспертизы по уголовным делам на стадии предварительного расследования// Судебная экспертиза.. 2013. № 3. С.8.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Белов Е.А.

Организационно правовые способы предупреждения деформации трудовых отношений: монография/ Е.А. Белов. - Казань: КЮИ МВД России, 2014.- 167 с.

ISBN 978-5-901593-47-9

Работа посвящена анализу современного состояния трудовых отношений, складывающихся между работником и работодателем по поводу их надлежащего оформления. Исходя из понимания ущербности для государства и общества неформальной занятости населения, предлагаются механизмы локализации данного рода деформации. В рамках организационно-правовых способов влияния на неформальные отношения в сфере труда обосновывается целесообразность формирования системы органов по профилактике и предупреждению неформальной занятости населения, а также принятие новых и видоизмененных статей в КоАП РФ. Главный вектор исследования направлен на конструирование четко определенных границ в области труда, за которым усматривается угроза общественному порядку и государственности с целью обозначения тех социально-трудовых отношений, которые противоречат правовым и моральным нормам.

Для научных работников, аспирантов, адъюнктов, курсантов, слушателей и студентов юридических вузов, а также сотрудников, в плоскости профессиональных интересов которых, находятся вопросы неформальной трудовой деятельности.

С.Я. Казанцев

Р.Г. Амиров

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ВСЛЕДСТВИЕ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

По мере углубления специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, создания и апробации новых типовых экспертных методик происходит расширение и усложнение перечня доступных для решения экспертных задач.

Ключевые слова: методика расследования, ятрогенные преступления.

Судебная экспертиза является особой формой использования специальных знаний в расследовании преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, и ведет свой отсчет с начала правления Петра I, который обратил внимание на законодательное регулирование ответственности (наказаний) медиков за ненадлежащее лечение больных. [1] Заключение эксперта заслуженно занимает ведущее место в системе доказательств, собираемых по уголовному делу. [2] Как показало наше исследование, по каждому второму раскрытому ятрогенному преступлению проводилось от двух до четырех судебных экспертиз.

По мере углубления специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, создания и апробации новых типовых экспертных методик происходит расширение и усложнение перечня доступных для решения экспертных задач.

Следует обратить внимание на п. 1 ст. 58 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323). В нем указано, что медицинская

экспертиза необходима для установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья пациента. Однако представляется, что судмедэксперты также должны исследовать биологические процессы, протекавшие в организме пациента, и на основании этого изложить причины ухудшения его состояния, при этом судмедэксперты, как справедливо отмечает А.В. Тихомиров, не должны отвечать на вопросы о виновности врача, его ответственности и наличии причинно-следственной связи между действиями врача и наступившими последствиями. [3]

С помощью судебно-медицинских экспертиз может быть решен ряд важных для расследования вопросов: о времени наступления смерти и вероятности врачебной ошибки, причинах характере и тяжести последствий причиненных действиями врача, о наличии и последствиях причиненными действиями медицинских работников. [4]

Ввиду специфики и сложности этих дел в процессе их расследования всегда возникает необходимость в проведении квалифицированной и авторитетной комиссионной ятрогенной экспертизы. В состав такой комиссии должны включаться авторитетные

клиницисты по данному вопросу. Проведение комиссионной экспертизы обеспечивает объективность заключения, так как ее предметом является лечебная деятельность, в которой более компетентны врачи соответствующей специальности. Количественный состав комиссии в первую очередь зависит от сложности разбираемого дела, числа и характера использованных методов диагностики и лечения. В состав экспертных комиссий не могут входить специалисты, которые в какой-то степени заинтересованы в исходе уголовного дела. К ним относятся руководители и консультанты того лечебного учреждения, где произошел расследуемый случай или правонарушение. Одним из наиболее сложных вопросов является установление непосредственной причинной связи между действиями (бездействием) медицинского персонала и неблагоприятным исходом заболевания. При разрешении этого вопроса необходимо учитывать определенные условия. Часть из них носит случайный характер и зависит от индивидуальных особенностей организма больного, которые трудно, а иногда и невозможно предвидеть. Большое значение имеют характер и течение заболевания, учет современных возможностей медицины по его лечению, квалификация медицинского персонала, уровень медицинского обслуживания и т.д.

Экспертизу следует начинать с подробного опроса больного о начале, течении, особенностях болезни и жалобах. Критически изучить подлинники медицинских документов с учетом того, что диагноз может быть ошибочным, а документ подложным.

На основе жалоб, часто стереотипных, и симптомов, которые усиливаются симулянт, если не производят эффекта, обязательно проводится обследование объективными методами (электрокардиография, энцефалография, эхография, рентгенография, лабораторные исследования). Обследование, как правило, должно проводиться в стационаре и быть полным, т.е. не ограничиваться системой органов, которые представляются больными. Обязательны правильная организация и постоянное наблюдение, включая нерабочее время, когда

симулянт расслабляется и ведет себя иначе. Лечение не следует назначать и проводить заранее, на основании жалоб, а только после установления окончательного диагноза. Все манипуляции не должны наносить вред испытываемому.

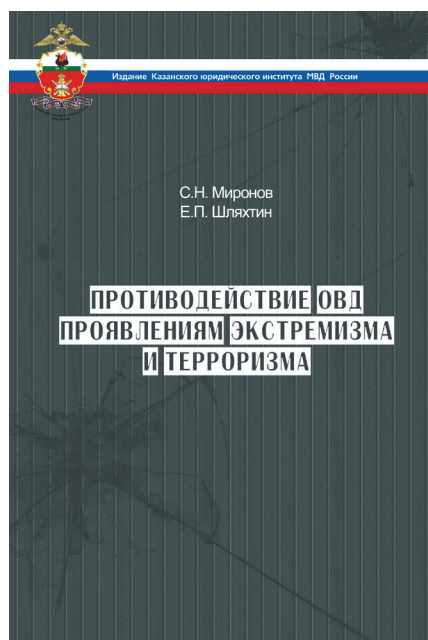
Свидетельствуемый не должен заподозрить предвзятый подход экспертов, неуважение к нему, а тем более высказывание врача о его притворстве. Вообще, не только до окончания обследования, но и после, говорить о симуляции нельзя. Это компетенция следователя, и ему виднее, когда и как следует сказать свидетельствуемому о результатах экспертизы в случае симуляции.

Есть признаки медицинского и немедицинского характера, по которым можно заподозрить симуляцию. Мы постарались их обобщить: это необычность начала и течения заболевания, отсутствие полной картины болезни, при выпячивании отдельных функциональных симптомов. Известно изречение: «симулянт меньше видит, чем слепой, хуже слышит, чем глухой, хромает больше, чем хромым». Обращает внимание также отсутствие положительной динамики, которая должна быть у настоящего больного, внезапное выздоровление при объявлении результата. Симулируют ту болезнь, те симптомы, которые дают возможность добиться желаемой выгоды (освободиться от службы в армии, от принудительных работ, получить другие льготы). Иногда однотипная симуляция бывает у людей, связанных между собой, в случае, если некоторые из них прошли удачно обследование с подобным притворством.

Также при расследовании, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи могут проводиться дактилоскопические экспертизы, в ходе которых решается и вопрос о лицах, оставивших следы (например, на ампулах, шприцах, упаковках лекарственных препаратов и т.д.). С этой целью на экспертизу направляются и образы для сравнительного исследования в виде дактилоскопических карт этих лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исхаков Э.Р., Аксенов С.Г. Государственно-правовое регулирование здравоохранения в период правления Петра I // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4. С.4.
2. Муженская Н.Е. Правовые основы организации и проведения судебной экспертизы: состояние, проблемы, перспективы развития//// Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4. С.91-97.
3. Тихомиров В.В. Медицинское право. М., 2013. С.211.
4. Исхаков Э.Р. Регламентация деятельности полиции и антикоррупционные аспекты в законодательстве о здравоохранении в период правления Павла // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С.47-51.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Миронов С.Н., Шляхтин Е.П.

Противодействие ОВД проявлениям экстремизма и терроризма: практическое пособие / С.Н. Миронов, Е.П. Шляхтин. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 84 с.

Пособие предназначено для сотрудников подразделений органов внутренних дел, осуществляющих практическое противодействие проявлениям экстремизма и терроризма, а также для курсантов, слушателей и профессорско-преподавательского состава организаций высшего и послевузовского профессионального образования системы МВД России.

Г.К. Буранов

ОГРАНИЧЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СМЯГЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ (СТ. 64 УК РФ): ОПРАВДАННО ИЛИ НЕТ?

Настоящая статья посвящена проблеме введенных ограничений в назначении наказания более мягкого, чем предусмотрено за преступление. Исследуя генезис института, автор ставит под сомнение целесообразность запрета исключительного смягчения кары за преступления террористического характера, обосновывает позицию об устранении недостатков уголовного закона.

Ключевые слова: назначение наказания, смягчающие обстоятельства, более мягкое наказание, ограничение применения.

Институт исключительного смягчения уголовного наказания существовал неизменно в течение длительного времени. В настоящий период ст. 64 УК РФ дополнена частью 3, запрещающей его применение при осуждении за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, а также преступлений, сопряженных с осуществлением террористической деятельности, предусмотренных статьями 277, 278, 279 и 360 УК РФ. [1]

Новация законодателя актуализировала проблему, которая ранее обсуждалась только в науке: вопрос об ограничении применения ст. 64 УК РФ. М.В. Бавсун, ссылаясь на нарушение принципа справедливости при осуждении по положениям ст. 64 УК РФ за особо тяжкие преступления, отмечал рациональность ее применения только к преступлениям небольшой тяжести, средней тяжести и тяжким. [2] О. Михаль считал возможным сокращение усмотрения суда за счет категории тяжких преступлений. [3]

Есть мнения, которые без высказываний *de lege ferenda* фактически подчеркивают суженный спектр применения УК РФ. Но, что характерно, – диаметрально противоположные по смыслу.

Утверждается о предпочтительности (ориентации) применения исключительного смягчения наказания к тяжким и особо тяжким преступлениям, так как «при со-

вершении преступлений иной категории (в частности средней и небольшой тяжести) законодатель предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) или освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 801 УК РФ)»; [4] поскольку «в санкции, установленные за деяния, обладающие меньшей общественной опасностью, как правило, включен штраф, а нижняя граница наказаний соответствует минимальному пределу, присущему соответствующим мерам государственного принуждения». [5] В то же время на основе изучения уголовных дел делается вывод о наиболее частом применении ст. 64 УК РФ при назначении наказания за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. [6]

Судебная практика полностью соотносилась с законодательством, не сужая правоприменение, кроме предъявления требований, непосредственно определенных в УК РФ. [7]

Дополнение ст. 64 УК РФ частью третьей невольно возвращает дискуссию на новый круг: насколько допустим, справедлив такой запрет? если да, то целесообразно ли дополнение закрепленного в ч. 3 ст. 64 УК РФ перечня деяний иными? если да, то какими? целесообразно ли определение границ запрета смягчения наказания указанием на конкретные виды преступлений или

следует отталкиваться от категоризации криминальных деяний? и др.

Думается, решать проблему следует принципиально, исходя из природы института. Законодательная и судебная пенализация – две стороны одной медали. В некоторой степени при определении наказания их можно сравнить – а, по правде говоря, реально используются – с логическими приемами индукции и дедукции. Законодатель при формировании санкции за определенный вид преступления, во избежание излишней казуальности норм, учитывает множественность реально возможных проявлений посягательства, степень вариативности его признаков, отражающихся в большей или меньшей общественной опасности содеянного, пределы прогнозируемой опасности личности. В результате складывается абстрактное обобщенное или типовое (индуктивное) наказание, рассчитанное в применении на криминальные случаи этого вида. С другой стороны, суд, рассматривая конкретное дело, отталкиваясь от конкретных обстоятельств посягательства, выраженности его уголовно-значимых признаков и характеристик виновного, ранее учтенных законодателем в санкции, методом индивидуализации (дедукции) избирает из типового наказания конкретную меру – точные вид и размер наказания для данного реального случая.

Между тем, правотворческий процесс содержит объективные недостатки. Нельзя учесть абсолютно все уголовно-правовые показатели преступлений и преступника в санкции. Точнее – теоретически можно, но с практической точки зрения – нецелесообразно. Санкция будет слишком широкой, примет «резиновый» вид в своих минимуме и максимуме с очевидными последствиями: сложности в формировании единообразной и справедливой правоприменительной практики, злоупотребления суда ввиду излишней свободы усмотрения, необходимость создания более сложной системы правил назначения наказания и т.п. Кроме того, жизнь не стоит на месте, и объективно не получится в полной мере предугадать в данный момент, в момент принятия

нормы, в каких деталях проявятся реальные вариации преступления, в каких конкретных обстоятельствах оно выразится в ближайшем и, тем более, отдаленном будущем и какие новые личностные характеристики осужденного за его совершение по справедливости суду следует учесть.

Таким образом, санкция нормы есть не абсолютно емкое отражение многообразия характеристик определенного вида преступления и совершающих его лиц. Вне её рамок остаются экстраординарные ситуации, когда одно или несколько обстоятельств, достаточно редкие, чтобы быть типичными, существенным образом снижают общую оценку содеянного и настолько, что «выводят» его наказуемость за регламентированный законом нижний предел. Отсутствие их учета в типовом наказании не означает, что они упущены законодателем из вида. Глава 9 УК РФ, предусматривающая исчерпывающий перечень видов наказаний и их размеров (сроков), фиксирует общую наказуемость преступного по уголовному кодексу как отображение общей социальной опасности всех видов преступлений вместе взятых. В указанных экстраординарных ситуациях пониженная в сравнении с учтенной в санкции оценка содеянного принимается во внимание в границах общей наказуемости преступлений. При этом выйти за нижнюю границу общей наказуемости преступлений (по УК РФ – штраф в размере 5.000 рублей) невозможно: фактически поступок по уровню опасности подпадает под действие ч. 2 ст. 14 УК РФ, т.е. не представляет общественной опасности в уголовно-правовом смысле.

Для судебной пенализации правила учета таких ситуаций и выхода за нижний порог санкции смоделированы и введены в ст. 64 УК РФ; обстоятельства в полном соответствии своей сути и выполняемой функции названы исключительными [8] смягчающими. Уместно в связи с этим высказывание Ю.А. Красикова, определяющего их как свидетельствующие «об отсутствии той общественной опасности, которая по общему правилу типична для данного вида преступления». [9]

Раскрытый генезис института, как мы

полагаем, есть ключ к однозначному ответу на проблему. Запреты на смягчение кары в порядке ст. 64 УК РФ противоречат смыслу ее природы и, как следствие, нарушают основополагающий принцип судебной пенализации деяний – принцип индивидуализации наказания, а с ним и принципы уголовного права в целом, в первую очередь, принцип справедливости.

Согласно общим началам назначения наказания, лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание (ч. 1 ст. 60 УК РФ). Справедливое наказание – это такое наказание, которое соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Изъятия из учета исключительных смягчающих обстоятельств априори означают недостижение указанного соответствия ввиду заранее нормативно предопределенной незавершенности индивидуализации наказания. Тяжесть, категория, вид преступления при этом не играют никакой роли, поскольку технология формирования санкций уголовно-правовых норм принципиально едина.

Не влияет на сделанное заключение действие других уголовно-правовых институтов. Освободить от уголовной ответственности или наказания за преступления небольшой или средней тяжести (статьи 75, 76, 80.1 УК РФ) суд вправе, только установив основания к этому: нецелесообразность ответственности или наказания, констатируемой по причинам деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим, заглаживания вреда и т.д. Отсутствие оснований влечет осуждение с назначением наказания, когда перечисленные обстоятельства по-прежнему свидетельствуют о меньшей опасности содеянного и/или личности виновного, в том числе случаи меньшей опасности в сравнении с типичной, которая охватывается санкцией и измеряется ее границами. По логике, они требуют исключительно смягчения наказания, и такая реализация ответственности допустима и реальна. Нижний предел типового наказания часто – в особенности если речь идет о категории

преступлений средней тяжести – достаточно далек от нижнего порога общей уголовной наказуемости. К примеру, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ – преступление небольшой тяжести) наказуемо в минимуме ограничением свободы. Варианты смягчения – исправительные работы, либо обязательные работы, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо штраф.

Для ряда преступлений тех же категорий в силу особенностей их характера и содержания с морально-этических позиций более справедливым и предпочтительным выглядит осуждение в порядке ст. 64 УК РФ, чем применение статей 75, 76 или 80.1 УК РФ (убийства, предусмотренные статьями 106, 107, 108 УК РФ и т.п.).

Как видим, в контексте исследуемой проблемы нивелирования значения и разницы между освобождением от уголовной ответственности или от наказания и назначением исключительного мягкого наказания не происходит.

Что касается новаций Федерального закона от 05.05.2014 года № 130-ФЗ, то в нем фактически заложен обратный эффект по отношению к тому, что преследовался при его принятии. Одна из главных функций уголовного права – предупредительная. Ее основной инструмент – установление ответственности и степени ее строгости за нарушения запретов и ее реализация при совершении преступлений. Однако общеизвестно, что усиление ответственности само по себе не дает сколько-нибудь позитивных изменений функции. Она дополняется поощрительной составляющей, направленной не только на побуждение граждан к противодействию преступлению, но и на стимулирование преступников к отказу от криминальной деятельности, к оказанию содействия государству в раскрытии преступлений и в изобличении виновных, к восстановлению нарушенных благ и др.

Практически все санкции за преступления террористического характера чрезмер-

но суровы. Минимальный предел исчисляется, как правило, лишением свободы в восемь – десять лет. Положения ст. 61 УК РФ о смягчении наказания при заключении и выполнении условий досудебного соглашения о сотрудничестве *status quo* не меняют. При высокой верхней границе санкций (пятнадцать – двадцать лет лишения свободы, пожизненное лишение свободы) пенализация по ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК РФ влечет снижение кары до уровня семи с половиной – десяти лет лишения свободы.

Многие из статей рассматриваемой группы предусматривают примечание со специальным видом освобождения от уголовной ответственности. Между тем они не всегда состоятельны. Так, если готовился теракт и своевременным сообщением виновного органам власти он предотвращен, то примечание действует; если сообщение было, но теракт не предотвратили по любым причинам – не действует (ст. 205 УК РФ). Если лицо прекратило участие в террористическом сообществе и сообщило о его существовании органам власти, примечание действует;

если организовало его или руководило им, прекратило участие в нем, сообщив о нем, – не действует (ст. 205.4 УК РФ). Аналогичная картина наблюдается в правилах статей 205.1 и 205.5 УК РФ соответственно.

Часть статей подобных примечаний не содержит (ст. 205.2, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ).

Стимулируются ли в таких ситуациях явка с повинной, активное способствование раскрытию преступления, изобличению виновных, пресечению дальнейшей преступной террористической деятельности? Однозначно – нет. Назначаемое наказание слишком велико, чтобы разоблачать собственную и чужую террористическую деятельность, а снизить его до адекватных размеров суд не может (ч. 3 ст. 64 УК РФ).

Следовательно, введенные ограничения экстраординарного смягчения наказания противоречат как природе института, так и его поощрительной задаче; часть 3 ст. 64 УК РФ должна быть исключена из уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 07 мая.
2. См.: Бавсун М.В. Судебное усмотрение при назначении наказания и проблемы его ограничения в УК РФ // Журнал российского права. 2007. № 9. С.109.
3. См.: Михаль О. Судейское усмотрение при назначении наказания // Уголовное право. 2004. № 4. С.36-38.
4. Николаева Т.В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. С.31.
5. Степашин В.М. Специальные правила назначения наказания и мер уголовно-правового характера. М.: Юрлитинформ, 2012. С.113.
6. Завидов Б.Д. Новый подход законодателя к концепции назначения и исполнения уголовного наказания, как связанного, так и не связанного с лишением свободы // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2005. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=7765> (дата обращения: 01.10.2014).
7. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» (п. 8) // Российская газета. 1999. 07 июля; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 12) // Российская газета. 2007. 24 января; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» (п. 10) // Российская газета. 2009. 11 ноября.
8. Исключительный – являющийся исключением, не распространяющийся на всех (книж.) (Ожегов С.И. Словарь русского языка. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С.218).
9. Уголовное право России: в 2 т. / Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. Т. 1: Общая часть. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2008. С.430.

Г.Р. Хуснетдинов

Е.Н. Карпов

А.В. Перов

МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

Статья посвящена модульно-рейтинговой системе контроля знаний обучающихся вузов как одному из способов повышения уровня подготовленности в условиях перехода к новым государственным образовательным стандартам. Авторы дают рекомендации по формированию модулей учебных дисциплин и раскрывают некоторые подходы к формированию рейтинга.

Ключевые слова: модульно-рейтинговая система, государственно образовательные стандарты, профессиональное образование

Реформирование системы образования, переход на новые государственные образовательные стандарты и новые учебные программы ставят перед преподавательским составом задачи изыскания резервов улучшения форм и методов взаимоотношений между преподавателем и обучаемым, способствующих повышению уровня подготовки последних. [1] Одним из перспективных направлений формирования педагогики сотрудничества, индивидуализации обучения, активизации обучаемых в процессе получения знаний является внедрение в учебный процесс модульно-рейтинговой системы контроля знаний.

Модульно-рейтинговая система контроля позволяет на более высоком и качественном уровне реализовывать основные принципы организации контроля знаний обучаемых, такие как: полнота, плавность, достоверность результатов, объективность, дифференцированность по уровню обучения. [2]

Главное преимущество данной системы контроля – обеспечение систематической, мотивированной и ритмичной работы как обучаемых, так и преподавателей.

Существующая в большинстве вузов четырехбалльная шкала контроля знаний привычна и проста. В то же время она имеет ряд недостатков.

Во-первых, слабая дифференцирующая способность. Классификация обучаемых возможна только по четырем группам, например: все обучаемые, получившие в ходе экзамена оценку «хорошо», сведены в одну группу хорошо успевающих. Внутри этой группы о каком-либо ранжировании говорить не приходится.

Во-вторых, четырехбалльная шкала контроля страдает субъективизмом, либерализмом и протекционизмом, то есть каждый преподаватель ставит оценку на основе личного восприятия.

В-третьих, оценка на экзамене зачастую является оценкой умений обучаемого «выложиться перед экзаменом» и способности его памяти удержать материал на момент экзамена.

В-четвертых, система контроля знаний в виде устных ответов крайне затратна по времени и труду. Отсюда становится понятной необходимость перехода от четырехбалльной шкалы контроля к более дифференциальным шкалам.

Одной из перспективных форм контроля знаний и формой взаимоотношений преподавателя и обучаемого, получившей все более широкое признание в вузовской практике, является модульно-рейтинговая система контроля знаний. [3]

Цель модульно-рейтинговой системы контроля состоит в том, чтобы:

- поставить обучаемого перед необходимостью регулярной самостоятельной работы над учебным материалом в течение всего семестра и, как следствие, повысить его познавательную активность;
- дать объективную развернутую оценку знаний обучаемого по изучаемым им дисциплинам в виде рейтинга;
- дифференцировать обучаемых по уровню знаний по отдельной дисциплине и в целом за период обучения.

Модульно-рейтинговая система контроля, реализуя свою цель, решает следующие задачи:

- стимулирование познавательной активности обучаемого;
- повышение мотивации обучаемого к получению знаний более высокого уровня;
- свободный выбор обучаемым возможных вариантов и форм овладения учебной дисциплины в соответствии с индивидуальными способностями;
- сведение до минимума случайности в оценке знаний обучаемого при рубежном и итоговом контроле (зачете, экзамене);
- расширение возможностей индивидуального воздействия преподавателя на личность обучаемого.

Модульно-рейтинговая система контроля включает в себя два основных понятия. Одно из них – модуль. Это логически завершенная часть (тема, раздел) учебной дисциплины, которая заканчивается контрольной проверкой знаний. Ею могут быть: контрольная работа, тесты и другие формы контроля.

Второе понятие – рейтинг. Он представляет собой сумму баллов, набранную обучаемым (по определенным правилам) в течение некоторого промежутка времени в ходе контроля знаний по учебной дисциплине. Различают следующие виды рейтинга: исходный (стартовый), дисциплинарный, творческий, среднесеместровый, межкурсовой.

Исходный рейтинг – сумма баллов, определяющая начальный уровень знаний обучаемого. Для данной системы контроля он не является обязательным и может проводиться по усмотрению преподавателя.

Дисциплинарным рейтингом называется сумма баллов, которую набирает обучаемый за все виды обязательного контроля по учебной дисциплине. Дисциплинарный рейтинг включает промежуточный и итоговый рейтинг.

Текущим обязательным рейтингом называется сумма баллов, которую набирает обучаемый в ходе контроля знаний на занятиях и вне их (выступление на семинаре, реферат, домашняя работа и т.п.).

Промежуточным рейтингом называется сумма баллов, которую набирает обучаемый в ходе обязательного контроля знаний (контрольная работа, реферат, предусмотренный тематическим планом, зачет по завершению модуля и т.п.).

Итоговым рейтингом называется сумма баллов, которую набирает обучаемый в ходе обязательного контроля знаний на экзамене (зачете), предусмотренном тематическим планом.

Творческим рейтингом называется сумма баллов, которую набирает обучаемый за участие в научной и рационализаторской работе, выполнение дополнительных рефератов, совершенствование учебно-материальной базы дисциплины и т.п.

Если модульно-рейтинговая система охватывает весь учебный процесс вуза, то возможен расчет среднесеместрового и межкурсового рейтинга обучаемого.

Среднесеместровым рейтингом называется среднее значение рейтингов обучаемого по всем видам учебной деятельности за семестр.

Данный вид рейтинга может использоваться администрацией вуза для объективизации оценки деятельности обучаемых при назначении повышенных стипендий и других форм морального и материального поощрения.

Межкурсовой рейтинг – определяется аналогично по окончании каждого курса. Применение данного рейтинга – аналогично вышеизложенному.

Построение модульно-рейтинговой системы контроля.

Принципиальная схема построения модульно-рейтинговой системы контроля по

отдельной учебной дисциплине, как правило, включает следующие этапы.

Первый этап – это этап формирования модулей. Общий подход к формированию модулей сводится к следующему. Учебная дисциплина делится в каждом семестре на ряд модулей. Здесь надо опасаться двух крайностей: большой модуль трудно усваивается, а слишком мелкое дробление курса также не пойдет на пользу. В ходе исследования опыта формирования модулей установлено, что в зависимости от вида учебной дисциплины (гуманитарная, общеобразовательная, специальная и пр.) имеется несколько подходов (мнений) к формированию количества модулей в рамках учебной дисциплины. Согласно первому мнению, каждый из модулей должен содержать 10 – 12 часов практических, лабораторных занятий или семинаров. Другое мнение ограничивается подходом, что семестровый курс может иметь различное количество модулей, но примерно равных по объему и сложности изучаемого материала. Установлено,

что в зависимости от сложности изучаемой дисциплины в семестре целесообразно иметь в среднем 2-4 модуля.

Вторым этапом построения системы является формирование рейтинга. Здесь также имеются разные подходы (мнения). Например, подход, когда задается 100-балльная оценочная шкала при контроле знаний. Шкала соответствия 4 – балльной системе будет выглядеть следующим образом: 90-100 баллов соответствует оценке «отлично», 70-89 – «хорошо», 40-69 – «удовлетворительно», менее 40 баллов – «неудовлетворительно». Данный подход обеспечивает дифференцирование обучаемых по уровню знаний. В то же время большое количество баллов вызывает определенные психологические неудобства в подсчете рейтинга после пользования 4-балльной шкалой оценок.

Есть подход к формированию рейтинга по иной схеме. За максимальный рейтинг обучаемого по отдельной дисциплине берется 24 балла, что позволяет при модульной системе делить ее на 2, 3 или 4 модуля

Качество ответа	2	3-	3	4-	4	5-	5
Балл	0	1	2	3	4	5	6

В случае 3-х модулей за каждый промежуточный контроль – от 0 до 8 баллов

Качество ответа	2-	2	2+	3-	3+	4	4+	5-	5+
Балл	0	1	2	3	4	5	6	7	8

В случае 2-х модулей за каждый промежуточный контроль – от 0 до 12 баллов

Качество ответа	2-	2	3	4-	4	5-	5
Балл	0	2	4	6	8	10	12

как величину, являющуюся наименьшим общим кратным этим числам. Тогда при делении курса на 4 модуля за каждый из четырех промежуточных контролей обучаемый получает от 0 до 6 баллов в зависимости от качества ответа:

Промежуточный контроль не пересдается, чтобы мысль об этом не расхолаживала сдающего при подготовке к контролю. Обучаемый может быть допущен к промежуточному контролю только при накоплении им установленной суммы баллов за все виды обязательной текущей работы.

Для оценки вида текущей работы, входящей в модуль и выполненной обучаемым,

используется 3-балльная шкала. В этом случае за выполнение отдельной работы (задания) любого вида обучаемый получает от 0 до 3 баллов в зависимости от качества ее выполнения (неудовлетворительно – 0, удовлетворительно – 1, хорошо – 2, отлично – 3 балла). При этом применяется следующая система стимулов:

- за правильность оформления работы (задания) и сдачу в срок – еще 3 балла;
- за каждую просроченную неделю после срока сдачи работы (задания) вычитается 1 балл.

Минимальное число баллов за текущую работу для допуска обучаемого к проме-

жуточному контролю устанавливается как сумма баллов за все виды работы, входящие в модуль, оцененные в 2 балла.

Основным стимулом к регулярной работе обучаемого является возможность быть освобожденным от семестрового экзамена, то есть возможность засчитывания результатов всех промежуточных контролей за итоговый экзамен. Для этого обучаемый должен выполнить два условия.

1 условие (по знаниям) – за все промежуточные контроли получить в сумме не менее 15 баллов (15-19 – хорошо, 20-24 – отлично) и не иметь за промежуточный контроль 0 баллов.

2 условие (по отношению к учебе) – по всем модулям накопить определенную сумму баллов (за выполнение текущих заданий), которая должна не более чем на 10 процентов превышать сумму установленных минимумов для допуска к промежуточному контролю.

Анализ данной системы позволяет сделать следующие выводы:

положительным является быстрота формирования рейтинга и оперирование небольшими цифрами при подсчете;

к главному недостатку можно отнести разный подход к количеству баллов и ответа в зависимости от количества модулей, например: в 4-модульной схеме качества ответа, равное 4, оценивается 4 баллами, в 3-х модульной схеме – 5 баллами, а в 2-модульной – 8 баллами. Далее в 3-модульной схеме есть качество ответа, равное 4+, а в 4-х и 2-модульной – отсутствует.

И последнее: замена привычных оценок при текущем контроле (5, 4, 3, 2) на 3-балльную систему (0, 1, 3, 4) привела к той же 4-балльной системе контроля с наличием недостатков, отмеченных выше.

В практике формирования рейтинговой системы имеется и третий подход – это создание оценочной шкалы от –20 до +20 баллов. Количество баллов и критерии оценки этой системы представлены в таблице 1, где определены следующие уровни оценки: «большая», «малая» и «отрицательная». Критериями подхода к пользованию того или иного уровня оценки являются следующие подходы:

«большую» оценку (баллы) обучаемый может получить только за работу или ответ, предполагающий значительное время для выполнения, а также и контроля;

«малую» оценку (баллы) обучаемый может получить за незначительный (короткий) ответ или малообъемную работу, которая не предполагает значительного времени на исполнение (устный опрос, летучка и т.п.). «Малые» оценки могут накапливаться и переходить в «большую»;

«отрицательную» оценку (баллы) обучаемый может получить за сознательный отказ или уклонение от контроля знаний, а также за неправильный ответ или некачественно выполненную работу.

Подобная система формирования рейтинга создает большие дифференцирующие возможности в оценке обучаемых и обеспечивает сопряженность с 4-балльной системой (от 5+ до 3-). Кроме того, система четко определяет различные виды рейтинга в зависимости от значимости контроля, то есть оценка (количество баллов), получаемая обучаемым при текущем и промежуточном контроле, формируется по принципу малой и большой оценки соответственно. Положительным моментом данной системы является также возможность формирования оценок большого уровня из малых оценок, что стимулирует обучаемого к систематической самостоятельной работе по предмету. К недостатку можно отнести нечеткость определения количества баллов, соответствующее оценкам 4-балльной шкалы. Например, скольким баллам соответствуют оценки 3, 4, 5.

Таким образом, исследование опыта применения модульно-рейтинговой системы контроля знаний в вузах позволяет сформулировать следующие основные общие принципы ее построения[4].

Принцип 1. Учебная дисциплина делится на модули так, чтобы каждый из них содержал ее завершенные разделы. Как правило, учебная дисциплина может быть разделена на 2 – 4 модуля (в одном семестре).

Принцип 2. Рейтинг обучаемого должен складываться только из баллов, полученных им при обязательном контроле его знаний, а сумма баллов, полученных за текущую

Таблица 1. Шкала критериев оценки

Оценка по шкале		Требование к ответу (работе)
20 - балльной	4 - балльной	
20 – 15	5+ 5 5-	1. «Большая» оценка. Ответ полный или работа без ошибок и на все дополнительные вопросы ответ правильный
14 – 10	4+ 4 4-	Ответ на основной вопрос достаточно хороший или работа выполнена правильно, но допущены при этом ряд неточностей или незначительных ошибок, не влияющих на общую правильность ответа.
9 – 6	3+ 3 3-	В процессе ответа допущено некоторое количество ошибок, существенно влияющих на правильность ответа, но в процессе контроля обучаемый сам сделал исправления, в конечном итоге получив правильный ответ.
5	5	2. «Малая» оценка Правильный ответ на короткий вопрос или небольшая работа выполнена без ошибок.
4-2	4	Небольшие неточности или несущественные ошибки.
2-1	3	Допущен ряд ошибок, исправленных с помощью преподавателя.
0	2	Ответ неправильный
-1 - -10	2	3. «Отрицательная шкала» Отказ от ответа по объективным причинам, которые не исключали возможность самостоятельной работы обучаемого.
-11 - -20	2 или 1	Отказ от ответа без видимых причин

учебную работу, должна рассматриваться как допуск обучаемого к обязательному контролю знаний. Невозможно объективно и количественно (в баллах) сравнить оценку отношения обучаемого к учебе, его прилежания, проявляющегося в выполнении им текущей работы (домашних заданий, графических и лабораторных работ и пр.) с оценкой его знаний изучаемого предмета, проявляемых на экзамене.

Принцип 3. Обучаемый может быть допущен к промежуточному контролю только при накоплении им установленной суммы баллов за все виды текущей работы, для чего необходим ее строгий учет.

Принцип 4. Промежуточный контроль пересдаче не принадлежит, так как в противном случае, будет нарушена одна из основных целей введения модульной системы – поставить обучаемого перед необходимостью регулярной учебной работы в течение всего семестра и, как следствие, – повышение его познавательной активности.

Принцип 5. Одним из важных стимулов

регулярной учебы обучаемого является возможность получить оценку за итоговый экзамен по результатам сдачи промежуточного контроля.

И последнее: качественное достижение целей и задач данной системы контроля предполагает разработку и наличие специальной методики ее внедрения в учебный процесс.

Модульно-рейтинговая система контроля дает возможность создания объективной развернутой оценки знаний обучаемых по изучаемой дисциплине в виде рейтинга и дифференцирования обучаемых по уровню знаний по отдельной дисциплине и в целом за период обучения.[5]

Эффективность модульно-рейтинговой системы контроля достигается формированием единых требований преподавателей, работающих с одним и тем же потоком, группой к знаниям обучаемых, что позволяет свести до минимума случайность и субъективизм в оценке знаний, а также самоконтролем обучаемыми личного уровня подготовки по учебной дисциплине,

Модульно-рейтинговый контроль сопровождается формированием ритмичной, систематической, максимально мотивированной работы обучающихся и является эф-

фективным средством повышения заинтересованности обучаемых в самом процессе обучения, что подтверждается повышением текущего среднего балла.

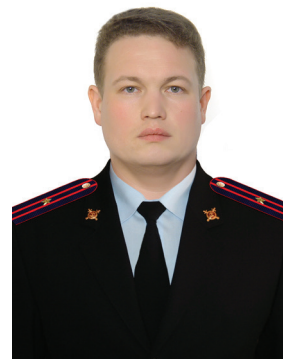
ЛИТЕРАТУРА

1. Гук О.Б. Интеграция учебной и научной деятельности студентов балакавриата как фактор повышения качества профессиональной подготовки//Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1. С.131-132.
2. Модульно-рейтинговая система в профильном обучении: методические рекомендации / под ред. М.В. Рыжакова. - М.: "СпортАкадемПресс", 2005. 362 с.
3. Беленький П.П., Ефименко В.Н., Сущенко М.И. Пути решения проблемы оценки качества обучения в вузе на базе ФГОС ВПО // Внедрение европейских стандартов и рекомендаций в системы гарантии качества образования: сборник материалов VIII Международного форума гильдии экспертов / под общей редакцией д.п.н. Г.Н. Мотовой. - М.: Гильдия экспертов в сфере профессионального образования, 2013. С.422-425.
4. .Инновационные процессы в образовании. Основные документы и материалы Болонского процесса: материалы V междунар. науч.-практ. конф., 15 марта 2013г., Прага /отв. ред. Н.В. Уварина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та 2013. 217 с.
5. Кругликов В. И. Организация рейтингового контроля при определении уровня знаний студентов по учебной дисциплине //Тюменский гос. ун-т. 2012. № 4. С.42.

Р.С. Куликов

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОДЫ В ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ К ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ С ПОДЧИНЕННЫМИ

Военная реформа Вооруженных сил предполагает широкую программу преобразований в военно-политической сфере государства, военно-социальных институтах, управляющих военной сферой, системой военного образования. Все эти трансформации неизбежно коснутся системы подготовки офицеров к работе с военнослужащими. Наиболее проблемным направлением данной области профессиональной и военной педагогики является обучение будущих выпускников вузов к взаимодействию с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению.

Ключевые слова: подготовка офицеров, криминогенное поведение, комплексный подход.

В подготовке офицеров к воспитательной работе с подчиненными выделяют индивидуальный и дифференцированный подходы. Дифференциация обучения предусматривает разделение учебных планов и программ с учетом склонностей и способностей обучающихся. В психолого-педагогической литературе представлено много материала по индивидуальному и дифференцированному подходам в обучении и воспитании. [1, 2] В учебно-воспитательном процессе проявляется широкий диапазон индивидуальных особенностей курсантов, проявляющихся в потребностях, устойчивых мотивах и интересах. Многое зависит от индивидуальных способностей к усвоению нового материала, от характера, темперамента, волевых качеств, эмоционального настроения на обучение, развитие и самосовершенствование. Командиры, начальники и преподаватели военного вуза иногда встречаются с затруднениями в изучении комплекса индивидуальных особенностей курсантов, а также в обучении будущих офицеров различным методикам изучения личности.

Анализ литературы показывает, что имеют место разночтения в определении понятий «индивидуальный подход» и «дифференцированный подход» в обучении, воспитании и перевоспитании воинов. В основе реализации индивидуального подхода

лежат принципы личностного подхода. [4] Дифференцированный подход предполагает выбор различных форм и средств обучения, воспитания и мер профилактического воздействия на обучающихся в соответствии с теми или иными развитыми у них индивидуальными особенностями. [5] Этот подход связан с типологизацией, то есть распределением воспитуемых на отдельные группы по определенным правилам или критериям (для науки более употребителен термин – классификация: деление объема понятия по какому-либо основанию, признаку).

Применение индивидуального и дифференцированного подходов в обучении курсантов, подготовка их к воспитательной деятельности, должны рассматриваться с учетом их возрастных особенностей. Возраст курсантов, обучающихся в военных вузах Минобороны и МВД, составляет в основном от 18 до 23 лет. Это период, когда у молодых людей сформированы определенные установки, взгляды и убеждения. С одной стороны, это создает благоприятные условия для их дальнейшего развития, а с другой – вызывает определенные трудности, связанные с перестройкой и изменением ранее сложившихся взглядов, убеждений (иногда неверных стереотипов мышления).

Сочетание индивидуального и дифференцированного подходов в обучении и воспи-

тании предполагает определение различных блоков содержания образования; выбор средств и методов подготовки осуществляется с учетом индивидуальных и иных черт характера, свойств и способностей личности курсанта и курсантского коллектива (группы).

При проведении экспериментальной части исследования, в целях реализации принципов индивидуального и дифференцированного подходов в подготовке, курсантам экспериментальных групп сообщалась содержательная информация, с ними проводились дополнительные занятия. Курсантам, участвующим в эксперименте, давались необходимые разъяснения практического характера, разъяснялись особенности применения тех или иных воспитательных и профилактических мер к трудным воинам. Широко практиковались варианты ситуационных педагогических задач, практических заданий, решение специальных проблемных ситуаций. Задания дифференцировались с учетом особенностей экспериментальных групп и отдельных курсантов. Особое значение придавалось подбору вариативного учебного материала и воспитательных воздействий с учетом особенностей отдельных курсантов, основная цель которых была направлена на формирование у них педагогических знаний, навыков, убеждений и развитие организаторских способностей.

Значимость проблемы формирования познавательных интересов и потребностей у курсантов для активизации их участия в образовательном процессе обусловлена сложными задачами и проблемами, которые предстоит решать молодым офицерам в своей повседневной деятельности, работая с трудными воинами. В высшей военной школе важно привить курсанту стремление к постоянному пополнению своих знаний с помощью самообразования и самовоспитания. Следует сформировать в нем устойчивую внутреннюю потребность, направленную на расширение своего общего и специального кругозора. Это будет способствовать формированию высокой компетентности военного специалиста в самых широких сферах человеческой деятельности, в том числе в сфере воспитания, веде-

ния профилактической работы среди военнослужащих, склонных к криминогенному поведению. Решение образовательных задач, направленных на стимулирование познавательной деятельности, постоянное повышение познавательных потребностей в процессе обучения открывает пути не только для всестороннего развития разнообразных интересов у курсантов, но и способствует формированию у них устойчивых взглядов, твердых мировоззренческих позиций, духовному развитию личности.

Для участников эксперимента были разработаны методические рекомендации, направленные на выполнение задач исследования, которые предусматривали:

- введение в образовательно-воспитательный процесс новых, специально разработанных элементов обучения и подготовки, распространяемых на курсантские подразделения и научно-педагогический состав, задействованный в эксперименте;
- подведение итогов, проверка и анализ результатов экспериментальной работы курсантов в период войсковых стажировок в войсках Приволжско-Уральского военного округа;
- изучение отзывов на офицеров-выпускников 2011-2013 гг. выпуска.

Эксперимент состоял из трех этапов: подготовительного (констатирующий эксперимент), формирующего и итогового. На подготовительном этапе определялись преподаватели и учебные группы, участвующие в эксперименте, разрабатывались экспериментальные материалы, методики проведения учебных занятий, инструктаж участников эксперимента, изучалась методическая и содержательная стороны образовательного процесса.

База исследования: Казанское высшее военное командное училище, Казанское высшее артиллерийское командное училище, сборный пункт Военного Комиссариата Республики Татарстан (г. Казань), части и подразделения Приволжско-Уральского военного округа, Центр профессиональной подготовки МВД по Республике Марий Эл. При проведении констатирующего и формирующего экспериментов приняли участие более

350 курсантов, 80 преподавателей, 58 командиров подразделений, 106 выпускников высших военно-учебных заведений. В качестве экспериментальных групп были определены два учебных взвода курсантов по 31 человеку, в состав контрольных групп – два курсантских взвода по 30 человек в каждом. [3, 5, 6]

Проведенный анализ программ командирской подготовки, программ проведения войсковых стажировок, занятий по военной педагогике и психологии, которые проводились преподавателями военных вузов, изучение программ психолого-педагогического цикла показали, что в них слабое внимание уделяется военно-педагогической подготовке курсантов, обучению курсантов профилактической работе с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению. Недостаточно выделялись содержательные блоки изучаемых учебных дисциплин, на основании которых следовало строить и проводить занятия с использованием междисциплинарных связей.

В соответствии с действовавшими программами от преподавателя не требовалось моделировать комплексные воспитательные задачи, развивать и совершенствовать у курсантов профессионально значимые качества руководителя и воспитателя, умение комплексно подходить к решению задач профилактического характера, направленных на перевоспитание трудных военнослужащих. На основании этого в исследовании были поставлены следующие задачи:

- психологически настроить и подготовить преподавателей к большой творческой работе, связанной с моделированием и внедрением в образовательный процесс элементов, которые направлены на подготовку курсантов к воспитательной работе и профилактической деятельности;

- разработать методику реализации предложенных в гипотезе социально-педагогических условий, направленных на качественную подготовку курсантов к работе с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению;

- разработать комплексную систему совершенствования подготовки преподавательского состава к профессионально-педагогической деятельности, относящейся к проблеме исследования;

- разработать методику определения общего уровня подготовки курсантов к работе с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению;

- проверить степень и эффективность влияния социально-педагогических условий, вводимых в учебный процесс, на совершенствование подготовки курсантов к работе с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению.

В этих целях была разработана специальная целевая система психолого-педагогической подготовки преподавателей военных вузов. Такая подготовка должна была усилить профессиональную и психолого-педагогическую подготовку преподавателей и командиров подразделений, офицеров управления и служб учебного заведения, чтобы они могли целенаправленно готовить курсантов к работе с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению.

Таким образом, проведение опытно-экспериментальной работы по подготовке курсантов к работе с военнослужащими, склонными к криминогенному поведению, предполагает последовательное осуществление ряда индивидуальных и коллективных педагогических мероприятий, направленных на выявление и апробацию условий, при которых существенно повышается эффективность подготовки будущих офицеров к воспитанию подчиненных. Перевод знаний в убеждения, привычки, черты личности осуществляется на основе определенных закономерностей. Учет их в процессе проведения профилактической работы обязателен, так как это способствует повышению эффективности воспитательной деятельности с личным составом.

ЛИТЕРАТУРА

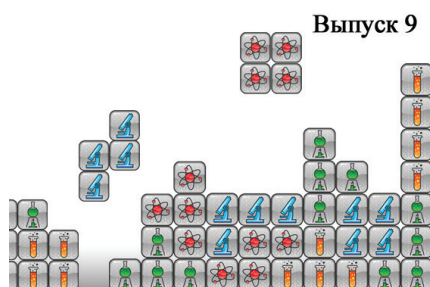
1. Кудрявцев Ю.М. Подготовка курсантов вузов к работе с военнослужащими, склонными к дезертирству. Казань: КВТККУ, 1998. 68 с.
2. Кудрявцев Ю.М. Проектирование системы подготовки офицеров и воспитательной деятельности с трудными военнослужащими: дис. ... д-ра пед. наук. Казань: КГТУ, 2003. 464 с.
3. Куликов Р.С. Индивидуальный и дифференцированный подходы в подготовке офицеров к воспитательной работе с подчиненными, склонными к криминогенному поведению // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 12. С.186-190.
4. Дикарев В.Г. Инновационные формы организации обучения в системе дополнительного образования в рамках повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов// Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С.107.
5. Куликов Р.С. Опыт исследования проблемы криминогенного поведения человека в современной зарубежной литературе // Фундаментальные исследования. 2012. №3. С.281-290.
6. Куликов Р.С. Сущность, основные причины и тенденции криминогенного поведения допризывной и армейской молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2012. №3. С.301-310.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ**СБОРНИК ТРУДОВ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
КЮИ МВД РОССИИ**

**Сборник трудов молодых ученых и преподавателей
КЮИ МВД России. Выпуск 9** / под ред. С.Н. Миронова. –
Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 118 с.

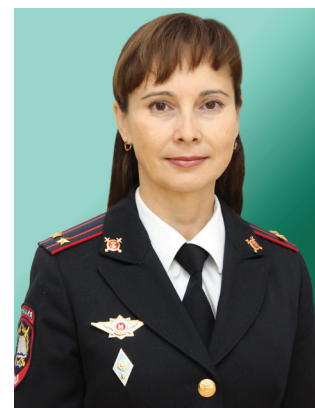
Данный сборник содержит материалы научных исследований молодых ученых и преподавателей КЮИ МВД России.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов.

О.Н. Хрусталева

ОТ «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
К «ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ» КУРСАНТА
ВУЗА МВД РОССИИ

В статье представлен взгляд на проблему формирования личности будущего сотрудника органов внутренних дел в процессе освоения им в ведомственном вузе дисциплин гуманитарного и профессионального цикла сквозь призму концепта «языковая личность».

Ключевые слова: языковая личность, полицейский, имидж сотрудника органов внутренних дел, речевая культура сотрудника ОВД.

Стремительно меняется все вокруг нас. Меняется и отношение к языку. Еще только в середине XX столетия американский психолог Т. Шибутани отмечал, что большинство американцев стараются не нарушать норм лингвистического поведения. Отклонения от этих норм вызывают почти такие же негативные социальные санкции, как и нарушение других обычаев. «Люди теряют уважение к тем, кто не может говорить как следует, и они часто проникаются уважением к другим, кто манипулирует словами с необычайной легкостью. Неправильное произношение слов – это прежде всего общее оскорбление, и, если оно не вызывает более сурового наказания, обидчик часто становится объектом насмешек. Когда хорошо образованный человек употребляет неверные обороты, он вызывает открытое презрение». [1] И вот уже уважительное отношение к языку, слову, заложенное XIX–XX веками, превращается в манипулирование – сначала словами, затем человеком, появляется целая наука – нейролингвистическое программирование, входят в обиход понятия «черная риторика» (умение соринку в глазу другого превратить в бревно), «политическая риторика», когда комментарии оппонентов об одном событии отличаются так же, как черное отличается от белого.

В связи с этим, говоря о профессиональной речи, нельзя не отметить очевидного: профессиональная речь требует определенного образования. Общение специалистов, в

том числе общение юристов, это профессиональное общение. И здесь подчеркивается важность различных аспектов профессиональной речи: от лексикона, произношения терминов и специальных фраз до построения логики высказывания.

Готовя будущего сотрудника органов внутренних дел, ведомственные образовательные организации не в силах предусмотреть будущее предназначение выпускника: диапазон его «трудоустройства» крайне широк, а также и непредсказуем: от участкового полицейского, чья служба подчинена каждодневному общению с гражданами, до оперативных работников, круг общения которых – от маргинала до интеллигента.

Не менее важно для сотрудника правоохранительных органов и умение составлять письменные тексты. Письменная речь должна быть грамматически правильно сформулирована. При составлении различных документов (протоколов, отчетов, писем, справок и проч.) необходимо использование уместных, пусть и шаблонных, языковых средств. К сожалению, частое обращение к официально-деловому стилю выражения результатов собственного мышления негативно влияет на способности апеллировать к стилям художественным, публицистическим...

Несмотря на это, профессия полицейского, как и любая другая, в некотором смысле – речевая: сотрудник организует свою деятельность через слово, выражая себя

в профессиональном тексте и в устных контактах с коллегами, гражданами. Если эти контакты организованы неправильно, если человек не знает элементарных правил речевого этикета, не умеет точно и ясно выразить свою мысль, он не может чувствовать себя комфортно в профессии, а его работа не будет выполняться так, как нужно.

Очевидно, низкий уровень речевой (и общей) культуры сотрудников правоохранительных органов в целом не способствует взаимопониманию с населением, оказывает влияние на возникновение недоверия, неприязни граждан к полиции, а также негативно сказывается на формировании имиджа сотрудника органов внутренних дел.

Филологические, социологический, психологические и другие аспекты объединяет в себе концепт «языковая личность» (ЯЛ) – сквозная идея, которая, как показывает опыт её анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучить человека вне его языка». [2]

Определение ЯЛ, данное Ю.Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность» еще в 1987 году, используется в многочисленных работах современных ученых (Г.И. Богина, В. Воробьева, В.Ф. Габдулхакова и многих других), которые рассматривают личность только как языковую личность, личность, воплощенную в языке.

Однако, как замечают все ученые, обратившиеся к ЯЛ, четко разработанные критерии сформированности ЯЛ отсутствуют в какой-либо науке (лингвистике, психологии, педагогике). Решая эту проблему, исследователи зачастую прибегают к описанию конкретной ЯЛ, наблюдению и анализу речевых характеристик этой ЯЛ. В результате у каждого ученого занимающегося проблемой ЯЛ, предстаёт список конкретных черт языковых особенностей того или иного человека.

Продолжая изучение этой проблемы, ученые начинают видеть в ней проявления (или отсутствия) элитарности. Так, Кочеткова Т.В., рассматривая яркую ЯЛ конкретного "носителя элитарной речевой

культуры", отмечает в качестве типологических факторов ЯЛ прежде всего: семью (культурное окружение, читающие родители, привитие навыков чтения уже в раннем возрасте, наличие домашней библиотеки); интеллект ("Элитарность всегда подразумевает высокий интеллект, разумность личности... Умственная деятельность такой личности активна с момента рождения до последнего дня. От природного интеллекта во многом зависит уровень мышления личности"); большую любовь к книгам (научным, художественным, публицистическим); знакомство с лучшими образцами русской поэзии; постоянное, ставшее естественным обращение к словарной и справочной литературе по самым разным поводам, ежедневное чтение газет; свободная ориентация в журнальных публикациях, в новинках по специальности); хорошее знание иностранных языков, что позволяет читать переводную литературу; хорошее образование и свойственное человеку непрекращающееся самообразование; ЯЛ учителей-преподавателей; профессия и авторитет личности ("Важной сущностной ценностью такой личности следует признать её социальную значимость, понимаемую как способность личности оказывать влияние на ход дел в социальном или профессиональном коллективе и проявляющуюся в акте социального признания. Носителю элитарной речевой культуры присущи такие ценности, как уважение к людям, закону, порядку, делу, профессии, то есть сильно развитое чувство всеобщего уважения и чувство социальной ответственности. Такая личность очень часто ставит знак равенства между выбранной профессией и любимым делом"). [3]

Как считает Кочеткова Т.В., каждый носитель элитарной речевой культуры предстаёт личностью активной, разумной, думающей, цивилизованной, влияющей на национальную культуру, выступающей "творцом культурных ценностей" и воспитывающей окружающих. [3] Тем более важно, чтобы человек, чья профессия – воспитание и обучение будущих сотрудников правоохранительных органов, сам являлся в первую очередь сформировавшейся язы-

ковой личностью, независимо от преподаваемого предмета.

Предметом культуры речи как учебной дисциплины являются нормы литературного языка, виды общения, его принципы и правила, этические нормы общения, функциональные стили речи, основы искусства речи, а также трудности применения речевых норм и проблемы современного состояния культуры общества.

С позиций реализации конечной цели в подготовке специалистов целесообразно говорить о формировании их коммуникативной компетенции, которая обычно трактуется как синтез знаний и опыта в какой-либо отрасли. При этом важно заметить, что формирование у будущих юристов коммуникативной компетенции охватывает не только знания языковой системы и владения языковым материалом, но и соблюдение социальных норм речевого общения, правил речевого поведения.

Человек как языковая личность постоянно оценивается наблюдающими его людьми, и суждения о нем, имеющие оценочный характер, доступны отнюдь не только лингвистам. И потому с осознания того, что любая речевая ошибка – это оскорбление слушающего, только и может начинаться искусство речи. Можно скрывать недостаток профессиональных знаний, но язык всегда выдаст его носителя речевой ошибкой. Всякая ошибка в речи наносит удар по профессиональной репутации и авторитету говорящего.

Не является тайной плачевное положение дел с базовым уровнем владения языком и речью как в современной школе, так и в современном вузе. Парадоксально, но старшеклассники, абитуриенты и студенты могут достаточно уверенно владеть иностранным языком и быть совершенно безграмотными, когда они используют возможности родного языка, когда, например, им приходится оформлять резюме, анкеты, выступать перед большой аудиторией, писать курсовые работы, общаться с экзаменатором, даже просто рассказывать что-то увлекательное.[4] Еще более любопытна картина с определением уровня владения знаниями по русскому языку у абитуриентов в момент сда-

чи ЕГЭ и этих же студентов через полгода обучения в вузе. Показывая уверенное владение языком, выраженное в достаточно высоких баллах на экзамене по предмету, выполняя элементарные тестовые задания по русскому языку или в процессе написания диктанта, вчерашние абитуриенты допускают нелепые ошибки в словах с простейшими орфограммами.

Что касается программы по дисциплине, касающейся изучения русского языка в ведомственном вузе, то на протяжении последних нескольких лет не только менялось наименование данной дисциплины: Русский язык культуры речи, «Деловое общение сотрудников ОВД», «Русский язык в деловой документации», но и сроки изучения данных дисциплин. Кроме того, сейчас данная проблема достаточно живо обсуждается нашими коллегами из других вузов. [5]

Лингвистические компетенции выпускников-специалистов вузов нефилологического профиля формируются в процессе преподавания предметов филологического цикла – русского языка, русского языка и культуры речи, иностранного языка, делового русского языка, русского языка в деловой документации.

В рамках подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел для направления подготовки (специальности) 030501.65 – Юриспруденция (уголовно-правовая), квалификация (степень) выпускника – «специалист» программой было предусмотрено изучение дисциплины по выбору обучаемого «Деловое общение сотрудников ОВД»: рабочая учебная программа дисциплины. Цели дисциплины: ознакомить обучающихся с научными и прикладными знаниями в области этики деловых отношений; раскрыть особенности лингвистической стороны делового общения; совершенствовать навыки понимания и создания юридических текстов на уровне их лексического, синтаксического, стилистического оформления; совершенствовать навыки подготовки и произнесения публичной речи; формировать умения проводить совещания, беседы, осуществлять работу с гражданами с соблюдением норм речевого этикета. Дан-

ная дисциплина относится к завершающим формирование специалиста по специальности «Юриспруденция» (специализация – уголовно-правовая). На ее изучение отведено 40 часов.

«Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной ЯЛ», – руководствуясь этим высказыванием Ю.Н. Караулова, мы предложили курсантам и слушателям обратиться к личностям современников – ярких носителей, по их мнению, элитарной речевой культуры. Творческий подход обучаемых позволил им обратиться к медийным личностям (14), используя опыт реконструкции ЯЛ, курсанты и студенты исследовали ЯЛ юристов, [6] оставивших яркий след в истории юриспруденции (Цицерон, князь Урусов, А.Кони и др.). В числе личностей, являющихся образцами для подражания в отношении речевой культуры для студентов-юристов, были и вузовские преподаватели (13).

Весьма любопытными, на наш взгляд, были именно эти работы, где представлены материалы наблюдения за ЯЛ преподавателей. Для того, чтобы преподавать в средней школе, студент проходит пятилетнее обучение в педагогическом вузе, оттачивая методику преподавания предмета, затем он практикуется под пристальным вниманием кураторов-методистов. После, придя в школу, попадает в зону повышенного внимания заместителей директора школы, старших учителей-наставников, руководителей методобъединений, представляет отчеты и планы-конспекты уроков. Насколько отличается от школьного учителя вузовский преподаватель – вчерашний выпускник или практический работник. Априори принято делегировать ему полномочия нести знания в аудиторию вчерашних школьников – сегодняшних студентов и курсантов. Знает ли он методику проведения занятия лекционного, семинарского, понимает ли их отличия, владеет ли психологическими приемами взаимодействия с аудиторией? Это еще вопрос, насколько готов молодой (по возрасту или стажу) преподаватель работать с достаточ-

но взрослыми курсантами, слушателями, а главное, готов ли преподаватель именно как личность, как языковая личность быть примером, образцом для учащихся. Как правило, до того, как выработается собственный стиль работы с аудиторией, будут освоены методические приемы подачи материала по своему предмету, преподаватели берут за образец «успешного», по их мнению, своего преподавателя.

В качестве стратегической задачи общего образования Концепцией модернизации российского образования выдвигается задача развития человеческого капитала – подготовка поколения нравственно и духовно зрелых, самостоятельных, активных и компетентных граждан, живущих и работающих в свободной демократической стране.

Успешность решения этой социально значимой задачи, результативность намеченных преобразований во многом зависит от уровня профессионально-нравственного саморазвития преподавателя как процесса и результата целенаправленной и осознанной работы педагога над собой с целью повышения уровня профессионального и нравственного самосознания и поведения, формирования духовных потребностей, личных качеств и культуры. Именно профессорско-преподавательский состав образовательной организации своей профессиональной деятельностью и поведением актуализирует тенденцию учащихся к личностному росту, способствует их нравственному становлению и на этой основе обретению ими личностных смыслов и духовно-нравственных ценностей.

Однако, как свидетельствуют наши исследования, уровень профессионально-нравственного саморазвития у значительной части преподавателей не соответствует высоким современным требованиям общества и высшей школы, еще достаточно слаба направленность на саморазвитие, а в вузе работа по активизации профессионально-нравственного саморазвития преподавателя не носит системный и целенаправленный характер, часто проводится формально. Ряд исследователей (С.Г. Вершловский, О.С. Газман, Н.К. Сергеев и др.)

обнаруживают характерный для педагогов конформизм, стремление соответствовать лишь требованиям руководства, боязнь ответственности, отсутствие самостоятельности в выборе направлений и средств учебно-воспитательного процесса.

В связи с этим особую актуальность приобретают задачи обоснования, раскрытия и реализации возможностей педагогического обеспечения профессионально-нравственного саморазвития вузовского преподавателя в условиях образовательной организации как социально значимого направления педагогической теории и практики.

Материалом для наблюдения выполняющих задание по описанию ЯЛ преподавателя послужили устная речь (лекции и семинарские занятия, непосредственное общение студентов с преподавателем, его общение в научных кругах, с коллегами, бытовое общение) и письменная речь (опубликованные лекции, статьи и выступления на конференциях, замечания по поводу курсовых, квалификационных работ студентов и курсантов, рецензии и др.). Кроме того, некоторые преподаватели активно используют для общения с обучающимися интернет-ресурсы, отсылая их за дополнительными материалами к своим сайтам.

В результате исследования студенты и курсанты отметили следующие типологические черты ЯЛ преподавателя юридического вуза, которые, по их мнению, являются наиболее привлекательными и уважаемыми.

Прежде всего, отмечаются «грамотная, правильно поставленная литературная речь», выразительность речи, уместные паузы и логические ударения. Тембр спокойный, мягкий, музыкальный, «никогда не повышает голос», «голос не раздражает, но и не убаюкивает», «в речи нет назойливых слов-паразитов». Отмечены и антипримеры, когда преподавательница каждую новую мысль начинает со слова «итак», а другой преподаватель то ли утверждает, то ли спрашивает после каждой новой «порции» информации – «это понятно». В результате учащиеся, вместо того чтобы усваивать материал, считают количество повторе-

ний слов-паразитов, что, по их замечанию, очень отвлекает.

Особо выделена такая черта преподавателя, как предельная вежливость (преподаватель не дает прозвищ, не навешивает «ярлыки», что, однако, не мешает эмоционально оценивать поступки студентов: «Прекрасно», «умничка», «большой (ая) молодец», «вопиющая безграмотность», «карау-ул»), обращение к учащимся «на Вы», к аудитории со словом «друзья», «коллеги»...

Знание нескольких языков (от трех до семи), среди которых, помимо русского и татарского, греческий, латинский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, английский, французский, немецкий, чувашский, испанский и др. Чтение непереводной литературы на языке оригинала.

Начитанность, эрудиция, интеллект. Наличие домашней библиотеки, постоянное чтение как классической, русской и зарубежной литературы, так и современной. Чтение специальной научной литературы, отслеживание новинок в периодике (особо отмечено чтение газет, в том числе политических). Отслеживание мировых новостей, тенденций. Отмечен преподаватель, который, принеся в аудиторию книгу, с «придыханием и пиететом» рассказывает о книжной новинке.

Непрекращающееся самообразование (например, настольной книгой одного преподавателя служат «История государства Российского» Н.Карамзина и «История» В. Соловьева; постоянное, ставшее естественным обращение к словарной и справочной литературе; свободное использование компьютера, уверенное внедрение в учебный процесс новых технологий.

Пытаясь анализировать и методическую сторону занятий, студенты отмечали и проблемные ситуации, создаваемые лектором на занятиях (почему это так происходит? как это связать?). Особо выделяется опрошенными такое качество, как умение остроумно шутить, разряжая обстановку или создавая доверительную психологическую атмосферу. К сожалению, имеются, пусть и редкие, негативные примеры, например, когда преподаватель, невзирая на присут-

ствие в аудитории слушателей-женщин, рассказывает сальный анекдот.

Если говорить о профессии и авторитете личности преподавателей – ЯЛ, следует привести слова Ю.Н. Караулова, который заметил: «Такая личность (ЯЛ) очень часто ставит знак равенства между выбранной профессией и любимым делом». Единодушны курсанты и студенты и в высокой оценке и признании авторитета преподавателей – ЯЛ. Как отметила одна из студенток: «Не только язык в полной мере служит людям, но и есть люди, которые служат ему». Хочется продолжить – независимо от выбранной профессии.

Подводя итог сказанному, хотелось бы еще раз отметить, что примеры ярких ЯЛ преподавателей оказывают безусловно действительное воспитательное влияние на формирование ЯЛ учащихся, независимо от выбранной им специальности. Именно в сфере юстиции с античных времен речь формировалась и развивалась как искусство. Не может не радовать единодушное мнение будущих сотрудников ОВД, участвовавших в исследовании, что правильно и свободно выражать свои мысли очень важно, этому непременно нужно учиться, соблюдая при этом и нравственность речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. М., 1969. С.129.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю.Н. Караулов; отв. ред Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. С.3.
3. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры и факторы, влияющие на её становление/ Т.В. Кочеткова // Античный мир и мы: материалы и тезисы конференции, 1997. Саратов, 1998. Вып. 4. С.45-57.
4. Макавчик В.О. Языковая подготовка: коммуникативный подход / В.О. Макавчик, В.В. Максимов // Сибирь. Философия. Образование: научно-публицистический альманах. Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2003. Вып. 6. С.47-59.
5. Бойченко В.В. Об изменениях в содержании федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям подготовки речевой культуры специалистов ОВД / В.В. Бойченко, А.А. Тимофеева // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2. С.105-109.
6. Хрусталева О.Н. Опыт реконструкции языковой личности носителя элитарной речевой культуры (российский адвокат князь А.И. Урусов)/ О.Н. Хрусталева // Научные труды КЮИ МВД России. Выпуск 4. Казань: КЮИ МВД России, 2004. С.498-504.

Н.Р. Шевко

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЩНОСТНОГО ПОДХОДА
К СОДЕРЖАНИЮ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

В статье рассматривается изменение содержания сущности традиционных факторов производства под влиянием процесса информатизации общества. Автором выделены новые формы дохода основных факторов производства в современных условиях.

Ключевые слова: информационное общество, информационные ресурсы, традиционные факторы производства, сущностный подход, информационная экономика.

Становление нового хозяйственного уклада предопределило необходимость постановки и решения ряда базовых теоретических проблем, среди которых особое место занимает проблема отбора информации для принятия рациональных решений в условиях растущей неопределенности внешней среды, что обусловлено расширением числа альтернатив в результате роста активности информационных потоков, а также повышением уровня требований к ним в части объема и качества.

Потребность в целостной концепции информации возникает в условиях информационной экономики. Информационное общество трактуется в рамках данного исследования как определенный этап развития постиндустриального общества, характеризующийся качественными изменениями содержания традиционного квартета факторов производства под влиянием процессов информатизации. В отличие от доиндустриального и индустриального этапов развития общества, где информация как субстанциональное свойство материи выполняло традиционную функцию снижения уровня энтропии внешней среды, в условиях информационной экономики она выступает ключевым фактором формирования качественно новой модели воспроизводственного цикла, основанного на применении информационно-коммуникационных технологий и получения доступа для экономических агентов к глобальным

образовательным, информационным и научным ресурсам. При этом экономическая деятельность трансформируется в информационную деятельность, поскольку она представляет собой процесс производства, распределения, обмена и потребления собственно информационно насыщенных благ или благ, созданных при доминирующей роли информационных ресурсов. Основная тенденция современного общества – превращение информации в основной стратегический ресурс, главный источник общественного богатства. [1] Для информационной экономики характерны ведущая роль информационных ресурсов как фактора поступательной макроэкономической динамики, а также высокий уровень информационных потребностей, характеризующихся высоким уровнем сегментации.

Реализация принципов субстанциональной теории информации приводит к необходимости уточнения категории «ценность информации», которая в соответствии с научной гипотезой исследования определяется как желаемость перехода от состояния неопределенной (неполной) информации к состоянию определенной (полной) информации, а уровень ценности рассматривается как находящаяся в зависимости от объема информации эффективность действий, основанных на этой информации. В рамках данного исследования категории «ценность» и «полезность» информации не совпадают, поскольку ценность информации рассматри-

вается как отражение транзакции между информацией и ее реципиентом, тогда как полезность – как отражение транзакции между информацией и ее приемником с учетом цели его выбора. Необходимым условием приобретения информацией свойства ценности выступает наличие наделенного интеллектом объекта материального мира, характеризующегося потребностью в информации для принятия решения, а достаточным условием – его способность к постановке целевых ориентиров. Таким образом, ценность информации носит субъективный характер и определяется типом экономического агента, принимающего решения, его способностью формировать знания из полученной информации, а также степенью ее желаемости и способностью совершать эффективный выбор с учетом данной информации.

Становление качественно нового хозяйственного уклада, лежащего в основе экономики, основанной на знаниях, приводит к изменению отношений собственности, что находит отражение в ее субъектно-объектной структуре, порядке спецификации и распределения правомочий, формах реализации. Включение информации в состав основных факторов производства и источников экономического роста приводит к ее превращению в доминирующий объект контрактных отношений по поводу трансфера правомочий собственности. Тем самым, эволюция хозяйственных укладов сопровождается изменением содержания ключевого отношения собственности, определяющего характер производных экономических отношений, а именно: доминирование собственности на труд и землю (доиндустриальная экономика) замещается доминированием собственности на капитал (индустриальная экономика) и собственности на информацию, или интеллектуальной собственности (постиндустриальная экономика, функционирующая как экономика, основанная на знаниях). При этом в качестве объекта правомочий собственности выступают знания, которые в контексте данного исследования трактуются как информация, характеризующаяся определенным уровнем осмысления и структурированности. Информация, буду-

чи атрибутивным свойством материального мира, имплицитно содержится в результатах человеческой деятельности, что определяет преемственность форм собственности в процессе эволюционного развития хозяйственных укладов. В то же время качественными отличиями информации как объекта отношений собственности выступают ее сохраняемость в процессе потребления и воспроизводимость при стремящихся к нулю предельных издержках. Подобные атрибутивные свойства информации как объекта правомочий собственности предопределяют преодоление принципа ограниченности ресурсов, признание которого лежит в основе традиционных теорий собственности.

Рассмотрим трансформацию ключевых факторов производства (земля, труд, капитал и предпринимательские способности) в экономике, основанной на знаниях.

Земля. Анализ рынка земли как фактора производства позволяет сделать вывод о формировании нового вида рентных доходов, которые в рамках данного исследования определены как дифференциальная рента III рода и проявляется как дополнительный доход субъекта правомочий владения землей. Источником данной формы рентного дохода выступает транзакционная специфичность земли как актива, определяемая различиями в уровне информационного насыщения, а также взаимной зависимостью субъектов в рамках двусторонней организации или трехстороннего управления, реализуемых в рамках отношенческих или неоклассических контрактов.

Пример:

1. земельный участок (рента, дифференциальная рента I рода – дополнительный доход от выгодного положения земельного участка, дифференциальная рента II рода – плюс капитал (наличие коммуникаций), дифференциальная рента III рода – плюс информационное насыщение (информация о дополнительных доходах в преддверии проведения спортивных соревнований);

2. дом (рента, дифференциальная рента I рода – дополнительный доход от выгодного положения, развитой инфраструктуры, дифференциальная рента II рода – плюс

капитал (наличие евроремонта и бытовой техники), дифференциальная рента III рода – плюс информационное насыщение (умный дом).

Труд. Становление экономики, основанной на знаниях, приводит к формированию интеллектуального труда нового типа, к особым свойствам которого относятся следующие: качественное разнообразие действий, совершаемых носителями труда; отсутствие количественной равномерности и ритмичности; информационная насыщенность; распределенный характер занятости, основанный на широком использовании сетевых структур и ИКТ; высокий уровень специализации. В отличие от умственного труда, который приводит к формированию традиционной ценности, результатом интеллектуального труда в экономике знания выступает инновационная и (или) знаковая ценность, что позволяет характеризовать первый как исполнительский труд, а второй – как творческий труд, приводящий к формированию знаний в форме системных и базисных инноваций (продуктовых и процессных).

«Поскольку знания и информационные активы сегодня обрели реальность существования, доступной и важной задачей любой организации становится управление интеллектуальным капиталом. Это только первые веяния информационного века» (Т. Стюарт). [2]

Если физический труд направлен на удовлетворение потребностей низшего уровня (по А. Маслоу), а умственный труд – на удовлетворение потребностей среднего уровня, то интеллектуальный труд в экономике знания – на удовлетворение потребностей высшего уровня и мотивируется стремлением к самовыражению личности и утверждению достоинства человека. Интеллектуальный труд не может трактоваться как альтернатива физического труда, а рассматривается как результат эволюции умственного труда.

Капитал. Формой реализации интеллектуального капитала выступает социальная ценность, представленная приращением общенаучных и специальных знаний, ростом объемов человеческого капитала; экономи-

ческая ценность, представленная положительной динамикой макро- и микроэкономических индикаторов, приростом объема инновационной наукоемкой продукции.

Предпринимательство. Поиск ценной информации для формирования эффективной комбинации факторов производства выступает атрибутивным свойством предпринимательства. В то же время в экономике, основанной на знаниях, формируется самостоятельный вид предпринимательства – интеллектуальное, для которого характерны следующие признаки: способность принимать решения в условиях высокой неопределенности; перманентный целенаправленный поиск, генерация и использование новых знаний, производство с их использованием ресурсов, выполняющих функцию субститутов в отношении традиционных факторов производства; проектирование институтов, которые ограничивают доступ к информации; способность к имплантации в состав ценностей потребителей потребность в инновационной и символической ценности продукта функционирования предпринимательской организации (интеллектуально ориентированный маркетинг); способность эффективно использовать интеллектуальный капитал предпринимательской организации на основе создания адаптированного к особенностям предприятия механизма управления нематериальными активами и интеллектуальной собственностью как их составной частью.

Таким образом, трансформация сущности традиционных факторов производства приводит к формированию новой формы дохода информационной ренты, которая в зависимости от характера факторного рынка, претерпевающего по Шумпетеру «созидательное разрушение», [3] реализуется как инфрамаржинальная рента субъектов капитала, дифференциальная земельная рента III рода, интеллектуальная рента субъектов предпринимательства и субъектов труда.

Признание информации в качестве атрибутивного свойства живых и неживых объектов материального мира приводит к необходимости учета данного положения при разработке институциональных проектов,

реализация которых позволит сформировать институты, обеспечивающие эффективный отбор информации экономическими агентами.

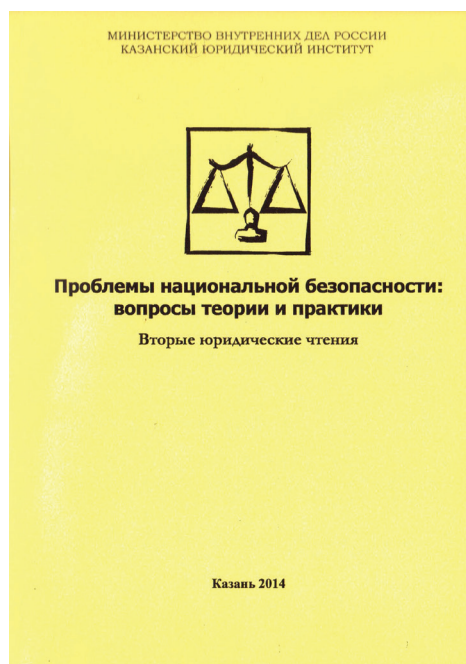
Таким образом, использование принципов и положений субстанциональной концепции информации к трактовке процессов и явлений экономики, основанной на знаниях, подтвердило тезис об изменении со-

держания экономических законов и закономерностей в результате повышения уровня информационного насыщения и интеллектуализации воспроизводственных отношений, их субъектов и объектов, а также позволило сформулировать формы и методы проектирования ее институциональной среды, направленные на повышение эффективности выбора экономических агентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевко Н.Р. Информационная революция: «созидательное разрушение» // Вестник КЮИ МВД России. Вып. 4(6). 2011. С.95.
2. Стюарт Т. Новая постиндустриальная волна на Западе / ред. В.Л. Иноземцев. М.: Academia, 1999.
3. Шумпетер Й.А. История экономического анализа // в книге Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. I. М.: Экономика, 1998. С.248-284.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики. Вторые юридические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России 5 июня 2014 года. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 263 с.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД РФ, практических работников ОВД, всех, кто изучает современные проблемы борьбы с преступностью.

Н.Ш. Насибуллина

**ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА
Р. МИННУЛЛИНА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
ВОСТОКА И ЗАПАДА**

В статье представлен генологический анализ лирики современного татарского поэта Р. Миннуллина, сумевшего соединить в своем творчестве литературные традиции восточных и западных литератур, сохранив при этом самобытность национальной культуры.

Ключевые слова: татарская литература, типология, генологический анализ, жанр.

На литературной карте Евразийского континента существует несколько точек пересечения двух локусов словесности – Запада и Востока. Одной из наиболее крупных из этих точек является татарская литература, которая может быть смело охарактеризована как плавильный тигель, в котором в единый художественный монолит объединены литературные традиции Востока и Запада.

В вытканном своеобразием истории татарской литературы полотне современной республиканской поэзии особо выделяется фигура народного поэта РТ Роберта Мугалимовича Миннуллина, художественный багаж которого в полной мере отражает все это своеобразие, формирующее национальную специфику татарского поэтического слова. Р.М. Миннуллин сегодня известен как автор стихов и песен, публицист, один из ведущих детских поэтов страны. Тиражи его книг перевалили за миллионную отметку, произведения Р. Миннуллина переведены на многие языки мира.

Лирика Р. Миннуллина, несмотря на свою современность, очевиднейшим образом коррелирует с традициями восточной литературы, эстетика которой была императивна для татарской словесности вплоть до XX столетия: как пишет Л.Г. Фризман, «история жанра – это всегда рассказ не только о значении новаторства, но и о силе художественных традиций. Показывая своеобразие каждой эпохи, жанры вместе с тем как бы скрепляют историю литературы в единое целое, позволяют видеть связи меж-

ду разными, порой далеко отстоящими друг от друга этапами художественной эволюции». [9, с.3] Для иллюстрации озвученного тезиса обратимся к одному из известнейших стихотворений поэта «Всегда красива моя Мама» («Һаман чибәр минем энкәй»). Идейная структура этого показательного произведения строится именно на снятии какого-либо контраста между прошлым и настоящим:

Күзләренә карыйм – алар
Мин белгәндәге килеш.[...]

Сизәм мин – аның жанында

Тынмаган әле давил.

(Смотрю в глаза ей – они

По-прежнему такие, какими я их знал.[...]

Чувствую я – в ее душе

Не смолкла еще буря).

(Смысловый подстрочный перевод выполнен нами – Н.Н.)

Исключительно важной является стабильность функционирования выявленной нами темпоральной основы жанровой системы поэзии Р. Миннуллина – достаточно попытаться применить полученные нами результаты к генологическому анализу элегии – жанра, поэтика которого, пожалуй, наиболее тесно связана с категорией времени, на что, к примеру, указывает Е.М. Ефремова при исследовании другой тюркской литературы – якутской: «Своеобразие авторского «я» в элегии сосредотачивается на раскрытии идеи времени». [4, с.228] Тематически стихотворение Р. Миннуллина «Элегия» входит в контекст «клад-

бищенской» поэзии, занимавшей прочные позиции в западноевропейской и русской литературах предромантизма и романтизма. Казалось бы, мы наблюдаем диалог с жанровой традицией Запада, причем одной из самых давних и устойчивых – первый образец «кладбищенской элегии» был создан еще в 1751 году («Элегия, написанная на сельском кладбище» Томаса Грея). Безусловно, данный диалог имеет место быть, без него немыслима татарская литература современности, однако следует выделить в первую очередь тот факт, что мы имеем дело с синтезом двух традиций – сугубо европейская жанровая форма приобретает восточное содержание с точки зрения поэтической ментальности: при сопоставлении анализируемого произведения с элегиями Грея в Англии, Ламартина во Франции, Жуковского или Якубовича в России становится очевидным, что хронотоп стихотворений (в этом двуедином понятии нас в первую очередь интересует «хронос» (время): как писал Михаил Бахтин, «хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [3, с.234] выстраивается вокруг двух совершенно разных архетипов – общеевропейского архетипа «Меланхолия» и национального архетипа «Моң» («Сагыш»). И если хронотоп, детерминированный первым из них, стремится к энтропии (в частности, известный казанский литературовед А.Н. Пашкуров отмечает, что «дробится, распадается [...] хронотоп в элегии Якубовича», [8, с.150] то в стихотворении Р. Миннуллина явственно проявляется тенденция к сохранению его единства, что свидетельствует о трансформации самого жанрового ядра «кладбищенской элегии», которое вполне закономерно формируется уже отмеченным нами лейтмотивом «sictransit»:

Гомер үткән.

Син юкка да күптән.

Үзем хәзер эти булырлык.

Әнкәй генә елаштыра менә...

Тулырлык шул күнел, тулырлык.

(Жизнь прошла.

И с твоего ухода минуло много времени.
Мне и самому уже в пору становится отцом.
Только вот Мама плачет время от времени...

Есть от чего горевать, есть).

(Смысловый подстрочный перевод выполнен нами – Н.Н.)

Как видим, пока лирический герой мыслит в традиционном для данного жанра русле семантического противопоставления прошлого и настоящего – фразы «Жизнь прошла. / И с твоего ухода минуло много времени» реализуют в художественном пространстве разработанную еще Блаженным Августином идею темпоральной изменчивости, которая легла в основу западного хронотопического мышления. Однако в последней строфе, находящейся в сильной смысловой позиции, происходит отрицание, преодоление данной идеи, что с особой отчетливостью демонстрируется при рассмотрении корреляции жанровой поэтики с поэтикой тропа:

Безнең өчен – балаларын өчен

Йөрер чагың да бит куанып...

Сагышыннан сары чәчкә аткан

Каберендәгә сәрви куагы.

(За нас – за детей своих

Сейчас пришла пора тебе радоваться...

От печали твоей расцвел желтым цветом

Куст акации на твоей могиле).

(Смысловый подстрочный перевод выполнен нами – Н.Н.)

Как видим, поэт завершающей строфой вводит в тропическую структуру произведения психологический параллелизм, имеющий в своей основе древнейший мотив – отождествление «того или другого дерева, растения с жизнью человека»: известна еще египетская легенда, в которой «герой помещает свое сердце в цветах акации». [3, с.105]

Обращением к древнейшему из существующих поэтических тропов (см. работу А.Н. Веселовского «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля», на которую мы уже ссылались) Р. Миннуллин не просто превращает дистанцию между прошлым и настоящим в семантически значимую лакуну, более того, он этим не только эстетически, но нрав-

ственно для него значимым актом (не будем забывать, что в стихотворении автор говорит о своем отце) манифестирует тот факт, что татарская поэзия, в полной мере освоив европейские жанровые формы, оперирует ими с позиций, детерминированных национальным менталитетом, который сложился в рамках цивилизации Востока.

Итак, выявив специфику жанрового мышления Р. Миннуллина, мы можем перейти к типологической систематизации жанров его поэзии. При проведении подобной систематизации необходимо отталкиваться от положения, согласно которому жанр является категорией ретроспективной, то есть любой жанр, будучи «устойчивой типологической целостностью», [5, с.86] концентрирующей весь опыт исторического развития литературы, в то же время в каждой отдельной авторской художественной системе обретает индивидуальное своеобразие, вбирает в себя что-то неповторимо новое. Исходя из этого, краеугольным камнем жанровой типологии как таковой должно стать понятие диалогичности: как было нами показано на примере творчества Р. Миннуллина, диалог может происходить между различными цивилизационными лок usernameами художественности – для татарских поэтов и писателей актуален диалог между Западом и Востоком (и в этом проявляется своеобразие татарской литературы, так как для многих национальных литератур определяющим является диалог между Севером и Югом: на Западе, к примеру, шотландская литература формировалась в диалогических отношениях с «южной» английской; на Востоке, например, литературы Камбоджи, Непала или Тибета складывались под влиянием «северной» китайской и «южной» индийской литератур, и было продемонстрировано, что характерные для европейской и русской литератур жанровые формы в поэзии Р. Миннуллина обретают восточное жанровое содержание. Не менее значим для жанровой типологии и диалог автора с той литературной традицией, к которой он принадлежит: он может отвергать, деформировать или трансформировать как элементы жанрового содержания, так и целые жанро-

вые формы или, напротив, может активно их использовать в традиционном ключе.

Для творчества Р. Миннуллина свойственен диалектический подход к данному вопросу: применительно к ряду жанров (мадхия, марсия и т.д.) можно говорить о прямой рецепции жанровой традиции, тогда как другие жанры подвергаются активному переосмыслению, трансформации – к примеру, на базе одного из древнейших жанров – сказки – поэтом был сконструирован новый уникальный жанр «кечкенэкият».

С категорией диалогичности непосредственно соотносится такое понятие, как коммуникативность, которая в художественном мире Р. Миннуллина приобретает статус жанровой константы: для его поэзии онтологически значим контакт с читателем, именно в соприкосновении с читательской психологией зарождаются узловые элементы этико-аксиологического наполнения различных жанровых форм, что наиболее отчетливо видно на примере его произведений для детей, в которых воссоздается целая вселенная, воспринятая, пользуясь очень точным выражением Б. Вайнера, «с точки зрения ребенка». [2, с.3] Слово «вселенная» использовано нами не случайно: на примере уже названного жанра «кечкенэкият» (обратимся здесь к «Маленькой сказке о шурале, о деде Тылсынчы и мальчишках, вновь о шурале» («Шүрәләләр турында, Тылсынчы бабай турында һәм малайлар турында, тагын шүрәләләр турында кечкенэкият») мы видим, что созданный поэтом мир в принципе не имеет границ в силу своей хронотопической многоуровневости, которая отчетливо коррелирует с постмодернистской фрагментарностью как способом организации повествования. Таким образом, поэтика жанра интегрирует творчество Р. Миннуллина в постмодернистский литературный дискурс. В точности подобного вывода нас убеждает и один из главнейших аспектов жанрового содержания произведений, относящихся к генологической группе, объединяемой термином «кечкенэкият», – экологическая тематика, находящая параллели в экологической эстетике постмодернизма, которая «своими

специфическими средствами исследует глобальную проблему взаимосвязей человека и природы в контексте культуры» [8, с.238] – проблему, которую можно назвать одной из центральных в «маленьких сказках» Миннуллина.

Возвращаясь к вопросу о коммуникативности поэзии Р. Миннуллина, следует попытаться определить ее истоки. Как нам кажется, в качестве таковых может быть названа общественная и политическая деятельность «поэта-депутата», как часто

называют Р. Миннуллина, так как своего рода «привычка» диалога с избирателями, с людьми, которые вверяют политику своей судьбы, неминуемо должна наложить свой отпечаток и на художественное мышление человека, который готов возложить на алтарь Аполлона все, кроме стремления служить своему народу. История знает немало таких людей – Гете в Германии, Ван Мэн в Китае, Тютчев в России и вот – Роберт Миннуллин в Татарстане.

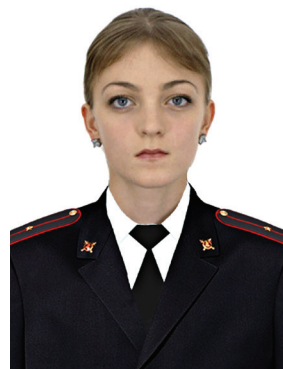
ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234.
2. Вайнер Б. С солнцем наперегонки // Известия Татарстана. 1994. 15 апр.
3. Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С.105.
4. Ефремова Е.М. Типы лирических субъектов в поэзии Леонида Попова в аспекте жанровой характеристики // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С.228.
5. Заманский Л.А. О системе жанров в поэзии социалистического реализма. (На материале советской поэзии 30-х годов) // Проблемы реализма. Выпуск IV. Вологда, 1977. С.86.
6. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. С.238.
7. Миннуллин Р.М. Әсәрләр: 7 томда: Т. 7. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007.
8. Пашкуров А.Н. Из истории поэтики меланхолии в русском предромантизме (опыт комплексного анализа элегий А. Якубовского [sic! Так у автора. Примечание наше – Н.Н.] «Ночь» и Е. Смагина «Месяц») // Philologos. 2009. № 5. С.150.
9. Фризман Л.Г. Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М.: Наука, 1973. С.3.

О.В. Артюшина

М.-В. Е. Толстая

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВИНОВНОГО ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКОВ ДАВНОСТИ

В статье рассматривается реализация принципа справедливости при освобождении виновного от уголовной ответственности по истечении сроков давности. Авторами предлагаются изменения в действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, сроки давности, принцип справедливости.

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [1] указано, что посредством применения норм главы 11 Уголовного кодекса Российской Федерации (Освобождение от уголовной ответственности) реализуются принципы справедливости и гуманизма. Освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица).

Специалистами широко обсуждаются вопросы соотношения данных принципов при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, анализируется обоснованность освобождения в данном случае виновного. В частности, в учебной литературе отмечается, что привлечение к уголовной ответственности через значительное время после совершения преступления становится вследствие отпадения общественной опасности лица несправедливым, превращается в необоснованный акт возмездия, мести. И поэтому привлечение к уголовной ответ-

ственности после истечения сроков давности противоречит принципам уголовного права и уголовно-правовой политики страны. Отмечается также, что нормы уголовно-правового института давности основываются на гуманистической идее, согласно которой угроза уголовной ответственности не может довлеть над человеком в течение всей его жизни. [2]

Высказываются и противоположные точки зрения. Так, по мнению В. Мальцева, освобождение лица от ответственности за давностью лет во многом основано на утрате лицом, совершившим когда-то преступление, своей общественной опасности. Если же такой утраты нет, а общественная опасность лица с каждым вновь совершенным преступлением лишь возрастает, то по существу отсутствуют и основания для его освобождения от уголовной ответственности, пусть и за преступление, совершенное достаточно давно. Такое освобождение, пишет автор, входит в противоречие с задачами уголовного права, нарушает права и интересы пострадавших. [3]

Можно согласиться с вышеизложенным. Действительно, освобождение от ответственности без наличия «материальных» оснований, таких, как утрата лицом обще-

ственной опасности и т.п., является прямым нарушением принципа справедливости, о чем свидетельствуют материалы судебной практики.

Так, например, в приговоре от 15 марта 2000 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан признала виновным Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в», «д», «к», «н» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 132, ч. 1 ст. 244 УК РФ и установила следующее. 8 июля 1997 года между 12.00 и 14.00 ч. Г. в состоянии смешанного (алкогольного, наркотического и медикаментозного) опьянения в саду коллективного предприятия «Нурлатский», расположенного на окраине села Нурлаты Зеленодольского района Республики Татарстан, совершил убийство малолетней А., 1989 г.р., заведомо для виновного находящейся в беспомощном состоянии в силу ее малолетнего возраста. При этом Г. душил потерпевшую А. руками, отчего она скончалась от развившейся асфиксии. После этого Г. совершил над трупом действия сексуального характера.

Далее 11 сентября между 9.00 и 11.00 ч. Г. в состоянии смешанного опьянения совершил насильственные действия сексуального характера и убийство малолетнего И., 1994 г.р., который зашел к виновному в сарай. При этом Г. умышленно в течение не менее 5 минут душил потерпевшего, закрывая рот и нос ладонью, и одновременно совершал с потерпевшим насильственный акт мужеложства. В результате умышленных действий виновного потерпевший И. скончался на месте от механической асфиксии.

В определении от 26 сентября 2000 года суд вышестоящей инстанции постановил приговор в отношении Г. в части его осуждения по ч. 1 ст. 244 отменить и производство по делу прекратить за истечением срока давности. А также исключить осуждение Г. по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В остальном приговор оставить без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения. Суд пояснил, срок давности применения ч. 1 ст. 244 в соответствии со ст. 78 УК РФ истек, поэтому приговор в этой части обвинения подлежит отмене, а

производство – прекращению. [4]

Исходя из положений действующего законодательства суд обоснованно освободил Г. от уголовной ответственности за действия, предусмотренные ч. 1 ст. 244 УК РФ. Данное деяние, согласно ст. 15 УК РФ, признается преступлением небольшой тяжести. В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истек срок – 2 года. А в данном случае со дня совершения преступления до судебного решения по делу прошло около 3 лет, следовательно, срок давности применения ч. 1 ст. 244 УК РФ истек.

Однако нельзя не заметить попираания принципа справедливости в данном случае. Обнаруживается явный дисбаланс (отсутствие необходимого соответствия) между мерами уголовного принуждения, с одной стороны, и характером, степенью общественной опасности деяния, характеристики личности виновного, с другой.

Можно привести еще один пример. Гражданин А. около 18 часов 30 минут, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вблизи дачного участка, после совершения убийства гражданки М., удостоверившись, что она мертва, перенес тело убитой М. в заброшенный дачный дом, где положил тело М. на кровать и с целью глумления совершил над ее трупом действия сексуального характера в естественной и извращенной форме, в том числе с использованием дополнительного предмета в качестве орудия преступления – разводного ключа. После этого виновный скрылся с места преступления.

Суд квалифицировал его действия по п. «д» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 244 УК РФ. Однако в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 244 УК РФ, относящегося к категории преступлений небольшой степени тяжести, и руководствуясь п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ суд постановил: прекратить уголовное преследование в отношении А. по ч. 1 ст. 244 УК РФ, так как со времени совершения преступления прошло более двух лет. [5]

Известно, что регламентация института давности связана с тем, что по истечении определенного срока с момента совершения преступления существенно снижается его социальная опасность. Однако нельзя признать, что социальная опасность вышеуказанных деяний в изложенных примерах судебной практики снизилась. Равно как не снизилась бы и социальная опасность актов каннибализма и других манипуляций с трупом после убийства. Налицо пробел в уголовном законодательстве. Вместо адекватного в таком случае усиления уголовной ответственности происходит освобождение от нее виновного. [6]

В УК РФ предусматривается освобождение виновного от уголовной ответственности и соответственно от наказания по формальному истечению сроков привлечения к ней. Так, основанием освобождения виновного и неприменения к нему необходимых мер в соответствии с принципом справедливости в данном случае выступают не фактические обстоятельства деяния, не положительная оценка личности человека, совершившего преступление, не его социально одобряемое, позитивное поведение после совершения преступления, а факт истечения установленного законодателем времени.

По общему правилу освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности выступает как безусловная обязанность суда (за исключением случаев решения данного вопроса, когда за преступление законодателем предусмотрены смертная казнь (не применяется, заменяется на пожизненное лишение свободы) или лишение свободы). Следовательно, суд обязан освободить виновного даже в случае, когда общественная опасность, обстоятельства совершения преступления и (или) особенности личности виновного приводят к выводу об отсутствии достаточных (не юридически закрепленных – формальных, а реальных, этических, нравственных, социально значимых – материальных) оснований освобождения данного лица от уголовной ответственности. [7]

Таким образом, в рассмотренных случаях наблюдается перевес принципа гуманиз-

ма над принципом справедливости. Между тем представляется, что каждый из данных основополагающих положений уголовного законодательства имеет самостоятельное фундаментальное значение, является незыблемым и поэтому не должен быть попоран никаким другим.

Представляется, что в целях совершенствования законодательства об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и практики его применения следовало бы изменить правовую природу этого вида освобождения и отнести его к праву, а не к обязанности суда. Такой поход позволил бы обеспечить необходимое равновесие между принципами справедливости и гуманизма.

Исходя из этого, целесообразно изложить в иной редакции статью 78 УК РФ, пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», а также пункт 20 постановления признать утратившим силу.

Статью 78 УК РФ следует изложить в следующей редакции:

«Статья 78. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности

1. Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли следующие сроки:

а) два года после совершения преступления небольшой тяжести;

б) шесть лет после совершения преступления средней тяжести;

в) десять лет после совершения тяжкого преступления;

г) пятнадцать лет после совершения особо тяжкого преступления.

2. Сроки давности исчисляются со дня совершения преступления и до момента вступления приговора суда в законную силу. *Течение давности прерывается, если до истечения указанных сроков лицо совершит новое преступление, за которое по настоящему Кодексу может быть назначено лишение свободы на срок свыше двух лет.*

Исчисление давности в этом случае начинается с момента совершения нового преступления.

3. Течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда. Течение сроков давности возобновляется в случае совершения лицом нового умышленного преступления.

4. *Утратил силу.*

5. К лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, предусмотренные статьями 353, 356, 357 и 358 настоящего Кодекса, сроки давности не применяются».

2. В тексте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»: пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» целесообразно изложить в следующей редакции:

17. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности возможно с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного.

Под днем совершения преступления, с которого начинается течение и исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует понимать день совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (часть 2 статьи 9 УК РФ);

пункт 20 постановления признать утратившим силу.

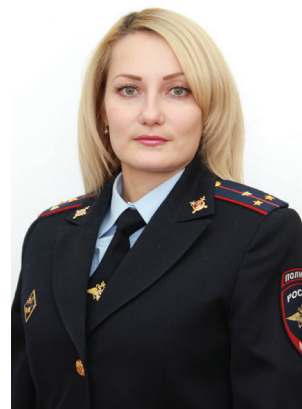
ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1997. С.431; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С.435-436.
3. Мальцев В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовное право. 2006. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Архив Верховного Суда Республики Татарстан, 2010, д. № 02п01/37-2010.
5. Постановление Центрального районного суда г. Новокузнецка от 23 мая 2012 года // Справочно-правовая онлайн-система по федеральному и региональному законодательствам Российской Федерации «Право.ru» (для iPad, iPhone, Android, Windows 8 и WindowsPhone).
6. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С.87.
7. Сабанин С.Н., Гришин Д.А. Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2. С.64

И.В. Садыкова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

В статье анализируется состязательность сторон как один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, законодательно закреплённого впервые в уголовно – процессуальном кодексе Российской Федерации. Особое внимание уделено функции обвинения на стадии досудебного разбирательства. В результате автор приходит к выводу о наличии пробелов в законодательстве по вопросам состязательности уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: принцип, состязательность, законные интересы, обжалование, сторона обвинения, сторона защиты, совершенствование.

Согласно статье 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. [1]

Одним из главных принципов, обеспечивающих указанное назначение, является принцип состязательности сторон. Данный принцип нормативно закреплён в статье 15 УПК РФ, его реализация осуществляется путем применения на различных стадиях уголовного судопроизводства специальных норм.

Принцип состязательности предполагает согласно части 1 этой статьи осуществление уголовного судопроизводства на основе состязательности сторон, согласно части 4 этой статьи стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Согласно части 3 этой же статьи суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Таким образом, по мнению законодателя, главным гарантом обеспечения принципа состязательности сторон, в том числе и в досудебном производстве, является все-таки суд. [2]

Таким образом, законодатель закрепил в УПК РФ общую норму права, которая призвана обеспечить равноправный доступ к правосудию как стороны обвинения, так и

стороны защиты.

Для единообразного применения и реализации общей нормы права законодатель должен создать условия путем более детальной ее регламентации в специальных нормах. При этом общая и специальная норма, не противореча друг другу, должны преследовать единой цели. Также важным условием является такая конструкция этих норм, когда законодатель не оставляет правоприменителю возможности толкования специальной нормы по своему усмотрению в противовес общей. [3]

Принцип состязательности, как один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, законодательно закреплён впервые в УПК РФ 2001 года. Несмотря на то, что с момента принятия данного кодифицированного закона прошло более 10 лет, его нормы, регламентирующие обеспечение данного принципа, находятся на стадии развития и, как показывает практика, требуют совершенствования. [4] Основные элементы состязательности сторон закреплялись и в ранее действующем УПК РФ, но равноправие сторон осуществлялось и обеспечивалось судом на стадии судебного рассмотрения уголовного дела.

В ныне действующем УПК РФ принята попытка создания условий для обеспечения судом принципа состязательности сторон и на стадии предварительного расследова-

ния, предусмотрен его механизм. Так, законодателем закреплена совокупность норм, образующих институт судебного обжалования решений и действий органов предварительного расследования, прокурора. Однако законодатель рассмотрел этот вопрос односторонне. С учетом того, что одним из элементов принципа состязательности является равноправие сторон, встает вопрос: почему же другая сторона, в данном случае сторона обвинения, не обладает аналогичными правами. Так, на современном этапе развития уголовного судопроизводства России, некоторая часть граждан, в том числе адвокатов в погоне за своими денежными гонорарами, широко используя свои права по защите в том числе незаконно охраняемых интересов, используют в качестве рычага противодействия законной деятельности стороны обвинения институт обжалования, разбрасывая не только суды, но и различные правоохранительные органы своими жалобами; таким образом, злоупотребляя своим правом (на практике имеются случаи, когда участник уголовного судопроизводства со стороны защиты ежедневно обращается с жалобами, пока ведется расследование дела). При этом согласно действующему УПК РФ сторона обвинения не имеет правовых оснований для судебного обжалования действий стороны защиты. Тем самым судебные органы лишены возможности обеспечения принципа состязательности по инициативе стороны обвинения, тогда как сторона защиты может выступить с такой инициативой согласно главе 16 УПК РФ. Таким образом, необходимо установить в уголовно-процессуальном законе такую процедуру и механизм, когда обе стороны (как в целом, так и все его участники) имели бы равные права при доступе к правосудию. [5]

Как показывает складывающаяся правоприменительная практика, у стороны обвинения в лице следователя или руководителя следственного органа отсутствуют четко регламентированные уголовно-процессуальным законом правовые основания для доступа к правосудию при обжаловании его решений или действий стороной защиты.

Так, согласно статье 127 УПК РФ жало-

бы на решения суда, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, приносятся в порядке, установленном главами 45.1 и 47.1 настоящего кодекса. Согласно статье 389.1 УПК РФ в числе лиц, имеющих право на апелляционное обжалование, не указаны следователь и руководитель следственного органа; хотя согласно части 3 статьи 125 УПК РФ участие следователя и руководителя следственного органа при рассмотрении судом первой инстанции жалобы предусмотрено. Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство не конкретизировало наделение сторон равными правами даже при доступе к правосудию по инициативе стороны защиты на стадии предварительного расследования, что противоречит принципу состязательности, установленному этим же законом.

Данная ситуация позволяет суду толковать статью 389.1 УПК РФ относительно лиц, имеющих право на обжалование, по своему усмотрению и не допускать к правосудию следователя и руководителя следственного органа. В числе этих лиц указан государственный обвинитель и прокурор, которые являются участниками уголовного судопроизводства на стороне обвинения, которые также призваны осуществлять функцию обвинения. Однако эти лица представляют интересы обвинения на иных, чем предварительное расследование, стадиях уголовного судопроизводства. На стадии же досудебного производства прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью предварительного следствия, то есть реализует не функцию обвинения, а лишь наблюдения (надзора). Следовательно, задачи, решаемые следователем и прокурором, на этой стадии, различны.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что на стадии досудебного производства сторона обвинения не только не наделена правом обжалования действий стороны защиты, но и не имеет равных прав при обжаловании ее действий в суд противоположной стороной. Следовательно, такая конструкция процессуального закона не позволяет говорить о наличии

полноценного института состязательности сторон, что создает условия для принятия судом угодных стороне защите решений, тем самым противодействия «в рамках закона» осуществляемой от имени государства функции уголовного преследования, являющейся одной из частью и начальной стадии функции обвинения.

Согласно УПК РФ функцию обвинения на стадии досудебного разбирательства также осуществляет потерпевший, его представитель, гражданский истец. Однако в УК РФ имеется ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений, в ходе которых ущерб причиняется исключительно интересам государства (к примеру, статья 171 УК РФ). [6] По уголовным делам этой категории преступлений вообще отсутствует участник уголовного судопроизводства, осуществляющий функцию обвинения

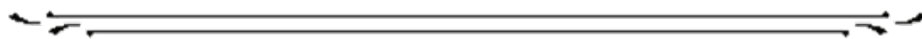
и представляющий сторону обвинения от начала производства до его завершения, в отличие от стороны защиты, которая имеет возможность такого участия и выполнения своей роли.

В связи с этим требует внесения изменений и пункт 1 части 1 статьи 6 УПК РФ, в котором необходимо предусмотреть не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и государства, регламентировав также порядок представления интересов в деле соответствующими органами от имени государства.

Наличие вышеуказанных пробелов законодательства свидетельствует о не совершенности его норм, регламентирующих вопросы состязательности уголовного судопроизводства, что требует разработки и внесения изменений в УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 177 ФЗ (УПК РФ) (с изменениями и дополнениями).
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.И. Радченко. М.: Юстицинформ, 2003. 1040 с.
3. Ефимичев С.П. Расследование преступлений, теория, практика, обеспечение прав личности. М.: Юстицинформ, 2009.
4. Александров А.С., Никонов М.А. К основаниям теории доказательств в состязательном уголовном процессе// Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 2. С.72-73.
5. Спирин А.В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4. С.63-69.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года № 63 ФЗ (УК РФ) (с изменениями и дополнениями).

В.А. Иванов

**МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ
ОБЕСПЕЧЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
(ПУБЛИЧНОЙ) ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

В данной статье автором предпринимается попытка проанализировать процесса межведомственного взаимодействия при обеспечении антикоррупционной безопасности деятельности органов государственной (публичной) власти на примере Республики Татарстан

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, должностные преступления, антикоррупционная политика, взаимодействие, безопасность.

От того, насколько защищены от любых негативных воздействий органы государственной власти (исполнительная и законодательная) зависит эффективность государства в целом, что в свою очередь влияет на общее состояние национальной безопасности и как, следствие, на уровень жизни населения в государстве.

Анализ опубликованных статей и монографий отечественных ученых и практиков, посвященных научным исследованиям проблем межведомственного взаимодействия, как одного из средств обеспечения антикоррупционной безопасности показывает, что до сих пор за рамками исследований остается ряд вопросов затрагивающих сферу межведомственного взаимодействия правоохранительных органов с иными институтами власти.

До настоящего времени было очень мало работ, посвященных сущности и принципам ее осуществления, а также видам ее возможных организационных форм, посредством которых целесообразно осуществление сотрудничества субъектов антикоррупционной политики.

Являясь одной из самых важных проблем любого современного государства, в том числе и России, коррупция, безусловно, оказывает негативное воздействие на состояние общей национальной безопасности России. А положительная динамика, с которой коррупция развивается и внедряется

в процессы деятельности органов государственной власти, свидетельствует о наличии острых проблем, связанных с разработкой стратегии, методов и направлений обеспечения национальной безопасности, а именно антикоррупционной безопасности, государственных чиновников всех уровней.

Именно поэтому актуальность совершенствования мер обеспечения антикоррупционной безопасности в деятельности органов государственной исполнительной власти выходит на первое место.

Как жизненно необходимый фактор существования, безопасность – это одна из первейших потребностей человека в защищенности от экономических, социальных, политических, духовно-нравственных, экологических, военных и других опасностей, угрожающих его жизни и здоровью, имуществу, фундаментальным гражданским ценностям – демократическим свободам и правам человека. [1] Именно безопасное существование является одной из причин возникновения государства.

Вместе с тем история свидетельствует о том, что достичь такого состояния в его идеальном виде ни одному отдельному человеку, ни различным обществам, ни государству, ни человечеству до сих пор не удалось. [2]

Говоря же о понятии «антикоррупционная безопасность», следует заметить, что это относительно новая научная категория, раз-

рабатываемая преимущественно в направлении правовой сферы, рассматривающей меры обеспечения общей безопасности. [3]

Несмотря на то, что все, связанное с изучением коррупции, в настоящее время имеет более чем актуальную направленность, само понятие антикоррупционной безопасности в контексте обеспечения безопасности сферы деятельности должностных лиц остается до-вольно неопределенным.

Так, профессор П.А. Кабанов определяет данное понятие как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от коррупционной деятельности». [4]

С данным определением соглашается и А.А. Иванова, но с оговоркой, полагая, что нельзя сравнивать с деятельностью коррупции, поскольку деятельность – это относительно длительный процесс, который представляет собой определенный труд, определенный процесс создания чего-либо положительного. По ее мнению, антикоррупционная безопасность – это скорее всего стратегический путь развития с целью создания определенного уровня защиты от коррупционного воздействия. [5]

В свою очередь профессор А.В. Нестеров определяет коррупционную безопасность относительно нормативно-правовых документов, именуя их «продуктами власти», то есть как «состояние данных продуктов, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с уменьшением или уничтожением конституционных свобод и прав человека или законных интересов граждан и их организаций». [6] Очевидно, «риск» в данном контексте подразумевает вероятность совершения коррупционных правонарушений, в результате которых могут быть финансовые, имущественные потери, причинен вред деловой репутации.

Между тем основные направления, связанные с созданием системы антикоррупционной безопасности, включая и правовую защиту, призваны оградить сотрудников (должностных лиц) любой государственной структуры от противоправных действий, а также от возможного возникновения у них коррупционных мотиваций, поскольку

ку обеспечение безопасности деятельности должностных лиц, чья работа призвана обеспечить бесперебойное и эффективное функционирование государственного механизма, является неотъемлемой составной частью деятельности любого государства.

Следовательно, состояние защищенности (защиту) можно определить, как умение и способность государства как единой системы надежно противостоять любым попыткам криминальных структур, имеющих целью нанесение ущерба законным интересам общества.

В связи с чем, с позиции уголовного права, антикоррупционную безопасность, можно определить как совокупность уголовно-правовых средств и методов, направленных на обеспечение безопасности деятельности органов государственной власти, в совокупности с установленными государством социально-правовыми гарантиями, что позволит им функционировать без ущерба для общества и государства.

Но мало выработать средства и методы, крайне важно, чтобы их применение приносило эффективные результаты. Во-первых, применительно к процессу обеспечения антикоррупционной безопасности уголовно-правовыми средствами, их эффективность достигается путем создания правового барьера, призванного не допустить проникновение и соответственно возникновение коррупционной мотивации у должностного лица. Во-вторых, основная их функция – выявление коррупционных деяний на ранней стадии, с тем чтобы не дать им распространиться и, соответственно, причинить больший ущерб.

В первом случае роль правового барьера выполняет уголовное законодательство, которое содержит в себе признаки деяний, позволяющие выделить преступления коррупционной направленности, и тем самым «предупреждает» коррупционера о мерах, которые будут применены к нему в случае обнаружения в его действиях этих признаков.

Однако основная роль отводится мерам, направленным на выявление и пресечение коррупционных действий, и, как следствие, наступление неотвратимости наказания.

Основная проблема в процессе обеспечения антикоррупционной безопасности уголовно-правовыми средствами заключается в том, что распространенность, масштабы и значительная степень латентности коррупционной преступности, наличие у неё разветвленных международных связей делают невозможным решение проблемы усилиями одного отдельно взятого органа, например, только МВД, в рамках выявления и привлечения к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.

И вот здесь, когда у субъектов, занимающихся обеспечением антикоррупционной безопасности проявляются взаимопересекающиеся интересы, которые частично или полностью совпадают с целями их деятельности, вследствие чего и возникает необходимость во взаимодействии. То есть сам процесс взаимодействия возникает при наличии потребности одного органа в объединении усилий с другим.

Таким образом, поскольку, обеспечение антикоррупционной безопасности — это основная составляющая внутренней и внешней политики России, а ее реализация возложена на все федеральные органы исполнительной власти, поэтому именно взаимодействие является одним из условий ее успешного обеспечения.

Исходя из организационного характера, взаимодействие можно подразделить на внутреннее (взаимодействие между структурными подразделениями МВД) и внешнее, непосредственно межведомственное, с субъектами, не входящими в систему МВД.

Поэтому когда мы начинаем изучать вопросы, связанные со взаимодействием в процессе создания условий, положительно влияющих на антикоррупционную политику, то в данном контексте межведомственное взаимодействие выходит на совершенно иной уровень и представляется в ином качестве. [7]

Именно поэтому, а также ввиду того, что противодействие всем видам и формам коррупции (взяточничество, злоупотребление и превышений полномочий, расхищение бюджетных средств и незаконное использование государственного (муниципального)

имущества) является важнейшей задачей всей правоохранительной системы.

Межведомственное взаимодействие субъектов, включенных в работу обеспечения антикоррупционной безопасности, осуществляется на основе разработанных и принятых планов.

Так, например, взяв за основу проводимых мероприятий положения Национального плана противодействия коррупции, Плана МВД России на 2012-2013 гг. и Комплексной республиканской антикоррупционной программы на 2012-2014 гг. МВД по РТ разработало свой План по противодействию коррупции на 2012-2013 гг. [7]

Руководствуясь данным Планом и при непосредственном взаимодействии с такими органами, как Прокуратура РТ, следственное управление Следственного комитета РФ по РТ, Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики и иными ведомствами, общественными организациями и СМИ, в целом МВД по РТ удалось добиться значительных результатов в рамках обеспечения антикоррупционной безопасности в уголовно-правовом направлении. В первую очередь об этом свидетельствует статистика: по итогам 2013 года в Республике Татарстан выявлено 1094 преступления против государственной власти и интересов службы (18,7% к АППГ), [8] что, с одной стороны, свидетельствует об увеличении по сравнению с предыдущим периодом количества преступлений, но с другой стороны, учитывая высокую степень латентности, говорит о повышении степени выявляемости и, соответственно, увеличения уровня обеспечения антикоррупционной безопасности. Здесь хочется отметить, что крайне сомнительным будет та статистика, по результатам которой будет отмечено снижение коррупции. Поскольку в настоящее время Россия еще пока далека от идеального положения в области борьбы с коррупцией, высока степень латентности данной преступной деятельности.

Вместе с тем одно лишь планирование представляется не совсем тем средством, которое поможет улучшить эффективность

межведомственного взаимодействия в процессе обеспечения антикоррупционной безопасности. Планирование – это своего рода приглашение к деятельности, тогда как в процессе обеспечения антикоррупционной безопасности, взаимодействие, тем более внешнее (межведомственное), должно иметь под собой более крепкий правовой фундамент, основанный как минимум на законодательном уровне субъекта, то есть, говоря по-другому, основные положения о взаимодействии должны быть включены в отдельный нормативный акт.

Отсутствие единого нормативного акта, регламентирующего межведомственное взаимодействие, снижает эффективность всей работы. И хотя в отдельных законах, нормативных актах прямо предусмотрена необходимость такого взаимодействия, следует отметить, что на практике мы сталкиваемся с отсутствием единого координационного органа, о необходимости создания которого сказано в ст.5 Федерального закона «О коррупции».

В качестве попытки примера правового регулирования, на который можно обратить внимание, следует привести совместно разработанный приказ МВД и ФНС, призванный обеспечить эффективное взаимодействия между МВД и налоговыми службами. [9]

Но, несмотря на наличие правового основания, сразу же бросается в глаза, что Налоговым кодексом РФ (которым в первую очередь регламентирована деятельность ФНС) закреплена обязанность налоговых органов направлять сообщения о преступлениях, выявленных в ходе налоговой проверки, только в строго ограниченных случаях (ст. 32 НК РФ). В обязательном порядке сообщения в МВД направляются только при наличии признаков преступлений, которые должны быть связаны с невыполнением налогоплательщиком требования по оплате налога или когда налогоплательщик полностью не погасил указанную в данном требовании недоимку, размеры которой позволяют предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления (признаки преступлений, предусмотренных

ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ). Более того, например, при проведении проверок сотрудники ФНС сталкиваются с сомнительными финансовыми операциями с применением реквизитов «анонимных» фирм, целью которых является незаконное возмещение НДС или уклонение от уплаты налогов со стороны налогоплательщика. Данные финансовые операции представляют большой интерес для МВД при осуществлении антикоррупционной деятельности в рамках проверки целевого и фактического освоения бюджетных средств при исполнении подрядчиком государственного контракта.

Получается, что при проведении проверок сотрудники ФНС, сталкиваясь с более широким кругом правонарушений (в числе которых, безусловно, и с признаками преступлений коррупционной направленности), подпадающих под действие Уголовного кодекса РФ, при этом не относящихся непосредственно к налогам и сборам в отношении этих общественно опасных деяний, содержащих признаки преступления, налоговые органы наделены только правом направлять материалы по выявленным нарушениям, т.е. обозначен принцип дискретности (целесообразности, личного усмотрения), что, на наш взгляд, не совсем правильно для целей обеспечения антикоррупционной безопасности.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание это крайне ограниченный круг субъектов, привлекаемых к межведомственному взаимодействию. Как правило, это отдельные структурные подразделения прокуратуры, Следственного комитета и иных государственных органов. Отдельные общественные организации, иные ведомства и СМИ участвуют в этом постольку поскольку. Тогда как борьба с коррупцией в одиночку и лишь с незначительным привлечением сторонних ведомств значительно усложняет эту работу.

Взять, к примеру, процесс легализации преступных доходов. Поскольку основная цель коррупции – это получение сверхдохода, то их последующая легализация – это неременный атрибут любого коррупционного деяния.

Здесь огромную роль играет такое ведомство, как Федеральная служба по финансовому мониторингу, [10] взаимодействие с которой в настоящем плане МВД по РТ уделено недостаточно внимания.

А вместе с тем эффективное противодействие экономическим преступлениям, связанным с легализацией преступных доходов, в первых рядах которых, несомненно, коррупция, требует комплексного подхода к решению общегосударственных проблем их искоренения, максимально полного использования потенциала оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции и всех имеющихся в их распоряжении сил, средств и иных возможностей.

Такой перспективной формой реализации имеющихся возможностей при выявлении, раскрытии и предупреждении преступлений, связанных с легализацией преступных доходов, является взаимодействие оперативных подразделений МВД по РТ с Федеральной службой по финансовому мониторингу (территориально Республика Татарстан обслуживается Межрегиональным управлением Росфинмониторинга по Поволжскому федеральному округу). В результате совместных действий можно добиться существенного повышения эффективности мероприятий, проводимых подразделениями МВД по РТ в области выявления, предупреждения и раскрытия преступлений коррупционного характера.

Но проведенный анализ имеющейся практики взаимодействия МВД по РТ и Федеральной службы по финансовому мониторингу дают основания полагать, что вопросы организации и осуществления взаимодействия данных субъектов применительно к современным социально-экономическим и другим условиям разработаны еще не в полной мере, а эффективность самого взаимодействия так же недостаточно высока, как и с иными государственными органами.

Объективная необходимость осуществления взаимодействия между МВД и Федеральной службой по финансовому мониторингу в процессе борьбы с легализацией преступных доходов определяет потребность полу-

чения как можно более полного представления о характере проводимых финансовых операций физических и юридических лиц.

Таким образом, межведомственное взаимодействие оперативных служб двух органов, чья деятельность направлена на борьбу с коррупцией (МВД с подразделениями Федеральной службы по финансовому мониторингу), должно являться эффективным средством улучшения качества борьбы с легализацией преступных доходов, которое нуждается в четком правовом регулировании, способном обеспечить успешное выполнение комплексных задач.

То есть мы в очередной раз столкнулись с проблемой правового регулирования, что еще раз подчеркивает необходимость скорейшей разработки и принятия мер по ее решению.

В целом проведенный анализ деятельности МВД по РТ показывает недостаточный уровень взаимодействия с различными ведомствами (вне системы правоохранительных органов), более того, уже существующее взаимодействие не имеет под собой четко разработанной правовой основы. Межведомственное взаимодействие протекает крайне слабо и, как правило, заключается лишь в проведении совещаний, выездных коллегий, видеоконференций, заседаний. СМИ лишь освещают ту информацию, которую получают в свою очередь от МВД по РТ. Что не совсем обуславливает саму суть взаимодействия, которая предполагает объединение усилий для совместной деятельности и получения единого результата.

В заключение хочется отметить, что вопросы межведомственного взаимодействия должны прорабатываться применительно к деятельности каждого органа по решению конкретных вопросов, направленных на выявление и пресечение коррупционных преступлений.

В целом, для того чтобы межведомственное взаимодействие было наиболее эффективным, необходимо:

- четкое определение поставленных перед собой целей;
- разработка и принятие единого для всех нормативного акта, регламентирующего

деятельность в процессе взаимодействия, с четким распределением функций, прав и обязанностей;

- создание органа, осуществляющего координацию действий и, соответственно, повышающего эффективность совместных усилий;

- создание равноправных условий для каждого из участников при постановке и решении вопросов межведомственного взаимодействия;

- создание независимой материально-технической базы с целью исключения какого-либо давления одного из участников на других.

Следовательно, взаимодействие будет успешным при наличии должного организационного обеспечения наряду с правовым регулированием.

Для этого в первую очередь следует четко определить и связать усилия всех правоохранительных органов и организаций таким образом, чтобы их работа была нацелена на

конкретный единый конечный результат, исходя из специфики их деятельности, с учетом антикоррупционной политики государства. Поскольку от их слаженной и согласованной по времени, месту и задачам работы во многом зависит качество деятельности в целом, для достижения общей цели – обеспечения антикоррупционной безопасности в деятельности органов публичной власти, направленной на создание условий для беспрепятственного осуществления своих функций. Без сомнений, это должно быть закреплено на законодательном уровне. Именно поэтому разработка и принятие единого нормативного акта на федеральном уровне, который будет достаточно четко и полно регламентировать процессы взаимодействия с целью повышения их эффективности, а также внесение соответствующих изменений в ряд уже имеющихся законодательных актов, на данном этапе правового обеспечения межведомственного взаимодействия представляется весьма необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осипов Г.В., Дьяков С.В., Пономарев П.Г., Сенчагов В.К., Яновский Р.Г. Безопасность личности (граждан России) и социально-политическая ситуация в стране.// Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 2. Материалы научного совета при Совете безопасности Российской Федерации (октябрь 1995 года – декабрь 1997 года). М., 1998. С.31.
2. Осипов В.А. Правовая безопасность в системе национальной безопасности.// Российская юстиция. 2008. № 11. С.44.
3. Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации: монография. Н. Новгород, 2009. 153 с.
4. Бикмухамедов А.Э. Коррупция и антикоррупционная политика: Словарь-справочник. /А.Э. Бикмухамедов, Р.Р. Газимзянов, П.А. Кабанов и др.; под общ. ред. П.А. Кабанова. М.: Юрайт, 2008. 421 с.
5. См. Иванова А.А. Антикоррупционная безопасность как стратегическая цель политики противодействия коррупции и объект мониторингового контроля.// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. №24. С.74-79.
6. См.: Нестеров А.В. Об антикоррупционной безопасности.// <http://yandex.ru/yandsearch?msid>
7. Бырдин Е.Н., Воронина Ю.И. К вопросу о коррупциогенных факторах, выявляемых в результате антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.//Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 1. С.20-26.
8. Приказ МВД РФ № 371 от 20.06.2012 года.
9. Данные получены из аналитической обзорной справки МВД по РФ за 2013 год.
10. Указ Президента РФ от 13 июня 2012 года № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 25. Ст. 3314.
11. См.: совместный приказ МВД России и Федеральной налоговой службы от 30 июня 2009 года № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений»// Российская газета. 2009. 16 сентября.

Круглый стол «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции»

9 декабря, в Международный день борьбы с коррупцией, в стенах Казанского юридического института МВД России состоялся Всероссийский круглый стол «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции».

В работе круглого стола, организованного научно-исследовательским и редакционно-издательским отделом, вместе с профессорами, преподавателями и молодыми учёными вуза приняли участие преподаватели Воронежского института МВД России, сотрудники прокуратуры Республики Татарстан и МВД по РТ.

С приветственным словом к собравшимся обратился заместитель начальника института по научной работе кандидат исторических наук, доцент полковник полиции С.Н. Миронов.

В своем выступлении кандидат философских наук Павел Николаевич Курлович, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД, осветил теоретические подходы к понятию коррупции в государственном управлении.

Начальник отдела Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по РТ Ринат Касимович Акчурин, постоянный участник научных мероприятий Казанского юридического института МВД России по проблемам экономических преступлений, ознакомил участников круглого стола с результатами борьбы с коррупцией в республике по итогам 2014 года.

Старший прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства по противодействию преступлениям коррупционной направленности прокуратуры РТ Роберт Рустемович Валитов проанализировал вопросы взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией.

С докладом, посвященным проблемам оперативно-розыскных мероприятий, при выявлении преступлений коррупционной направленности выступил Вячеслав Александрович Иванов, старший оперуполномоченный по особо важным делам отдела по борьбе с преступлениями коррупционной направленности в органах государственной власти и местного самоуправления Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан. Надо отметить, что он является заочным адъюнктом института и пишет диссертационную работу по смежной теме.

Обсуждаемая тема, как и следовало ожидать, вызвала живой отклик аудитории: каждый доклад становился предметом активного обсуждения и жарких дебатов. Это неудивительно, поскольку проблемы коррупции продолжают волновать общественность.

В ходе дискуссии был рассмотрен широкий перечень вопросов. Внимание участников было

посвящено историческим, социальным, экономическим и политическим предпосылкам коррупции. Также ученые и практики остановились на вопросе правовой основы противодействия коррупции на современном этапе. Были обсуждены меры превенции коррупции в российском обществе, уделено внимание уголовно-правовым и криминологическим аспектам коррупционных преступлений. Выступление преподавателя кафедры физической подготовки Рыбалкина Д.А. сопровождалось демонстрацией плакатов по антикоррупционной тематике, подготовленных курсантами Казанского юридического института МВД России.

В 2014 году в «Вестнике Казанского юридического института МВД России» были опубликованы следующие статьи и материалы

ПРОШУ СЛОВА

Малков В.П. Наименования образовательной и медицинской организации расходятся с положениями о том же в Российской Конституции. № 4. С.6-10.

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Зиннуров Ф.К., Красильников В.И., Гайфутдинова А.М. Педагогическая коррекция начальной стадии девиантного поведения подростков. № 2. С.6-13.

Зиннуров Ф.К., Красильников В.И., Гайфутдинова А.М. Социально-культурная деятельность как средство профилактики негативных привычек и формирования здорового образа жизни у подростков на ранней стадии девиантности: личностно-деятельностный и культурологический подходы. № 3. С.6-10.

Казанцев С.Я., Красильников В.И., Гайфутдинова А.М. Мониторинг профилактики девиантного поведения подростков. № 1. С.11-15.

Комлев Ю.Ю. Модернистская интеграция: предпосылки, типы и опыт синтеза девиантологических теорий. № 1. С.6-10.

Комлев Ю.Ю. От протодевиантологических идей к классической школе: генезис, основные положения № 4. С.11-17.

Уразаева Г.И. Профессиональная деформация сотрудников полиции в аспекте эмоционального выгорания: социально-психологические условия, механизмы, особенности, факторы. № 2. С.14-20.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Андреев М.В. Концептуальные основы понимания проблематики межкультурного диалога в политико-правовой доктрине западной Европы и США. № 2. С.21-27.

Березовская Е.В. Субъекты права: теоретико-методологический анализ. № 1. С.23-28

Набиев Р.Ф. Проблемы преподавания дисциплины «История государства и права»: «евразийский» взгляд. № 4. С.18-23.

Скоробогатов А.В. Правопонимание как элемент правовой реальности. № 1. С.16-22.

Федорович Д.Ю. Вопросы совершенствования межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности. № 2. С.28-33.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Абдулганеев Р.Р. Совершенствование системы предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в сфере религиозного образования. №1. С.50-54.

Абуталипов А.Р., Илidgeв А.А. К вопросу о юридической природе преступлений против порядка управления в уголовном праве России. № 1. С.46-49.

Баранчикова М.В. К вопросу о квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. № 1. С.41-45.

Безверхов А.Г. К проблеме декриминализации экономических преступлений. №4. С.24-35.

Бытко С.Ю. О явных и латентных функциях уголовного права. № 2. С.39-43.

Варыгин А.Н., Яковлев Д.Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами (криминологический аспект). № 1. С.29-31.

Варыгин А.Н. О «ситуационной» преступности и ее особенностях. № 2. С.34-38.

Варыгин А.Н. Особенности семейно-бытовых преступлений и их предупреждения. № 3. С.30-34.

- Галахов С.С., Кубякин Е.О.** Специфика молодежного сознания и социально-групповой самоорганизации в механизме формирования молодежного экстремизма. № 2. С.49-56.
- Галахов С.С.** К вопросу о субъектах противодействия экстремистской деятельности. № 3. С.11-18.
- Грачев С.И., Товашов А.В., Завьялов А.И.** Проблемы и особенности использования информационно-пропагандистского фактора в системе антитерроризма. № 2. С.62-65.
- Грачев С.И., Завьялов А.И., Морозова А.С.** Определяющие тенденции современного и будущего в террористической деятельности. № 3. С.35-38.
- Демидова-Петрова Е.В.** Семья как институт социализации личности несовершеннолетнего преступника (на материалах Республики Татарстан). № 1. С.37-40.
- Демидова-Петрова Е.В.** Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних как одного из видов преступности в Российской Федерации. № 2. С.57-61.
- Демидова-Петрова Е.В.** Показатели преступности несовершеннолетних и молодежи в Российской Федерации. № 3. С.45-52.
- Исмагилов Р.А.** Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения. № 1. С.55-59.
- Кашкаров А.А.** Сравнительно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 368 Уголовного кодекса Украины. № 4. С.56-61.
- Миронов С.Н., Абдулганеев Р.Р.** Сущность и основные признаки религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности России. № 4. С.41-49.
- Номоконов В.А.** Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? № 1. С.32-36.
- Ольков С.Г.** Линейные и нелинейные функции уголовного наказания (на примере США) и их функции. № 3. С.19-29.
- Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е.** Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность). № 4. С.50-55.
- Шайдуллина Э.Д.** Уголовно-правовые меры борьбы с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции в зарубежных странах. № 2. С.66-70.
- Шалагин А.Е.** Актуальные направления профилактической деятельности органов внутренних дел на современном этапе. № 2. С.44-48.
- Шалагин А.Е.** Особенности квалификации и предупреждения контрабанды наркотиков. № 3. С.39-44.
- Шалагин А.Е.** Преступления в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ (уголовно-правовой и криминологический аспект). № 4. С.36-40.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА

- Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф.** Факторы, обуславливающие взаимодействие подразделений органов внутренних дел применительно к оперативно-служебной деятельности: принципы, формы. № 4. С.66-71.
- Буткевич С.А.** Специальные подразделения органов внутренних дел Украины: реалии и перспективы. № 3. С.74-81.
- Богаткина Р.Ш.** Экстрадиция в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы правового регулирования и правоприменения. № 4. С.62-65.
- Буранов Г.К.** Ограничение исключительного смягчения наказания (ст. 64 УК РФ): оправданно или нет? № 4. С.85-88.
- Илиджев А.А., Хайдаров Р.Р.** Некоторые вопросы индивидуализации наказания за преступление, совершенное в соучастии. № 3. С.62-67.
- Казанцев С.Я., Красильников В.И.** Судебно-психиатрическая экспертиза и исполнение принудительных мер медицинского характера. № 4. С.77-81.
- Казанцев С.Я., Амиров Р.Г.** Роль судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего оказания медицин-

ской помощи. № 4. С.82-84.

Малков В.П., Хайдаров А.А. Процессуальный статус постоянного судебного присутствия в составе районного и областного суда общей юрисдикции. № 3. С.53-55.

Миролюбов С.Л. К вопросу о предпосылках использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений экономической направленности. № 1. С.60-63.

Музеев А.А. Вопросы организации оперативно-розыскного предупреждения бандитизма. № 3. С.68-73.

Лукашин М.В., Огурцов А.Е. К вопросу о сущности скрытого наблюдения. № 1. С.64-66.

Фатхуллин Р.Р., Миролюбов С.Л. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела по пенициарному преступлению. № 2. С.79-83.

Хайруллин Ф.Р., Илиджев А.А. Концептуальные вопросы выделения оснований ответственности за соучастие в преступлении по российскому уголовному законодательству. № 4. С.72-76.

Юнусов А.А., Неганов Д.А. Обеспечение законности в стадии возбуждения уголовного дела. № 2. С.71-78.

Юнусов А.А. К вопросу о полномочиях суда при оценке доказательств. № 3. С.56-61.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Жуковская И.В. Маркетинговые социо-технологии в системе высшего профессионального образования: синергетический подход. № 1. С.67-70.

Кубасов О.П. Формирование правоохранительной профессионально-специализированной компетенции у курсантов (слушателей) Казанского юридического института МВД России. № 1. С.77-83.

Куликов Р.С. Индивидуальный и дифференцированный подходы в подготовке офицеров к воспитательной работе с подчиненными. № 4. С.95-98.

Мингазизова Г.Г. Образовательные возможности мультимедийных технологий в развитии коммуникативной компетенции обучающихся. № 2. С.84-87.

Набиев Р.Ф. Первый случай применения специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права (судебная бухгалтерия в XIV в.). № 1. С.71-76.

Насибуллина Н.Ш. Жанровое многообразие творчества Р. Миннуллина: литературные традиции Востока и Запада. № 4. С.109-112.

Сироткин Ю.Л. Развитие представлений о дружбе у курсантов юридических вузов (на примере КЮИ МВД РФ). № 3. С.89-93.

Тазеев Г.Г. Из опыта подготовки переводчиков - сотрудников ОВД, привлекаемых для работы на период подготовки и проведения XXII зимних Олимпийских и XI Паралимпийских игр в г. Сочи. № 3. С.94-96.

Уразаева Г.И., Власова О.В. Социально-психологические установки в профессиональном общении сотрудников полиции. № 3. С.82-88.

Хрусталева О.Н. От «языковой личности» преподавателя к «языковой личности» курсанта вуза МВД России. № 4. С.99-104.

Хуснетдинов Г.Р., Карпов Е.Н., Перов А.В. Модульно-рейтинговая система контроля знаний. № 4. С.89-94.

Шамсеева Г.Х., Валеева И.Х. Сопоставительный анализ суффиксов -er\-or в английском языке и -чы\-че в татарском языке при образовании терминов права. № 3. С.97-100.

Шевко Н.Р. Трансформация сущностного подхода к содержанию основных факторов производства в условиях информационной экономики. № 4. С.105-108.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Витвицкий С.С. Эффективность государственного контроля и условия ее повышения. № 1. С.95-99.

Грачева В.В. Устав Организации Объединенных Наций как правовой фундамент международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. № 2. С.88-93.

Григорович В.Л. Криминалистическая фотография и криминалистическая голография: сравнительный анализ. № 1. С.100-105.

Слипченко В.И. Виды правового режима информации в сфере уголовного судопроизводства Украины. № 1. С.84-89.

Шеремет О.С. Коррупция в Украине: общественная опасность и государственная политика в сфере противодействия. № 1. С.90-94.

Трибуна Молодым

Арюшина О.В., Толстая М.-В.Е. Проблемы обеспечения принципа справедливости в механизме освобождения виновного от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. № 4. С.113-116.

Астишина Т.В., Маркелова Е.В. Проблемы расследования преступлений, связанных с мошенническими действиями, совершенных с использованием средств сотовой связи. № 2. С.94-98.

Буланова А.В. Применение наглядности как средства создания коммуникативной мотивации при обучении русскому языку как иностранному. № 2. С.104-107.

Гильметдинова З.М. Лоббизм в российской и зарубежной практике. № 2. С.122-126.

Иванов В.А. Межведомственное взаимодействие при обеспечении антикоррупционной безопасности деятельности органов государственной (публичной) власти (на примере Республики Татарстан). № 4. С.120-125.

Казаченко В.В. Прохождение службы в тюремных учреждениях Казанской губернии в XIX в. - начале XX вв. № 1. С.106-114.

Мифтахова М.М. Явление прецедентности как языковой феномен. № 2. С.99-103.

Музеев А.И., Ямалеева А.Н. Некоторые аспекты применения нетрадиционных методов оперативно-розыскной деятельности. № 3. С.112-115.

Рыбалкин Д.А. Дифференциация структурных компонентов антикоррупционной позиции личности по их направленности. № 1. С.121-125.

Рыбалкин Д.А. Социокультурная среда образовательного учреждения МВД России как фактор формирования антикоррупционной позиции будущих полицейских. № 3. С.101-103.

Садыкова И.В. Актуальные проблемы состязательности сторон на современном этапе развития уголовного судопроизводства в России. № 4. С.117-119.

Соболева М.М. Обеспечение и защита прав и свобод человека в деятельности полиции России: проблемы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества. № 2. С.112-116.

Тагиров З.И. Регионально-правовой компонент как актуальная потребность ведомственной профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России. № 2. С.117-121.

Тагиров З.И., Габделхаков Б.Х. Некоторые актуальные вопросы совершенствования профессиональной служебной огневой подготовки на основе проблемного анализа современной практики применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции (на примере субъекта Российской Федерации - Республики Татарстан). № 3. С.104-111.

Усманов И.Ш., Коротина Е.А. Проблемы реализации конституционных норм социального государства. № 2. С.108-111.

Фарвазова Ю.Р. Совершенствование информационной безопасности как части антитеррористической стратегии России. № 1. С.115-120.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Малков В.П. Отзыв официального оппонента о диссертации Плотникова Александра Ивановича на тему «Объективное и субъективное в преступлении», представленной в диссертационный совет Д 212.123.01 по присуждению докторских и кандидатских диссертаций при Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 - право и криминология; уголовно-исполнительное право. № 1. С.126-132.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Итоговая всероссийская конференция института «Проблемы национальной безопасности: вопросы теории и практики». № 2. С.132-133.

Круглый стол «Личность преступника: феноменология, генезис, профилактика и реабилитация»/ № 3. С.116-117

Круглый стол «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции». № 4. С.126.

Власова О.В. Семья и формирование девиантного поведения у подростков, его профилактика средствами культурно-досуговой деятельности в городе Набережные Челны. № 3. С.121-123.

Галиев Р.В. Профилактика рецидива преступного поведения осужденных. № 3. С.124-125

Гредюшко О.П. Психологические трудности подростков. № 3. С.118-119.

Зяблова А.А. Когда еще рано в тюрьму, но уже есть за что (реабилитация девиантных подростков в условиях РСОШ им. Н.А. Галлямова. № 3. С.120.

Уразаева Г.И. Методологические принципы изучения личности преступника и преступного поведения. № 3. С.126-130.

ЮБИЛЕИ

ЯКОВУ ИЛЬИЧУ ГИЛИНСКОМУ - 80 ЛЕТ! (Комлев Ю.Ю.) № 2. С.127-128.

Наука требует всего человека: к 55-летию со дня рождения Ф.К. Зиннурова. № 2. С.129-131.

ABSTRACTS AND KEY WORDS**Malkov V.P. The names of the education and health organizations contrast with the same provisions in the Russian Constitution**

The article criticized mismatch of legal provisions about the rename of the educational and medical institutions in the organization with the Russian Constitution and civil law, as well as legal requirements to rename the educational and medical institutions in the organization's founding documents, statutes and the names of the institution in the proper organization. It's useless to spend budget and other financial and human resources on these renaming.

Keywords: educational and medical institutions, the constitutional name and organizational and legal form of the Legal entities of non-profit organizations under civil.

Komlev Y.Y. From protodeviantologic ideas to classical school: genesis, general provisions

The main milestones in the genesis of protodeviantologic ideas, historical and theoretical prerequisites for the formation of the classical school in Deviantology, its basic principles and provisions, and the value of criticism are considered.

Keywords: protodeviantologic ideas, rationalism, utilitarianism, free choice, deterrence through punishment, social contract, natural rights, prevention of crime, the model of «law and order».

Nabiev R.F. The problems of teaching of discipline «State and Law History»: «Eurasian» point of view

Historical records contain a wealth of information on the impact of, the customs and laws of the Eurasian corridor into Europe and southern civilization. Direct and indirect effects of the laws and customs of «northern barbarians» can be traced for millennia. This long-term trend is completely ignored in the history of law programs. Thus, the process of the early development of the state and law is broken into separate parts, almost devoid of relationship. The concept of the history of law is aimed at disclosing the problem of «Roman law» and its reception in the following jurisdictions. However, it does not involve the lighting principal influence «Eurasian powers» to the jurisprudence of other civilizations.

The author supposes that the development of this problem makes it possible to close the huge gap in the structure of the study of the history of law. In addition, this theme has significant educational potential listeners forming a number of positive qualities necessary for the successful implementation of service and combat missions.

Keywords: customs and laws, «northern barbarians», the concept of the history of law, «Evraziyskie power «influence economic basis, ranchers and farmers, horsemen, pisvariables codes of law, the beginnings of printing, the laws Khan Asparouh.

Bezverkhov A.G. The problem of decriminalization of economic crimes

The article presents a historical, comparative analysis of national legislation relating to criminal punishment for economic crimes. The author makes suggestions for improving the criminal policy of the state in the economic sphere.

Keywords: decriminalization of economic crimes, fraud, theft, property damage, smuggling, criminal law prohibitions in the economy.

Shalagin A.E. Crimes in the sphere of legal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances (criminal law and criminological aspect)

The article discusses the objective and subjective elements of a crime, Art. 228.2 of the criminal code. Attention was paid to the problematic issues of qualification of such criminal acts, there are examples of investigative and judicial practice. The author pays attention to the criminological characteristic of crimes in the sphere of legal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances. The proposed

measures aimed at the prevention of drug-related crimes and administrative offences are suggested

Keywords: legal turnover of drugs, drugs, drugs, precursor chemicals, psychotropic substances for medical and pharmaceutical activity.

Mironov S.N., Abdulganeev R.R. The essence and main features of religious extremism as a threat to Russia's national security

In the article the criminological analysis of the essence and core of religious extremism as a threat to Russia's national security, highlighted its main features, designed to reflect both internal and external processes involving religious ideology in terms of its transformation into criminal activity, address key scientific approaches understanding and appreciation of religious extremism.

Keywords: national security threat, religious extremism, signs of religious extremism, religious extremist crime.

Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Features preventing professional and recidivism crime (history and modern times)

The article defines professional and recidivism crime emphasizes their features and characteristics. Particular attention is paid to the personality the recidivist and professional offender, to their typology and classification. The author analyzes the causes and conditions of professional and recidivism crime and proposes measures aimed at to their minimization.

Keywords: professional crime, recurrent Crime, prevention counteraction, criminal subculture, customs and traditions of the underworld, general and individual prevention.

Kashkarov A.A. Comparative legal characteristics of crimes under Art.290 of the Criminal Code of the Russian federation and Art. 368 of the Criminal Code of the Ukraine

In the article the comparative characteristics of crimes under Art.290 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 368 of the Criminal Code of the Ukraine on the basis of the research of the objective and subjective elements of a crime are investigated. The legislative technique of the presentation of standards is investigated.

Keywords: corruption, bribery, bribe-taking, crime, corpus delicti

Bogatkina R.S. Extradition in criminal proceedings: current problems of legal regulation and application of right

In the article the main sources of legal regulation of the modern institute of extradition are analyzed. Particular attention is paid to the analysis in compliance with domestic regulations and international commitments in the framework of the research subject. As a result, the author comes to the conclusion of the legislative gaps of the Institute of extradition in criminal proceedings.

Keywords: extradition, legal regulation, the request for extradition, criminal procedure cooperation of states, legal assistance in criminal proceedings

Aliullov R.R., Saetgaraev V.F. Factors that contribute to the interaction of departments of internal affairs in relation to operational performance: principles, forms

In the article the need of improvement of cooperation between divisions of the Interior is explained. The actualizing factors of enhance of the interaction, the disclosure of important features: the principles, the subject, forms, methods, legal framework are considered.

Keywords: interaction, cooperation, principles, forms and methods, object, legal framework for cooperation

Khayrullin F.R., Ilidzhev A.A. Conceptual issues of allocation of basis of liability for complicity in a crime on the Russian criminal legislation

In the article the bases and limits of liability for crimes committed in complicity are investigated.

The paper reveals the essence of these bases, analyzes the legal nature of complicity in a crime. It contains proposals to improve the criminal law in relation to the institution of complicity in a crime.

Keywords: complicity in a crime, the legal nature, accessory design of complicity, grounds of criminal responsibility, sentencing.

Kazantsev S.Y., Krasilnikov V.I. Forensic psychiatric expertise and implementation of compulsory medical measures

The authors investigated the most pressing issues of the organization of the forensic psychiatric examination and executive medical measures applied to persons with mental illnesses and committed a punishable socially dangerous acts or crimes. These measures are related to other measures of criminal law, which may replace or accompany criminal penalties.

Keywords: forensic and psychiatric examination, forced medical measures, illegal behavior

Kazantsev S.Y., Amirov R.G. Role of Forensic expertise in the investigations of offenses causing of a grievous bodily harm due to improper medical assistance

With the deepening of expertise in the investigation of crimes connected with the causing of a grievous bodily harm as a result of improper medical care, a creation and testing of new models of expert techniques there is an expansion and complication of the list of available solutions for the expert tasks.

Keywords: methods of investigation, iatrogenic crimes

Buranov G.K. The limitation of exclusive mitigation of punishment (art. 64 of the Criminal Code): is justified or not?

This article deals with the problem of restrictions imposed in the sentencing softer than that provided for the offense. Exploring the Genesis of the Institute, the author impugns the feasibility of banning exceptional mitigation of punishment for terrorist crimes, justifies the position to eliminate the shortcomings of criminal law.

Keywords: sentencing, extenuating circumstances, a lenient penalty, the restriction on the use.

Khusnetdinov G.R., Karpov Y.N., Perov A.V. Module-rating system of control of knowledge.

The article is devoted to the module and rating system of students' knowledge control as one of the way to increase the preparedness in the conditions of introduction of the new standards of education. Authors give the recommendations about the formation of modules and show some methods of formation of rating.

Keywords: module and rating system, analyses, methods, points, objectivity

Kulikov R.S. Individual and differentiated approaches in the training of officers for educational work with employees

Military Reform of the Armed Forces implies a broad reform program in the military-political sphere of the State, military and social institutions that govern the military sphere, the system of military education. All these transformations will inevitably touch the system of training officers to work with the military officers. The most problematic area of the professional and military pedagogy is to teach future military graduates to interact with the military prone to criminogenic behavior.

Keywords: training of officers, criminogenic behavior, differentiated approach.

Khrustaleva O.N. From the «linguistic personality» of the teacher to «language personality» cadet college Russian Interior Ministry

The paper presents an approach to the problem of identity formation of the future of law enforcement officers in the course of development in their departmental university humanities and professional cycle through the prism of the concept of «linguistic identity.»

Keywords: linguistic identity, police, image of law enforcement officers, speech culture of law enforcement officers.

Shevko N.R. Transformation of the essential approach to the content basic factors of production in the information economy

The article discusses the changing nature of the content of the traditional factors of production under the influence of the process of informatization of society. The author emphasizes the new forms of income basic factors of production in modern conditions.

Keywords: information society, information resources, traditional factors of production, an essential approach, the information economy.

Nasibullina N.Sh. Variety of genres of creativity R. Minnullina: literary traditions of East and West

The paper presents an analysis of the lyrics genologichesky modern Tatar poet R.Minnullina, who managed to combine his work in the literary tradition of the Eastern and Western literature, while retaining the identity of national culture.

Keywords: Tatar literature, typology, genologichesky analysis, genre.

Artushina O.V.; Tolstyа M.-V.E. Problems of ensuring fairness in the mechanism of release of the perpetrator from criminal responsibility in connection with the expiration of the limitation period

The article discusses the implementation of the principle of fairness in the release of the perpetrator from criminal responsibility under the statute of limitations. The author proposes changes to existing criminal laws.

Keywords: exemption from criminal liability, statute of limitations, the principle of justice.

Sadykova I.V. Actual problems of the adversarial character of the parties at the present stage of development of criminal proceedings in Russia

The author analyzes the adversarial character of the parties as one of the fundamental principles of criminal law, enshrined in law for the first time in the criminal procedure code of the Russian Federation. Special attention is paid to the function of prosecution at the pre-trial stage. The author comes to the conclusion about the existence of gaps in the legislation on the issues of adversarial criminal proceedings.

Keywords: principle, adversarial character of the parties, legitimate interests, the appeal, the prosecution, the defense, improvement.

Ivanov V.A. Interdepartmental cooperation in providing anti-corruption security activities of the state (public) power on the example of the Republic of Tatarstan)

In the article, the author analyzes the process of interdepartmental cooperation in anti-corruption control of state power activity on the example of the Republic of Tatarstan.

Keywords: corruption, bribery, malfeasance, anti-corruption policy, cooperation, security.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев Ренат Рафаилович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России

Амиров Равиль Гайсович – преподаватель кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Артюшина Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор, и.о. декана юридического факультета ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»
e-mail: vlad-volga1@yandex.ru

Богаткина Руфия Шафкатовна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Буранов Георгий Константинович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета,

Иванов Вячеслав Александрович – адъюнкт Казанского юридического института МВД России, старший оперуполномоченный по особо важным делам УЭБиПК МВД по Республике Татарстан, подполковник полиции
e-mail: slvk@inbox.ru

Илиджев Алексей Александрович – кандидат юридических наук, доцент преподаватель кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России
e-mail: vestnikkui@mail.ru

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Карпов Евгений Николаевич – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель Казанского юридического института МВД России

Кашкаров Алексей Александрович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (Республика Крым, г. Симферополь)
e-mail: kashkarov79@yandex.ru

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор Казанского юридического института МВД России
e-mail: levkom@list.ru

Куликов Роман Сергеевич – кандидат педагогических наук, преподаватель Казанского юридического института МВД России

Красильников Владимир Иванович – доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России
e-mail: vikrasilnikov@mail.ru

Малков Виктор Павлович – доктор юридических наук, профессор Казанского юридического института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Татарской АССР

e-mail: skywriter_al@mail.ru

Мионов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе Казанского юридического института МВД России

e-mail: vestnikkui@mail.ru

Набиев Рустам Фанисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

Насибуллина Нурида Шайдулловна – кандидат филологических наук, ученый секретарь Ученого совета Казанского юридического института МВД России

e-mail: nasibullina.nur@yandex.ru

Перов Александр Владимирович – кандидат технических наук, доцент, преподаватель Казанского высшего военного командного училища

Садыкова Ирина Владимировна – преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Саетгараев Вильсур Фирдависович – соискатель Казанского юридического института МВД России, заместитель начальника отдела Информационного центра МВД по Республике Татарстан

e-mail: vilson78@list.ru

Толстая Мария-Виктория Евгеньевна – слушатель 5 курса Казанского юридического института МВД России

Хайруллин Фаиль Равильевич – прокурор Черемшанского района РТ, старший советник юстиции

Хисамутдинов Фарид Равилевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по учебной работе Казанского юридического института МВД России

тел.: (843) 277 83 82

Хрусталева Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакторского отделения научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Казанского юридического института МВД России

e-mail: vestnikkui@mail.ru

Хуснетдинов Газинур Рустямович – кандидат технических наук, старший преподаватель Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

моб. тел.: 8 904 667 52 08

Шевко Наиля Рашидовна – кандидат экономических наук, начальник кафедры экономической теории, правовой статистики, математики и информатики Казанского юридического института МВД России

e-mail: nailya-shevko@rambler.ru

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Казань

« ____ » _____ 201__ г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института Зиннурова Фоата Канафиевича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____,

именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи « _____

_____», именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение следующие права:

2.1.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. Право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. Право на использование метаданных (название, имя Автора (правообладателя), аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы;

2.1.4. Право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.5. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

2.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

2.5. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.6. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку: фамилия, имя, отчество; сведения об ученой степени; сведения об ученом звании; сведения о месте работы и занимаемой должности; контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Ответственность Сторон

3.1. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

4. Конфиденциальность

4.1. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае их безрезультатности, указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

5.3. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.4. Расторжение Настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.5. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.6. Во всем, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства Российской Федерации.

5.7. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

ИЗДАТЕЛЬ:

**Федеральное государственное
казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»**
420108, г. Казань, ул.Магистральная, 35
ИНН 1659031563, КПП 165901001
в ГРКЦ НБ РТ Банка России г. Казань
р/с 401058100000000010001
л/с 03111517810 в УФК по РТ
тел.: (843) 278-77-28, факс:278-77-58

АВТОР:

ФИО

Адрес

Паспортные данные

Дата рождения

_____**Ф.К. Зиннуров**

_____ (_____)

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, межстрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).